

ПРОСТРАНСТВО

психоанализа и психотерапии

№2 · 2021

ПСИХОАНАЛИЗ В ЭПОХУ ПАНДЕМИИ: ретравматизация, регрессия, выгорание

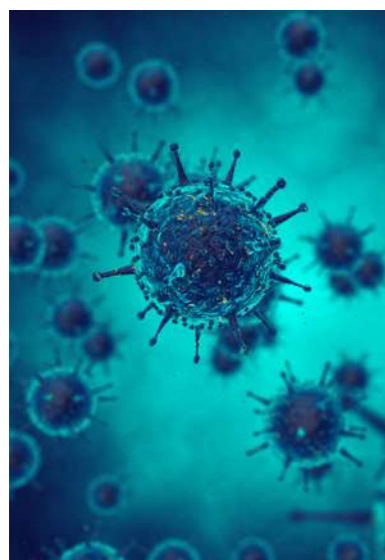
Выпадая из мира:
социальное дистанцирование
и телесность

«Что сказал бы Фрейд?»
о конференциях в Ярославле,
Уфе и Самаре

Психогенез культуры:
средневековые эпохи
постмодерна

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕМА НОМЕРА

Интервью Ф. Маццакане

Научение через опыт переживания.
Что останется за кадром?

6

8

Интервью В. А. Медведева

Ковидный год как модель принуждения
к будущему: психоаналитическое
толкование произошедшего

11

Т. О. Тишкова

Отпустите меня... Опыт проживания
пандемии в пространстве
балинтовского сообщества

19

СОБЫТИЯ

26

II Межрегиональная научно-практическая
онлайн конференция по психоанализу:
«Что сказал бы Фрейд? Эра лиминальности»
(г. Ярославль)

28

Е. А. Викторов

О понятии «лиминальность»

30

Н. А. Мазалова

Заблудившаяся душа. Феномен
трансгендерности: определение,
трудности и пути решения

32

VI Уфимская научно-практическая
онлайн конференция: «Я и ты —
танец в ритме. Психоанализ любви
и отношений в паре» (г. Уфа)

40

Е. В. Васильева

Параллели в танго измен

42

Е.-К. Н. Ларина

Генералы песчаных карьеров

45

С. С. Фёдорова

Материалы Круглого стола: «Попавшие
в сети. Как социальные сети меняют нас»

48

IV межрегиональная научно-практическая
конференция по психоанализу: «Границы
родительской любви: дозволенное,
недозволенное» (г. Самара)

51

О. Н. Князькова

Современное родительство

56

Н. А. Мазалова

Работа с родителями в психотерапии
с детьми и подростками в докладе
Джозефа Кнобеля Фрейда

59

ИЗ МИРА НАУКИ

64

Что день грядущий нам готовит...

66

Риккардо Ломбарди

Коронавирус, социальное дистанцирование
и тело в психоанализе

68

Альфред Маргулис

Выпадая из мира — и тоскуя по дому

74

Ховард Б. Левин

Предварительные размышления о кризисе,
вызванном пандемией COVID-19

83

Джанет Сайерс

Психотерапия онлайн: проблемы переноса
и контрпереноса

90

ЛЮДЯМ ПРО ЛЮДЕЙ

100

Интервью с Председателем РО-Ярославль Ю. С. Метельской
«Психоанализ — это место»

102

Ю. С. Метельская

Символика ритуала перехода
в сновидениях

111

ПСИХОАНАЛИЗ КУЛЬТУРЫ

120

И. Ю. Шлыкова, А. В. Симонова

Психогенез культуры: средневековые
эпохи постмодерна

122

АНОНСЫ

148

Навигатор событий

150

Юдит Лё Сольда.

Причины гомосексуальности. Курс лекций
о новой психоаналитической
теории гомосексуальности

154

Прикосновения к прошлому: новейшая
история российского психоанализа
в интервью, статьях, воспоминаниях.

Том первый. *Составитель и редактор В. А. Медведев*

155

ЕАРПП

Национальное отделение
ЕСРР (Vienna, Austria)

Электронный периодический
(ежеквартальный) научно-
информационный журнал
«Пространство психоанализа
и психотерапии» ©

Журнал зарегистрирован
в Комитете РФ по печати
и Роспотребнадзоре.

Учредитель и издатель:
МОО «Европейская ассоциация
развития психоанализа
и психотерапии» (ЕАРПП)
Свидетельство ОГРН
1186658093764 от 21.04.2020 г.

Подписка: бесплатно для
читателей. Для ознакомления
с номером достаточно зайти
на сайт <https://earpp.ru/>.

Для получения уведомлений
о выходе нового номера
подпишитесь на общую
рассылку сайта.

Адрес размещения номеров:
https://earpp.ru/journal_earpp/

Для контактов с редакцией:
E-mail: earpp.journal@gmail.com

Данные № 2, 2021:
дата выхода: 15 июня 2021 г.

ISBN 978-5-6040138-7-8

ISBN 978-5-6040138-7-8

9 785604 013878

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Главный редактор:

Ю. Е. Стулова

Заместитель главного редактора:

Г. В. Гридаева

Научный редактор:

Я. И. Коряков

Редактор-корректор:

Т. О. Тишкова

Куратор рубрики «Тема номера»:

Т. В. Мизинова

Куратор рубрики «Из мира науки»:

Х. Г. Фостиропуло

Куратор рубрики «Психоанализ культуры»:

О. Н. Князькова

Переводчики:

Т. А. Тармогина, Х. Г. Фостиропуло, А. А. Попова,
Е. В. Щепкина, Ю. Е. Стулова

Вёрстка:

В. В. Шебанов

Все права защищены.

Перепечатка текстов и иллюстраций только с разрешения
редакции. При цитировании ссылка на журнал «Пространство
психоанализа и психотерапии» обязательна.

Редакция не всегда разделяет точку зрения авторов. Редакция
не несет ответственности за содержание рекламных материалов.

Благодарность

Редакция журнала выражает благодарность
за добровольные пожертвования на развитие
проекта, которые помогли второму номеру
состояться. Мы благодарим как частных спонсоров
(Т. В. Мизинову, А. А. Тимошкину, С. С. Фёдорову,
Т. О. Тишкову, Г. В. Гридаеву, Ю. Е. Стулову, В. А. Шустову,
С. Г. Верховых, К. А. Лемешко, О. И. Лебедеву и др.),
так и региональные отделения ЕАРПП (Москва,
Республика Башкортостан, Вологда, Санкт-Петербург
(секция современного психоанализа)).

Спасибо! Ваша помощь важна!

ОТ РЕДАКЦИИ

Согласно популярной теории «эпидемиологического перехода» Абделя Омрана, исчезновение инфекционных болезней в процветающих странах должно было стать неизбежным следствием экономического развития. На смену же инфекционным заболеваниям приходят недуги сидячего образа жизни, хронические, незаразные вроде сердечной недостаточности или рака. Однако в период с 1940 по 2004 год более 300 инфекционных болезней впервые появились или возродились на новых территориях. Как выяснилось, экономическое развитие не является панацеей против заразных болезней. Омран ошибался¹.

На самом деле, инфекционные болезни сопровождают нас повсеместно в течение всей нашей жизни, подчас приводя к смерти. И, как неизбывный факт нашей реальности, микробы и вызываемые и ими заболевания не могут не быть частью психической картины мира, не могут не оказывать влияния на психическое функционирование, в том числе на возникновение и развитие психических нарушений. В связи с этим вызывает удивление то, насколько столь значимая часть реальности подчас отрицается, игнорируется, попадает в «слепые пятна» человечества.

Стараясь защититься от страха смерти в частности и персекуторной тревоги в общем, психика не замечает невидимую угрозу, исходящую от болезнетворных микроорганизмов. Эпидемии холеры, чумы и туберкулёза как будто остаются страшными сказками на ночь, а не реальным явлением, влияющим на судьбы человечества.

Человечество испытало шок в 2020 году на фоне пандемии коронавирусной инфекции, но не сам вирус вызвал столь мощную реакцию, а то, как человечество отреагировало на нападение. Ковид стал катализатором, выпустив на волю неотреагированное и вытесненное, проявив как самое худшее, так и лучшее в людях, став апофеозом проявления как нарциссизма XXI века, так и альтруизма и самопожертвования.

Мы вместе с вами вспомним основные моменты пандемии и попробуем переработать часть протоэмоций, научаясь через опыт переживаний.

Главный редактор Ю. Е. Стулова

¹ Пандемия: Всемирная история смертельных инфекций / Сося Шах; Пер. с англ. — М.: Альпина нон-фикшн, 2020. — 454 с. (Серия Alpina Popular Science)

ТЕМА НОМЕРА

Тема второго номера — «Психоанализ в эпоху пандемии: ретравматизация, регрессия, выгорание». Как и в прошлый раз, мы не претендуем на полное раскрытие и освещение поднимаемых вопросов, но стараемся осмыслить тему в диалоге с коллегами — признанными специалистами в области психоанализа и психотерапии. В этот раз ими стали Фульвио Маццакане, Владимир Александрович Медведев и Татьяна Олеговна Тишкова.

Тексты получились эмоциональными и личными, и мы благодарны уважаемым коллегам за откровенность. Пандемия охватила весь мир, но каждый человек переживает через свою историю или своих близких и друзей. С этой точки зрения пандемия у каждого своя, ведь у каждого своя история. В отношении же общих паттернов психического реагирования мы выделили три явления, которые объединяют большинство людей и во многом помогают понять то, как мы справляемся с кризисом:

1) заболевая, мы регрессируем — регрессия как нарциссическая психическая защита заставляет нас не только «закукливаться», отгораживаясь от мира, но одновременно и проя-

вить то, что в здоровом состоянии остается скрытым;

2) столкновение с потерей близких и со страхом смерти наносит психическую травму (или приводит к ретравматизации), так как травма есть то, что невозможно и представить и пережить, а смерть именно такова. Особенности переживания утраты, страха смерти и чувства вины демонстрируют специфику объектных отношений;

3) длительное пребывание в состоянии психического напряжения, особенно в ситуации двойного давления (со стороны собственных тревог и тревог пациентов) приводит к выгоранию и необходимости искать новые пути, дополнительные точки опоры и способы самовосстановления. На что мы опираемся, что дает нам смыслы и представляет наибольшую ценность — это становится отчетливо заметно именно сейчас, в эпоху пандемии.

Обозначенные три направления мышления — что проявилось в процессе регрессии, как человек справляется с травмой и с каким «багажом» остается после — возможно, помогут и вам лучше понять собственную историю и истории ваших пациентов.

Научение через опыт переживания. Что останется за кадром?

Фульвио Маццакане
(Fulvio Mazzacane)

- психиатр, психоаналитик
- тренинг-аналитик и супервизор Итальянского психоаналитического сообщества (Società Psicoanalitica Italiana, SPI) и Международной психоаналитической ассоциации (International Psychoanalytical Association, IPA)

— Италия стала одной из первых стран, которые затронула пандемия и одной из самых пострадавших. Можете ли вы рассказать, как пандемия входила в вашу практику и жизнь, выделить какие-то этапы?

— Первые два месяца были самыми травматичными, боязнь заболеть сказывалась на трудовой и семейной жизни. Некоторые члены моей семьи принимали участие в борьбе с вирусом: работая в больнице, они были рады оказаться к вечеру не больными. Для меня же было важно попытаться сохранить живые отношения с пациентами. Я не согласен, однако, с коллегами, которые слишком подчеркивали усталость аналитиков от работы только онлайн. Я думаю о всех тех, кто остался вообще без работы. Благодаря развитию технологий мы могли продолжать поддерживать связь с нашими пациентами и разделять с ними очень интенсивные переживания. Шок длился два месяца, затем началась перестройка жизни и трудовой деятельности.

— Каково это помогать другим, когда сам находишься в травмирующей ситуации локдауна, угрозы для собственной жизни и здоровья, и жизни и здоровья своей семьи и друзей?

— Невозможно было не думать о ежедневном риске, но благодаря этим размышлениям стали возможны моменты интенсивной близости

сти с пациентами и взаимной поддержки друг друга и заботы о состоянии здоровья. Вынужденная реорганизация аналитической работы создала атмосферу вызова, который активизировал в большинстве пациентов, и, думаю, что и во мне самом, неожиданные ресурсы. Другое дело, и это было по-настоящему тяжело, — поддержка некоторых пациентов, работавших на переднем крае борьбы с вирусом врачей, которые столкнулись с разрушительными выборами и которые видели, как умирает невероятное количество пациентов, и имевших столь мало ресурсов для оказания помощи.

— Как повлияла пандемия на ваших пациентов? Есть ли общие закономерности?

— Психоаналитическая перспектива всегда направлена, скорее, на конкретную личность. Пандемия и страдания, которые она принесла, никого не оставили невовлеченным, но реакции были, очевидно, разными. На первых порах у некоторых пациентов существовала идея, что происходящее временно и что стоит немного подождать и психоанализ возобновится в кратчайшие сроки. Постепенно с каждым пациентом мы нашли решение, как быть дальше. В первые три месяца 100% практики проходило онлайн, постепенно многие пациенты вернулись в офис.

— Если пациент находится в ситуации травмы или ретравматизации в связи с пандемией, и аналитик находится в той же ситуации, не образуются ли «слепые пятна» в их работе? Как разделять травмированные части аналитика и пациента и нужно ли это делать?

— Основная задача всегда состоит в том, чтобы думать о травме, даже коллективной, через те смыслы, которые каждый конкретный человек привносит в связи с ней в аналитическую ситуацию в конкретный момент своей жизни и аналитической истории. Стоит уделять внимание не только тем травмирующим аспектам, которые связаны с типичными для пациента тревогами, но и тем видам страдания, которые являются уникальными именно для пандемии, их вызвавшей.

— Что помогло/помогает вам справляться с собственными переживаниями по поводу происходящего? Где вы черпаете

ресурс? Что служит поддержкой, на что опираетесь?

— С клинической точки зрения тот факт, что у меня уже есть многолетний опыт онлайн терапии, помог мне в трансформации терапевтических путей. И конечно, в экстремальных ситуациях доверие к аналитическому инструментарию и налаженная семейная жизнь могут стать надежной поддержкой.

— По прошествии года, есть ли у вас результаты наблюдений за пациентами? Каковы, по вашему мнению, особенности работы с пациентами в эпоху пандемии? И можно ли выявить общие закономерности?

— Пандемия дала нам всем возможность переопределить жизненные цели, пересмотреть отношения с близкими и их отсутствие. Не думаю, что был какой-то единый для всех способ реагирования. Некоторым пациентам пандемия дала шанс увеличить количество сеансов. Некоторые почувствовали облегчение благодаря изменению дистанции из-за работы перед экраном и сумели затронуть те вопросы, приближение к которым в ином случае, вероятно, потребовало бы больше времени. С другими пациентами месяцы локдауна стали своего рода скобками¹, мы пытались просто сохранить отношения в ожидании лучших времен.

— Я читала в вашей статье «Паранойя», что среди коллег вы являетесь признанным специалистом по работе с параноидными пациентами, столкнулись ли вы с отличиями в реакциях таких пациентов и пациентов с другими типами патологии?

— Мой интерес связан не только с клинически параноидальными пациентами, но и с параноидными ситуациями аналитического поля, которые могут возникнуть в любом анализе. Пандемия крайне сильно активизировала преследующие объекты благодаря наличию внешнего врага, сначала вируса, после (для некоторых) вакцины, которые стали проводниками (персонажами) на сессиях для персекуторных

¹ В Италии было введено два локдауна с разницей более чем в полгода. Имеется в виду, что время между локдаунами было не полноценной работой, а как бы психоанализом, взятым в скобки локдаунов. Замерзшее состояние в ожидании лучших времен. (Прим. переводчика)

аспектов психики, которые, на самом деле, связаны с прохождением аналитического пути. Задача состояла в том, чтобы, принимая во внимание внешнюю ситуацию, в рамках которой мы все действительно были преследуемы вирусом, расширить обсуждение других тем: нестабильность существования, качество человеческих отношений, восприятие опасности от контакта друг с другом.

— Думали ли вы над психоаналитическими смыслами и интерпретациями всего происходящего (пандемии и вызванных ею реакций)? Что может лежать в основе реакций правительств и отдельных людей, с которыми мы столкнулись за последний год?

— То, что меня поразило больше всего, так это неподготовленность к происходящему правительства, медлительность в реагировании, неспособность преодолеть политические разногласия в борьбе с общим врагом, недостаток солидарности, выбор в пользу экономических аспектов, а не жизни людей. На мой взгляд, пандемия стала вызовом, с которым человечество сначала не справилось. И только сейчас, благодаря великим способностям человеческого разума, ответившего на вызов созданием вакцины, и жертвоприношению всех работников здравоохранения мы смогли немало отыграть.

— В 1918–1920 гг произошла эпидемия испанского гриппа, которая по разным подсчётам унесла жизни от 50 до 100 млн человек. Не знаю, как в итальянских школах, но в российских курсах истории практически не упоминается этот факт. Мы подробно говорим о чуме в Европе в 14 веке, но факт эпидемии 1918–1920 как будто вытеснен из сознания. И я обратила внимание, что вспышки свиного и птичьего гриппа ненадолго становились сенсациями, но не приводили к серьезным трансформациям в области здравоохранения и экономики. Человечество как будто «забывает» каждый раз о «невидимых угрозах». Я видела много раз в интернете информацию о том, что правительства разрабатывает протоколы и рекомендации по поведению даже в случае зомби-апокалипсиса (конечно же, остается вопрос об их эффективно-

сти), но информации о разработке подобных рекомендаций в случае пандемии — нет. Вам не кажется это странным?

— Я тоже был шокирован тотальным игнорированием частью людей (и чиновников) событий, произошедших столь недавно. Я думаю, что наше общество заплатило за бред всемогущества и что преобладание потребительской экономической логики привело к тому, что мы забыли, что мы — не хозяева Земли и что мы слишком плохо относимся к планете, которая дает нам приют.

— Какой опыт мы можем вынести из этой пандемии? Вынести в смысле «приобрести» и в смысле «выдерживать».

— Осознание того, что те, кто прошел через пандемию лучше всего, сделали это благодаря активно действующей сети человеческих отношений, что выбор жизненных целей важен, что признание в социальной группе помогает преодолеть неизбежные жизненные невзгоды, даже когда дело доходит до борьбы с «психическими» вирусами.

— Каким вам видится ближайшее будущее Италии, итальянского психоаналитического сообщества, мира? Мы опять обо всем позабудем или, может быть, в этот раз сможем научиться на опыте переживаний?

— Что касается Италии, я думаю, что система здравоохранения, которая, несмотря на то, что ею пренебрегают и плохо финансируют, ответила на угрозу оптимально. К сожалению, у меня нет большой надежды на то, что это запомнят.

Я надеюсь, что психоаналитическое сообщество Италии воспользуется пандемией для осознания необходимости идти в ногу с социальными изменениями. Я думаю, например, о важности более тщательного рассмотрения онлайн терапии и использования интернета для занятий, семинаров и супервизий. Мы должны переопределить цели нашей жизни, как на индивидуальном, так и на социальном уровне, но я боюсь, что к тому времени, когда мы преодолеем чрезвычайную ситуацию, будет потеряно чувство драматичности этой пандемии и многое опять будет забыто. **п**

*Беседовала и перевела с итальянского
Стулова Юлия Евгеньевна*

Ковидный год как модель принуждения к будущему: психоаналитическое толкование произошедшего

Медведев Владимир Александрович

- философ, психоаналитик-исследователь
- кандидат философских наук
- действительный член и глава российского отделения Международного общества прикладного психоанализа (ISAP)
- действительный член Российского философского общества, Российского психологического общества, Почётный член ЕАРПП (Россия)
- директор Авторской психоаналитической школы Санкт-Петербургского психолого-аналитического центра
- руководитель международного исследовательского проекта «RUSSIAN IMAGO», координатор сетевого проекта «Психоаналитический летописец» и главный редактор изданий данных проектов
- автор монографий «Сны о России. Психоанализ российской действительности и русской судьбы» (в 2 томах), «Импровизации на тему психоанализа», «Психоанализ психоанализа»

— Владимир, прежде всего, спасибо, что нашли время и согласились дать интервью. Я знаю, что многие наши коллеги с интересом читают ваши публикации на разные темы и многому учатся у вас.

Прошедший год принес всем нам много неожиданного и явно требующего разъяснения, в том числе и с психоаналитической точки зрения. Мы знаем вас как психоаналитика-исследователя, и хотелось бы услышать вашу точку зрения на произошедшее и происходящее. Чем интересен был «год пандемии», какие события и открытия принес он вам?

— Прежде всего, хочу поблагодарить вас, Татьяна, за то, что вы дали мне возможность порассуждать о коронавирусе и ковиде, как аутоиммунном психосоматическом расстройстве, им провоцируемом, в форме интервью. Мне давно хотелось публично проговорить свои мысли на эту тему, поделиться своим опытом, но сделать это в форме статьи в наших и зарубежных психоаналитических изданиях мне было затруднительно в силу формальных требований для подобных публикаций (сносок, ссылок, списка источников и прочего антуража, в данном отношении совершенно неуместного). А вот жанр интервью — это то, что надо!

Действительно прошел ровно год с того очень важного для меня, и в чем-то даже переломного, двухнедельного периода, когда я, инфицировавшись новым коронавирусом и подойдя к самому краю «ковидного самоуничтожения», остановился на этом краю, мобилизовав те ресурсы, которые мне смог предоставить накопленный за 30 лет психоаналитический опыт. Остановился, осмыслил природу произошедшего и 8 мая 2020 года начал в своем интернет-блоге серию публикаций под общим названием «Как переболеть ковидом: заметки выжившего»¹. Массовый интерес к этой серии — заключительные ее материалы читали почти 50 000 человек — вдохновил меня на дальнейшие размышления в этом направлении, весьма продуктивные, кстати говоря. Продуктивные и в области новых концептуальных обобщений, и в области предложений по модернизации психоаналитической техники: у нас ведь исследования неразрывны с практикой.

— **Концептуальные обобщения встречаются крайне редко в последние годы, что увеличивает их ценность, и мы обязательно к ним вернемся. Но начать наш разговор хотелось бы с достаточно конкретного вопроса: что именно, какие ресурсы психоаналитического опыта, способны помочь человеку, болеющему ковидом? Могли бы вы поделиться вашим личным опытом?**

— Я не совсем с этого хотел начать наш разговор, но давайте и вправду начнем сразу с главного — с демонстрации наших чудесных возможностей там, где пока что царит растерянность и непонимание. Я имею в виду психотерапию предковидных фобий и панических состояний, психотерапию «острого ковида» на пороге аутоиммунного телесного саморазрушения («цитокинового шторма») и психотерапию постковидных психосоматических расстройств, описываемых ныне в широчайшем спектре их симптоматических проявлений.

Это не совсем моя тема, я — психоаналитик-исследователь. Но это и моя тема тоже, поскольку я прошел все эти три стадии опыта

общения с коронавирусом именно в режиме постоянной психоаналитической поддержки, четко понимая, что именно со мною и вокруг меня происходит, действуя сообразно этому пониманию и фиксируя результаты своих действий с перспективой описания их как психотерапевтической методики.

Психоанализ, как воплощенный в объяснительных концепциях и технических методиках персональный опыт Зигмунда Фрейда, изначально и донныне учит нас практически воплощению классической заповеди «Cūga tē ipsum» (в устах Иисуса она звучала как «Врачу, исцелися сам»). Индивидуальный опыт психоаналитика, его «личный кейс», как всегда важен для профессиональной эффективности психоаналитической практики, основанной на вере и на способности эту веру формировать и поддерживать. Достоевский подарил нам по этому поводу поучительную мысль: для работы в глубинах Души человеческой потребны Чудо, Тайна и Авторитет. Проблема тут лично для меня только в том, что жанр публичного интервью (хотя и для издания, предназначенного исключительно для коллег) требует проговаривания этой Тайны, рассказа о Чуде как об обыденном событии. Но иначе нельзя, иначе не получится это свое персональное Чудо интегрировать в практику помощи другим людям. Помнится, Фрейд всю жизнь сожалел о том, что откровенно рассказал о своем чудесном выздоровлении и преображении в «Толковании сновидений», но не сделал он этого — никакого психоанализа сейчас у нас бы не было. Надеюсь, что мне не придется жалеть о том, что я тоже буду сегодня максимально откровенен, тем более, что откровенность эта относительна: и Фрейд явно лукавил, выстроив свою Книгу как ребус для разгадывания, а не как опыт эксгибиционизма; да и я, конечно же, оставлю многое со мною произошедшее за этот год в Тайне. Сила психоанализа не в выбалтывании тайн, а в молчаливом создании атмосферы Тайны (кстати, Тайна — это одно из реальных имен Бессознательного).

Скажу сразу, с ковидом мне здорово повезло, причем без всяких кавычек. Сейчас мы переживаем только первые «схватки» рождения новой модели культуры и новой модели цивилизации, спровоцированных эпидемией; грядут и новые, гораздо более разрушительные

Дома для меня творческая самоизоляция, перемежающаяся с поездками за покупками и прогулками с собакой, всегда была привычной и желанной нормой, дарующей мне высокий уровень продуктивности

и одновременно более продуктивные изменения. И мне не хотелось бы, чтобы каждый раз, войдя в период этих болезненных «схваток» рождения себя в новой реальности, основанной на новом типе подключенности к Бессознательному, мы снова кричали от боли и страха, не понимая, что с нами происходит.

А психоанализ как раз и был изначально предназначен для того, чтобы давать людям такое понимание, показывать им, что их мучает, что препятствует их обыденной жизни, что разрушает ее, что превращает ее, такую привычную и легкую, в набор мучительных затруднений (своего рода навязчивых симптомов). Или хотя бы давать иллюзию такого понимания, что тоже немало, ведь именно из иллюзий, сцементированных верой, мы и выстраиваем знание новой реальности тогда, когда прежняя демонстрирует нам свою обветшалость и на наших глазах начинает разрушаться. Особая ценность произошедшего с нами всеми за этот год — возможность увидеть будущее: свое собственное, своей семьи, тех социальных групп, к которым мы себя причисляем, той культурной оболочки, в которой пребывают эти группы, и, пожалуй, что и человечества в целом, судя по глобальности произошедшего и до сих пор происходящего с нами.

— **Вы сказали, что вам сильно повезло. В чем состояло это везение?**

— Сейчас поясню. Прежде всего, мне повезло как психоаналитику-исследователю. Так вышло, что столкнулся я с весьма странной и настоятельно требовавшей истолкования

реакцией людей на появление SARS-COV-2 не в России, а вне привычной для меня обыденности. Именно это обстоятельство помогло мне обнаружить и оценить с позиции психоаналитического исследовательского подхода то, что дома я мог бы и не заметить: начало схлопывания культурно-цивилизационной оболочки, ее быстрое и неожиданно универсальное, общечеловеческое, выворачивание наизнанку, превращение в свою противоположность. Где, как в сказке о Золушке, при «последнем ударе часов в полночь», знаменующих некий «конец и начало времен», коммуникация превратилась в самоизоляцию, а сотрудничество — в дистанцирование; где основой социальности вместо любви стал страх; где привычные нам базовые регрессивные состояния «сползли вниз», от детства к младенчеству; где блаженствует первичный нарциссизм, наконец-то обретающий адекватную своим запросам социокультурную оболочку; где человек даже телесно превращается в своего «антипода», поскольку меняются местами телесные верх и низ, формируя новые зоны интимности и желание их прикрывать («революция масок» в этом смысле подобна «революции трусов» начала прошлого века); и т.д. Обыденная жизнь внезапно была объявлена патогенной сферой и была подвергнута стремительно нарастающему отрицанию, в итоге быстро ставшему абсолютным.

Дома я мог бы не так остро воспринять этот процесс «реновации» социокультурной оболочки, знаменующий конец (и одновременно, новое начало) истории, реальное, а не концептуально моделируемое, пересечение всеми нами границы межцивилизационного перехода («эпохи глобальных перемен»), наше «принуждение к будущему», пока еще тестовое, но уже вполне определенное по содержанию перемен и их перспективам. Дома для меня творческая самоизоляция, перемежающаяся с поездками за покупками и прогулками с собакой, всегда была привычной и желанной нормой, дарующей мне высокий уровень продуктивности. В этом плане сегодня уже можно сказать, причем без малейшей иронии, что я, как и подобные мне психоаналитики, «делающие свою жизнь» с Зигмунда Фрейда, являюсь своего рода «человеком будущего». Подчеркиваю, Фрейд был именно таким «человеком будущего» и именно поэтому его наследие так

¹ <https://arisot.livejournal.com/45561.html>

важно для нас при переживании нынешней ситуации и при подготовке к ее грядущим последствиям и рецидивам. Он постоянно предупреждал о том, что нас ждет обрушение культурного здания, в котором мы живем, о том, что нужно готовиться к будущему как к полярной экспедиции, а не как к прогулке по вершне-итальянским озерам. И вот теперь настала пора его услышать и посмотреть, что же именно он предлагал нам в качестве экипировки для этого похода в мир вечного холода, тьмы, одиночества и скрежета зубового. В мир, где нормой становится все то, что раньше атрибутивно приписывали Аду.

Так вот, вдали от дома, влившись в массу «отдыхающих», т.е. людей, вырванных из оболочки привычной обыденности и на короткое время вступивших в пространство ритуалов релаксационной игры с заранее определенными правилами, я обостренно воспринял стремительно ускоряющееся изменения этих правил, в итоге приведшее к краху самой этой игры. Сначала внезапно пропало самообслуживание за завтраком и «шведский стол» сменился скудным меню, потом закрылись рестораны и бары, затем рынки и моллы, а потом и с пляжей исчезли лежаки, но появились полицейские патрули, а выход за пределы номера стал проблематичен даже в маске и перчатках. Тогда мы с супругой, не дожидаясь того, что будет дальше, поменяли билеты и, как оказалось, последним рейсом «Эмирейтс» вернулись домой в Санкт-Петербург. Там нас уже встречали в Пулково работники Роспотребнадзора в костюмах космонавтов, вручающие нам под камеру предписания о двухнедельном карантине. И где обнаружилось, что того мира, из которого мы буквально несколько дней назад улетали, больше нет: все «игры», в которые мы ранее спокойно играли — игры обучения, работы, привычного дружеского и семейного общения, досуга, даже игры в «пациента и доктора», даже (что было самым странным и страшным) вроде бы именно для таких случаев и придуманные религиозные ритуалы — рухнули в одночасье. Мы вернулись на обломки той цивилизации, из которой так недавно улетали.

И этот контраст также позволил многое заметить и проанализировать, в частности, ту явную странность, что наблюдаемый социокультурный и политико-экономический

коллапс был несоразмерен угрозе, якобы его породившей. Достаточно заметить, что при введении в прошлом году тотального апрельского локдауна в нашей стране было несколько сотен инфицированных и 46 умерших от COVID-19, что сегодня, когда первые исчисляются миллионами, а вторые — сотнями тысяч, выглядит как некая мечта, как нереальный ныне идеал окончания эпидемии и полного отсутствия угрозы. По всему выходило, что и тот страх, который объял нас всех и заставил, всё бросив, испуганно попрятаться, и та политика тотального контроля, тотального запрета всего, что было привычно-нормальным, и тотальной регламентации остатков разрешенного (мы помним коды на разовый выход из дома и графики вывода «самоизолянтов», быт которых был организован гораздо жестче домашнего ареста, на прогулки), которая этот страх подхватила, усилила и закрепила в качестве фундамента новой социальности, были реакциями не на вирусную угрозу (на тот период в разы менее опасную, чем привычный нам сезонный грипп), а на нечто иное, более серьезное, более мощное и явным образом неосознаваемое.

Стало понятно, что мы слышали голос Бессознательного, столкнулись с Реальностью, обычно сокрытой от нас покрывалом иллюзий, испугались и спрятались. Вспоминается тут, весьма кстати, поведение Адама из библейской истории об изгнании из Рая: как он, услышав голос разыскивающего его Бога, «убоялся и сокрылся». Так и мы все убоялись и сокрылись, услышав «голос Бога», ощутив вдруг себя «нагими», т.е. незащищенными, открытыми некоей неведомой ранее угрозе. И внезапно вывалились из райского мира своих обыден-

Стало понятно, что мы услышали голос Бессознательного, столкнулись с Реальностью, обычно сокрытой от нас покрывалом иллюзий, испугались и спрятались

ных иллюзий, обнаружив, что они скрывали от нас нашу главную и внезапно проявившуюся уязвимость, нашу смертность, превратившуюся вдруг из далекой абстракции в нечто реальное и близкое. Ставшую для нас проблемой и потребовавшей от нас заключения с нею нового «культурного договора», возвращения ее, как писал Фрейд («Мы и Смерть») в мир нашей обыденности, для чего последняя как раз и должна быть вывернута наизнанку.

Любой страх, как мы знаем, является последним рубежом подавления недопустимого к отреагированию влечения. В данном случае, исходя из тотальности проявления этого страха и его мощи, речь, несомненно, шла о первичном (базовом) влечении, а разрушительность его проявлений по отношению ко всему, что связано с объединяющим людей Эросом, говорило нам о том, что столкнулись мы с влечением к Смерти, ощутили в себе волю Танатоса. А те ритуалы мучительного самонаказания и тотального лишения себя всех ранее нам доступных человеческих радостей, которые мы при этом защитно воспроизвели, явным образом демонстрировали наличие основания для подобного рода глобального самоубийственного импульса — неосознаваемого чувства вины, причем вины глобальной и требующей не менее глобальной за нее расплаты.

К счастью, у нас в психоанализе по этому поводу уже давно лежал без применения массив знаний, сформулированных Фрейдом в сходной ситуации для объяснения похожих проявлений «разрыва культурного договора со Смертью». Я имею в виду фрейдовские работы, отражающие его анализ глубинной психодинамики периода Великой войны (1914–1918) и Великой пандемии (1918–1920): от «Своевременных мыслей о войне и смерти» до «По ту сторону принципа удовольствия». Я всегда с особым личным подключением читал и перечитывал эти тексты; и вот это знание мне пригодилось, когда, пройдя по столетнему штрафному кругу, человечество снова встало перед лицом Сфинкс, т.е. вошло в очередную теснину, где нужно сделать выбор: либо услышать голос Бессознательного, понять его волю, принять ее и измениться (именно на этом всегда настаивал психоанализ), либо снова принести на алтарь непонимания сотни миллионов жертв и вслепую (подобно Эдипу) бродить

по земле до столкновения с очередной пропастью и сидящей на ее краю Сфинкс.

Все это было так очевидно, что вернувшись в Россию я сразу же написал и обнародовал серию текстов под общим названием «Записки вируса-квартируса»¹, в которых вполне ясно рассказал всем желающим понять, что же такое странное с нами происходит: и о том, что нас ныне убивает; и о том, за что; и о том, почему мы реагируем на эту угрозу именно так, а не иначе; и о том, какое послание мы ныне получили от Бессознательного как глобального биоэволюционного регулятора; и о том, какова динамика начавшейся ныне и проходящего пока еще в тестовом режиме (т.е. с «откатом», но уже в русле исторической неизбежности) «реновации реальности», что нас всех ждет на этом пути в ближайшем и отдаленном будущем.

Увидев, что эти мои «Своевременные размышления о пандемии и смерти», до предела насыщенный фрейдовским «героическим пессимизмом», интересуют очень ограниченную аудиторию (вначале из читало не более 500 человек, а завершающие серию очерки не набрали и 300 читателей), я понял, что людей ныне интересуют не судьбы человечества, а их и их близких персональные судьбы, не контуры будущего, формируемые контурами прошлого, а реалии настоящего, здесь и сейчас с ними и вокруг них происходящего. Фрейдовский лозунг, выдвинутый им в похожей ситуации как спасительный ориентир, «Si vis vitam, para mortem» («Хочешь выжить, готовься к смерти») следовало обосновать и превратить в практические рекомендации для отдельного современного человека, если не для каждого, то, по крайней мере, для всех тех, кто доверяет психоанализу и прислушивается к нашим советам.

— Наши читатели психоанализу доверяют и ваши советы будут интересны. Владимир, вы можете сегодня поделиться с нами практическими рекомендациями подобного рода?

— И да, и нет. Над этим нужно еще много работать и явно не мне одному. Сегодня можно уже со всей определенностью сказать, что

¹ <https://arisot.livejournal.com/43396.html>

«психоанализ ковидной ситуации» помогает нам эффективнее (или, по крайней мере, безопаснее) решить две проблемы.

Во-первых, психоанализ (по крайней мере, в его фрейдовском понимании) помогает понять, как готовиться к практически случайно спровоцированному «ковидом» (эту роль могли сыграть и иные факторы) началу смее цивилизационной модели, как наиболее выигрышно войти в то будущее, которое нам показалось на время, снова спрятавшись, но дав нам понять, что мы к нему уже готовы. Мы на пороге глобальных изменений, которые не навязаны нам, а напротив, порождены нашей собственной радикальной трансформацией. Мы воспринимаем происходящее как травму, как кризис, но терпим, особо не сопротивляемся. А нынешний откат в привычное нам прошлое, как и грядущие все более слабые откаты при все новых и новых попытках принуждения нас к уже понятному будущему, к переселению в мир самоизолированных нарциссов, связан всего лишь с инерцией столетиями поддерживающей нашу социальность культуры, ориентированной на Эрос и его сублимации, а не на Танатос, на теплоту взаимодействия, а не на холод дистанцирования, на любовь к Другому, а не на фобийное бегство от него как «источника заразы». В Доме старого Бога, повторю здесь метафору Фрейда, еще живут люди, но Бог этот уже умер и тут больше не живет, разве что еще не выписан отсюда окончательно. Так что психоанализ спокойно может подрывать его фундамент, готовя котлован для нового строительства и составляя проектную документацию для его, этого строительства, будущих прорабов.

Во-вторых, психоанализ помогает (по крайней мере, способен реально помочь) отдельному конкретному человеку подготовиться к встрече с вирусом таким образом, чтобы она не стала фатальной, не привела к тяжелой болезни, а то и гибели. Причем гибели не от вируса. Вирусы если не дружелюбны, то вполне нейтральны к своим носителям. Перед ними, как мягкооболочными капсулами с РНК-кодом, стоит лишь одна задача — максимально распространиться, занять свое место в биоценозе, проникнуть в клетки и ДНК-реплицироваться, а в перспективе внедриться в цепочки ДНК уязвимых для их атак организмов (как выяснилось, наш с вами, Татьяна, че-

ловеческий ДНК-код уже сейчас на 8 процентов состоит из вирусных цепочек). Так что вирус нас не убивает, в перспективе он нас изменяет, а в момент нашей с ним встречи он может вызвать симптомы простуды, максимум, временную потерю обоняния (привет Флису!). Загоняет же нас в «ковид» как болезнь, мучает, а порою и убивает наш собственный иммунитет, у которого, как рассказал нам некогда Фрейд, есть программа уничтожения своего «подзащитного», которую основоположник психоанализа как раз и назвал Танатосом, которая запускается не телесными, а психическими механизмами и, прежде всего, неосознаваемым чувством вины. В этом плане ковидное самоуничтожение подобно проанализированному некогда Фрейдом самоуничтожению онкологическому, правда в последнем случае Эрос и Танатос принуждают нас к самоубийству совместными усилиями. Фрейд, кстати, очень много и очень продуктивно рассуждал на эти темы, сформулировав в 1926 году свой знаменитый тезис о том, что «любая смерть есть форма самоубийства».

Возможной оказалась психоаналитическая поддержка и в период реального заболевания COVID-19, особенно на его «острой фазе», во время нарастающего воспалительного процесса в легких, когда «цитокиновый шторм» зависает в неопределенности исхода, а ты пребываешь в трансовом бредовом состоянии, общаясь с демонами, поднимающимися из глубин психики.

Главной же целевой группой для психоанализа, ориентированного на работу по купированию своеволия Танатоса (я в последнее время называю совокупность таких техник «некропсихоанализом», каждый раз поминая добрым словом Юлию Решетникову — автора данного термина), являются носители т.н. «лонг-ковида», или постковидного синдрома, уже доказательно квалифицированного как посттравматическое психосоматическое расстройство. А таких людей сейчас уже сотни тысяч, причем это только количество тех страдальцев, которые объединены в профильные сетевые сообщества, где они делятся друг с другом своими бедами и надеждами на медицинскую помощь и психологическую поддержку.

А сейчас, уж извините меня, Татьяна, я сам задам себе вопрос, поскольку вопросы подобного рода другому человеку, а тем более колле-

ге, даже у нас, в психоаналитическом сообществе, публично задавать не принято. Спрошу себя: как же именно мне помог психоанализ при прохождении всех трех проблемных отрезков «ковидной ситуации»? И чем я готов из этого своего опыта сегодня поделиться?

Подготовиться к оптимальной встрече с вирусом мне помогло то, что параллельно с написанием очерков по «культурфилософии и метапсихологии ковида» в апреле прошлого года я провел с группой коллег очередной этап тренинга персональной психоаналитичности, проработав в ходе его проведения все, что было связано с темой смерти и умирания, а затем начал готовиться в вебинару по практическому психоанализу, где впервые для себя сформулировал новые типы психотерапевтических методик работы с влечением к смерти (эти занятия пришлось перенести на осень, но контуры такой техники у меня сложились и прошли через их своего рода «виртуальную апробацию»). А во второй половине апреля я провел двухнедельный марафон из серии «На кушетке у фрейдовских текстов», где мы с коллегами, метафорически говоря, продвигаясь от трупа к трупу, подняли и пережили фрейдовский опыт совмещения тем материнства и смерти, которым как раз и посвящена разбираемая нами тогда книга «Толкование сновидений».

Вторую половину этого онлайн-марафона, как потом оказалось, я проводил уже будучи инфицированным коронавирусом. А острый период заболевания с 60-процентным поражением легких, скачками температуры от 39,5 до 34,4 °C, с запредельно низкой сатурацией, и т.д. начался как раз на следующий день после его завершения.

Не стану тут вдаваться в подробности, но скажу, что огромную поддержку мне оказала музыка. Может быть, поэтому я так ратую ныне за ее обязательное использование в аналитической ситуации, как впрочем и за возвращение в практику психоанализа языка запахов. А решающую роль сыграли практики «позитивного транса» с намеренным эмоциональным подключением к типичным, как я потом узнал, ковидным бредовым галлюцинациям. Кстати, в моем случае они носили предельно конфронтационный характер, чем, возможно, и объясняется у меня тяжесть прохождения заболевания. Но тут уже ничего

В сфере метапсихологии назрела и даже перезрела задача смены «опорного мифа психоанализа» как перехода от эдипальных объяснительных моделей к сизифальным. Миф о Сизифе, вступившим в единоборство с Танатосом и мучительно искупающий этот свой грех, наиболее точно описывает типическую модель коллективной и индивидуальной психодинамики наших современников

не попишешь, этим страдал и Фрейд: непроработанная гордыня требовала единоборства с Танатосом, а необходима была если не любовь к нему, то, по крайней мере, терпеливая доброжелательность и принятие. Недавно, рассказывая о той методике «объятий с Танатосом», которую я создал на основе анализа этого своего опыта, я нашел точную иллюстрацию этого состояния — финал фильма «Стрельба в Палермо» Вима Вендерса (2008). Сегодня многим стоит пересмотреть этот фильм и поразмыслить над его образами.

Что же касается «постковидного синдрома», то тут я поначалу «дал маху» и отправился в хождение по врачам, больно уж красиво его динамика и симптоматика маскировались под уже имевшиеся у меня ранее «соматические уязвимости». Но сопоставив свои симптомы с историями «товарищей по несчастью» из профильных сетевых сообществ (только в одной из таких групп «нетипичный коронавирус (посковид)» в Фейсбуке активно участвуют более 47 тысяч человек), я вовремя остановился. Остановился, прислушался к себе, начал предсонные аналитические тренинги (я их назвал методикой «единственного дня») и восстановил телесное здоровье, приведя его

в соответствии с механизмами психической саморегуляции (Фрейд в 1918 году назвал подобно рода методику «подведением к целительному психосинтезу»).

— Да, коронавирус заставил нас о многом задуматься. Фраза «мир не будет прежним» уже стала избитой и банальной. Мне кажется очевидным, что и психоаналитическая теория и психоаналитическая практика требуют изменений в соответствии с новыми обстоятельствами. А могли бы вы, Владимир, вкратце сформулировать все те новшества и изменения, которые, по вашему мнению, необходимы для того, чтобы мы могли эффективно работать в «ковидной» и «постковидной» ситуации? — Я понимаю, что пора заканчивать, и потому буду максимально краток. Пожалуй, даже попробую сформулировать три базовых блока подобного рода новаций и изменений, расположив их по линии перехода от концептуальных оснований психоанализа к его прикладным практикам.

В сфере метапсихологии назрела и даже перезрела задача смены «опорного мифа психоанализа» как перехода от эдипальных объяснительных моделей к сизифальным. Миф о Сизифе, вступившим в единоборство с Танатосом и мучительно искупающий этот свой грех, наиболее точно описывает типическую модель коллективной и индивидуальной психодинамики наших современников.

В области оперативной психоаналитической теории как набора самореализуемых гипотез необходимо окончательно обосновать и концептуально развернуть уже давно наметившееся смещение базовой регрессивной опоры с детства на младенчество; это касается смены не только базовых объективаций (с отцовских на материнские), но и смены всего символического ряда, используемого при формировании «психоаналитических конструкций».

В области психоаналитической техники задачей номер один является ее дезеротизация (особенно в плане «загрузки» трансфера); необходимо также возвращение аналитическому кабинету его изначального символизма, его символического подобия древнеегипетской погребальной камеры, а аналитической процедуре — тождества с античной мистерией

смерти/возрождения; пора признать, что ресурсы Эроса исчерпаны, новый Бог вступает ныне в свои права и нам стоит не мешкая переориентировать свои усилия в его сторону. Конечно же, это просто метафора, но метафора рабочая, требующая незамедлительной реализации и нагруженная как опасениями, производными от опыта этого странного и страшного года, так и надеждами на то, что все эти страдания и лишения были не напрасны.

— И последний вопрос, я думаю, что он интересует многих практикующих коллег. «Ковидные» обстоятельства вынудили целый ряд профессий уйти в онлайн. В период жесткой изоляции большинство коллег были вынуждены в срочном порядке осваивать онлайн-технологии, даже если раньше это было для них неприемлемо. Насколько я помню, ваша позиция, по отношению к онлайн-психоанализу была всегда принципиально критической. Вы пересмотрели эту позицию сегодня?

— Я всегда полагал, что дистантное аналитическое взаимодействие и работа психоаналитика «с экрана» недопустимы просто в силу своей невозможности. А доводы типа «А как же нам тогда снискать свой хлеб насущный!» меня никогда не убеждали. Но вот сейчас, вы абсолютно правы, Татьяна, я свою позицию пересмотрел. И скажу так: если мы работаем в технике «некропсихоанализа», прорабатывая преломление «коромысла» пренатальных и постнатальных (младенческих) переживаний в переходах сна/бодрствования (смерти/рождения), для нас перестают быть важны телесные диспозиции и провоцируемые ими желания. В этой ситуации телесное присутствие аналитика излишне, но его «психическое присутствие» обязательно. И потому дистантный психоанализ превращается из эксперимента в канон современной психоаналитической практики. Но при соблюдении двух условий: во-первых, речь при этом должна идти о работе именно с первичными позывами Танатоса и производной от них психодинамикой; и во-вторых, технически подобного рода практика должна быть все равно ритуализирована, выделена из обыденного жизненного пространства в пространство сакрально-символическое. ■

Беседовала Мизинова Татьяна Владимировна

Отпустите меня... Опыт проживания пандемии в пространстве балинтовского сообщества

Тишкова Татьяна Олеговна

- сертифицированный специалист и тренинг-аналитик ЕАРПП (Россия, РО-Москва) и ЕСРР (Vienna, Austria)
- член Правления ЕАРПП
- руководитель Секции детского психоанализа РО-Москва (ЕАРПП)
- вице-президент Русского балинтовского общества

В самом начале пандемии я сочувствовала итальянцам, которых не выпускали из домов, я наблюдала, как они не унывали, устраивали на балконах концерты и верили, что скоро пандемия закончится. Я сочувствовала им, запертым в квартирах. И потом началось у нас: закрылись границы. Не удалось поехать на традиционную балинтовскую конференцию в Ахене (Германия), которую ожидаешь целый год — вот прилетишь, и будет тебе праздник: общение, увлекательная работа, коллеги, по которым скучаешь, прогулки по древнему немецкому городу.

Через пару месяцев пришлось перенести на год нашу Международную балинтовскую конференцию на Байкале. Столько готовились, со всего мира собирались участники. Тогда верилось, что скоро все ограничения и трудности закончатся. Но закончилась Свобода. Наступила эпоха Изоляции: удаляться от дома разрешено на 100 метров и не дальше, необходимо выписывать пропуск для перемещений по городу. Сидишь взаперти и все в твоей жизни происходит виртуально. «Отпустите меня!» — с этой мыслью я просыпалась каждый день.

Мир, такой устойчивый и привычный, стал зыбким, хрупким и временным. Я почувствовала слова песни из фильма «Земля

Опустевшие улицы Москвы

Санникова»: «...призрачно все в этом мире бушующем, есть только миг, за него и держись. Есть только миг между прошлым и будущим, именно он называется жизнь». Бытие сжималось до размеров этого мига. И было травматично ощущать себя на паузе между понятным прошлым и неизвестным будущим, как будто, настоящее остановлено. И чего ждать? Ждать, пока нас, запертых в тоннеле пандемии, полужадохнувшихся выпустят на свет? И как будет выглядеть знакомый мир, который теперь рассыпается? Через некоторое время мы сумеем понять, как прожили этот период, как справлялось наше бессознательное с травмой и попытками сохранить привычные ценности, но тогда тревога разливалась по углам, затопливая пространство, и хотелось немедленно действовать, как-то остановить это крушение.

Жизнь разломалась на «до» и «после» пандемии. Ощущения, как на войне. Комендантский час, реальная опасность смерти и гибели. Внезапно, за пару недель вчерашние здоровые люди умерли. И надо дожить до победы над пандемией и, поглядывая поверх масок на окружающих, не просто выжить, а жить и действовать.

Жизнь постепенно налаживалась, адаптировались. И удивительно — мы не угасли

поодиночке, каждый в своей норе. Хотелось общаться еще больше. Балинтовские группы переместились в онлайн формат, отныне лица коллег и пациентов в галерее Zoom стали нашей реальностью.

Невозможно было сесть в круг, посмотреть в глаза друг другу, «поймать энергию» группы, позы, движения — все это стало недоступно. Говорящие головы — все, что имелось. И оказалось, что группа может жить в таком формате тоже. До пандемии, когда коллеги супервизировали балинтовские группы онлайн, я недоумевала: как они это делают, как лидер удерживает всех в общем поле? Оказалось, это возможно, просто нужно приобрести некоторые навыки.

Участники группы были рады квадратикам на экране: можно слышать и видеть друг друга, можно обсуждать, сопереживать, эмпатия не пропала, эмоции — настоящие. Группы не только выжили — увеличилось количество участников и частота встреч.

Но с коллегами из других стран встречаться тоже хотелось. Поэтому решили провести Международный круглый стол онлайн. Он состоялся 4 июля 2020 года. В нем приняли участие около 70 человек из 14 стран с 4-х континентов: Бразилии, Великобритании,

Германии, Израиля, Ирана, Ирландии, Казахстана, Новой Зеландии, Польши, Португалии, России, Сербии, Украины, Франции.

Это была небольшая часть уготованных удовольствий до встречи на Байкале.

Осмыслить новую реальность, обменяться опытом — такова была цель Международного балинтовского круглого стола. Теперь, через год, самое время поразмышлять и оценить, что из этого всего получилось.

Мы привыкли работать на разных языках с последовательным переводом. Эта практика появилась, когда мы проходили балинтовский тренинг в Германии. Поначалу такой процесс казался медленным и слегка раздражал некоторых участников. Но со временем пришло понимание, что в этих паузах для перевода на другой язык есть некоторое преимущество — успеваешь дополнительно подумать и осознать, что происходит.

Первыми дистанционный способ проведения балинтовских групп применили наши

австралийские коллеги из-за удаленности участников. Это были добровольные эксперименты. Но в период пандемии практически все были вынуждены перейти в формат дистанционного ведения балинтовских групп. Похоже, мы вступили в новую эру, в которой онлайн коммуникация будет занимать значительное место. Пандемия стала катализатором изменений коммуникации.

Балинтовские группы начали новую жизнь. Те группы, которые были созданы онлайн, имели свои особенности. Безусловно, онлайн лучше, чем ничего. Это было такое искусственное оплодотворение, когда новорожденный не понимал, как он появился. На первых встречах на фоне тревоги, связанной с пандемией, приходилось одновременно объяснять правила ведения группы, показывать, как это делается, следить за тем, чтобы все могли высказаться и формировать безопасное пространство. Очень сложная задача. Некоторые лидеры использовали преимущества интернет

Масочный режим

пространства и вывешивали на экране правила работы группы, несколько облегчая себе задачу.

Онлайн не заменяет живых встреч, не так быстро возникает целостность группы и атмосфера доверия, принятия, поддержки. Те участники групп, которые имели опыт очной работы, находили контакт быстрее, лучше ассоциировали.

Прошло несколько месяцев с начала пандемии, но лидеры балинтовских групп уже приобрели некоторый опыт, и в ходе дискуссии смогли поделиться своими наблюдениями. Попробую обобщить:

1. Доверительная и безопасная атмосфера в онлайн группе возможна, и участники берегут это пространство. Труднее всего лидеру — необходимо вглядываться внимательнее в лица участников группы и «ловить» изменения в настроениях, эмоциях, держать в поле зрения 10–12 лиц.

2. Работа в онлайн формате предполагает слишком много экранного взаимодействия, это утомляет всех, и необходимо не допускать перегрузки. Лидеры групп чаще, чем обычно, делают интервенции, желая помочь группе.

3. Технические трудности накладывают свой отпечаток на работу группы. Важен правильный выбор онлайн платформы, большинство начинали в Skype, затем перешли Zoom. Практика показала, что для исключения технических сбоев, лучше работать двум модераторам одновременно. Таким образом можно уменьшить ущерб от выпадения из контакта, отключения интернета, возвращения в конференцию. В случае, когда лидер ведет группу один, его отключение поначалу выглядит как катастрофа. Кому-то из членов группы приходится брать на себя функции модератора и восстанавливать контакт. Звонки по телефону лидеру, повторное включение в конференцию нарушают работу группы. Поэтому лидерам пришлось освоить процесс работы в интернет-конференциях, усилить и обновить свои компьютеры, поучиться у своих детей свободному серфингу в интернете. Все справились в результате, но это было непросто.

4. В работе онлайн нет прямого визуального контакта. Каждый участник смотрит в камеру, и это не воспринимается как контакт. Больше приходится опираться на вербальные

аспекты поведения участников группы, поскольку существуют ограничения в объеме невербального поведения: мимика, пантомимика. Лидеру группы приходится больше уделять внимания оговоркам, паузам референта и участников группы. Не всегда удается сразу осознать, что означают невербальные подсказки, многое приходится анализировать после завершения группы и использовать при следующем взаимодействии. Изучение реакций участников группы идет медленнее, некоторые нюансы теряются, бессознательное лидера группы не всегда «успевает догнать происходящее», это вызывает дополнительное напряжение и тревогу лидера. Адаптация постепенно происходит и вырабатывается определенный стиль ведения группы, в каждой группе со своими особенностями.

5. Возникает необходимость учитывать частную жизнь самого лидера — вторжение в пространство детей, животных, курьеров, доставляющих еду. Мы не можем жизнь отменить, и с этим приходится считаться в ситуации, когда твой дом и работа — одно пространство, трудно гарантировать изолированность.

Не сразу стало понятно, что надо встречаться чаще в формате работы онлайн. Было ощущение недосказанности, недопрожитости, недоработанности. Сами участники групп предложили изменить формат с двухнедельного на еженедельный. Стало легче. Некоторые участники взяли паузу, сказали, что не готовы так работать и вернуться, когда мы сможем встречаться как прежде, очно.

Одна моя группа полностью отказалась работать онлайн. Мы отложили несколько встреч, в расчете на быстрый спад первой волны, но ситуация затянулась. И мы решили

Похоже, мы вступили в новую эру, в которой онлайн коммуникация будет занимать значительное место. Пандемия стала катализатором изменений коммуникации

Балинтовские группы начали новую жизнь онлайн

продолжить очную работу. Я долго размышляла о рисках, но согласилась. Это было, как глоток свободы. Я ехала в полупустом поезде, как обычно, проводить балинтовский тренинг, соблюдая все предосторожности. Пассажиры сидели по одному, сверкая глазами поверх масок на окружающих и нервно подсказывали, когда кто-то чихал. Вагон был заполнен наполовину. Оказалось, я была не одна такая отчаянная. В небольших городах вне Москвы было меньше паники. Люди проще относились к ограничениям, жили осторожно, но почти по-прежнему. Половину этой группы составляют врачи, вторую половину — клинические психологи. Я была уверена в том, что они соблюдают эпидемиологические правила. Группа и сейчас продолжает работать, сохраняя ритм один раз в две недели. Для меня это был глоток свободы. За этот год группа окрепла, сплотилась. Участники стали членами Русского Балинговского Общества. Нашего полку прибыло.

Понимала ли я риски? Думаю, что понимала. Мои 60+, возможны непредвиденные случайности. Но улицы Москвы были практически пустыми, я перемещалась на такси, риск

контактов с незнакомыми был сведен к минимуму. И я умудрялась выписывать пропуск на перемещение по Москве.

Были интересные наблюдения в пространстве, захваченном вирусом. Еще раньше, когда собаки стали основными проводниками во внешний мир, поскольку можно было пару раз за день выйти выгулять животных, их владельцы чувствовали себя баловнями судьбы, выигравшими билет в другую реальность. И в перерыве между сессиями я прогуливалась с собакой под наблюдением полицейских в нашем скверике, который был объявлен закрытой зоной, заговорчищески кивала другим владельцам собак. У нас в семье 2 собаки. Поэтому от 3 до 6 раз мне было разрешено выходить на улицу за глотком свежего воздуха и побродить по окрестностям. У меня, таким образом, появился стабильный обеденный перерыв, который я тоже проводила на улице, наладился режим труда и отдыха, который помогал выдерживать бесконечный поток экранной реальности.

Можно было по-разному относиться к появлению животных в реальном времени в период работы в группе. Дверь в мой кабинет

Дверь в мой кабинет всегда была закрыта. Но мои звери скучали и ломались в дверь. Поэтому я разрешила им присутствовать. Они мирно лежали на диванчике и слушали. Иногда торчали уши. И так же поступали некоторые участники групп. Уши и хвосты появлялись иногда на экране. Это не мешало работе группы, но вносило немного живости, какой-то семейности, объединяло еще больше

всегда была закрыта. Но мои звери скучали и ломались в дверь. Поэтому я разрешила им присутствовать. Они мирно лежали на диванчике и слушали. Иногда торчали уши. И так же поступали некоторые участники групп. Уши и хвосты появлялись иногда на экране. Это не мешало работе группы, но вносило немного живости, какой-то семейности, объединяло еще больше. По дому нашего балинтовского супервизора разгуливает собака. Она нарезает круги и ждет, когда хозяин освободится и погладит ее. Тоже нота некоторой домашности. Раньше мы декларировали, что мы — балинтовская семья, теперь это стало очевидно. Мы стали ближе. Интересовались здоровьем друг друга.

Здоровье самого специалиста — важная составляющая. Раньше мы так много не думали и не говорили о собственном здоровье и здоровье коллег. Полагаю, это к лучшему. Коллеги стали заботиться о психогигиене, ценность собственной жизни и близких людей существенно выросла в цене. И было важно не выгореть тем, кто избавляет от выгорания других.

Вдохновленные работой, мы решили создать дискуссионную площадку, где друзья и коллеги балинтовцы из разных стран могли бы собираться онлайн 3 раза в год (осенью, зимой, весной или летом) за Круглым столом, чтобы обменяться идеями, опытом, творческими находками и поспорить! Следующий Международный круглый стол состоится в июне 2021 года.

Метод балинтовской работы объединяет участников по всему миру. Международная Балинтовская Федерация объединяет сейчас 24 страны! Наша балинтовская работа ставит на один уровень общения всех, кто собирается в балинтовский круг: мы смотрим друг другу в глаза и чувствуем себя на равных. Мы все свободны высказывать свои мысли, чувства, ощущения, и любое высказывание имеет одинаково высокую ценность. Когда мы рассматриваем события с разных перспектив, у нас возникает мультиперспектива, и мы получаем совместное связанное осознанное понимание ситуации. Возникает синергия — это больше, чем просто кооперация или связь. Каждый вносит частичку своего, и возникает что-то новое — то, чего раньше не существовало. Это особенный феномен балинтовской работы, когда мы все вместе работаем над тем, чтобы возникло что-то новое.

При этом нет требований и условий, что ты должен подчиняться иерархии, подключаться к мнению большинства или к какому-то авторитетному мнению. Мы учимся воспринимать и чувствовать свои собственные ощущения, доверять им и воспринимать больше того, чему мы раньше не придавали значения.

И эта ситуация создает новые отношения, которые стоят выше каких-либо политических веяний или других турбулентных моментов, например пандемии.

Мой крик: «Отпустите меня!» со временем трансформировался в решение: отпусти себя и делай, что можешь. Я вспоминаю Виктора Франкла, который писал, что обретение смысла в любой ситуации спасает. Смыслом стало продолжение балинтовской работы в новых, как тогда казалось невозможных, условиях вопреки, во имя. И, безусловно, появился уникальный опыт развития своей личности в условиях ограничений. ■

ПЕРВАЯ
КОНФЕРЕНЦИЯ
ЕАРПП
В РОСТОВЕ-НА-
ДОНУ!

02–03 октября 2021

«От идей Фрейда к современным психоаналитическим подходам»

Гостеприимный Ростов-на-Дону и Дон-Батюшка ждут Вас! В это время в Ростове-на-Дону бархатный сезон и «бабье лето» в самом разгаре. Уже нет дневной жары, теплые вечера, красивое осеннее время, вкусные помидоры, дыни и арбузы. Мы рекомендуем приехать заранее, чтобы успеть осмотреть красоты города!

Место проведения конференции — гостиница «Атташе», <https://hotel-attache.ru/koncenter> г. Ростов-на-Дону просп. Соколова, д. 19/22 — расположена в центре города. Вас ждут интересные доклады, дискуссии, знакомство и обмен профессиональным опытом.

В программе конференции доклады:

Президента ЕАРПП и руководителя Международной школы группового психоанализа Тимошкиной А. А., Паст-президента ЕАРПП, Вице-президента ЕСРР и директора центра психологической поддержки и современного психоанализа «Персона» Мизиновой Т. В., Вице-президента ЕАРПП и заведующего Дневным стационаром № 4 СПб ГБУЗ «Больница им. П. П. Кащенко» Федорова Я. О., Вице-президента ЕАРПП и руководителя Самарской группы развития Аналитической психологии Аулкиной С. А., супервизора ЕАРПП Манукян Г. И., специалиста и главного редактора журнала ЕАРПП Стуловой Ю. Е., специалиста ЕАРПП Хакимовой Ю. М. и другие.

Программа конференции, подробная информация о стоимости конференции и порядке регистрации, появится в начале июля на странице РО ЕАРПП г. Ростов-на-Дону <https://www.facebook.com/RostovEARPP/>

СОБЫТИЯ

Есть много причин, по которым мы начинаем организовывать психоаналитические конференции. Нам нужно пространство для профессионального общения, для обсуждения новых идей, для реализации здоровых нарциссических амбиций и для получения обратной связи от коллег. Наступает время, когда нам хочется делиться своими знаниями, опытом, практическими наработками, сомнениями и сложностями. И еще нам нужен человек (или несколько человек), который скажет: у вас получится, вы сможете.

Цель нашей организации в том, чтобы в каждом региональном отделении проходили конференции, мы писали об этом в статье «Обзорная экскурсия по ЕАРПП» в первом номере журнала. Чтобы коллег, которые могут сказать — у нас получится, мы сделаем — становилось больше. Особенно важно чувствовать поддержку и дружеское плечо в непростые пандемийные времена. Именно сейчас наши встречи на конференциях становятся мощным ресурсом, на который

можно опираться и с уверенностью смотреть в будущее.

И есть только одна причина, по которой мы продолжаем организовывать психоаналитические конференции — нам это нравится.

И еще нам очень нравится делать репортажи о конференциях и делиться с вами, дорогие читатели, своими впечатлениями. В этом номере вы можете побывать сразу на трех конференциях. В академичном Ярославле мы поговорим о лиминальности и попробуем ответить на вопрос: «Что сказал бы Фрейд?». В энергичной Уфе мы понаблюдаем за танцем любовных отношений и обсудим тему измен. В теплой и гостеприимной Самаре мы задумаемся о границах родительской любви и о современных сложностях детско-родительских отношений. И почувствуем, что мы — вместе, несмотря на разделяющее нас расстояние. И поддержка коллег, как волны великой русской реки Волги, смывает нашу усталость и наполнит нас новой энергией. Энергией психоаналитических конференций.

*Сказала мать: «Бывает всё, сынок!
Быть может, ты устанешь от дорог.
Когда придёшь домой в конце пути,
Свои ладони в Волгу опусти...»*

Лев Ошанин

II Межрегиональная научно-практическая онлайн конференция по психоанализу: «Что сказал бы Фрейд? Эра лиминальности»

27 февраля 2021

В ярославской онлайн конференции приняли участие 45 специалистов, работающих в сфере психологического консультирования и психотерапии, преподаватели и студенты ведущих ВУЗов города г. Ярославля, члены професси-

ональных сообществ: ЕАРПП (Вологда, Самара, Хабаровск, Ярославль) и РАПК (Ярославль).

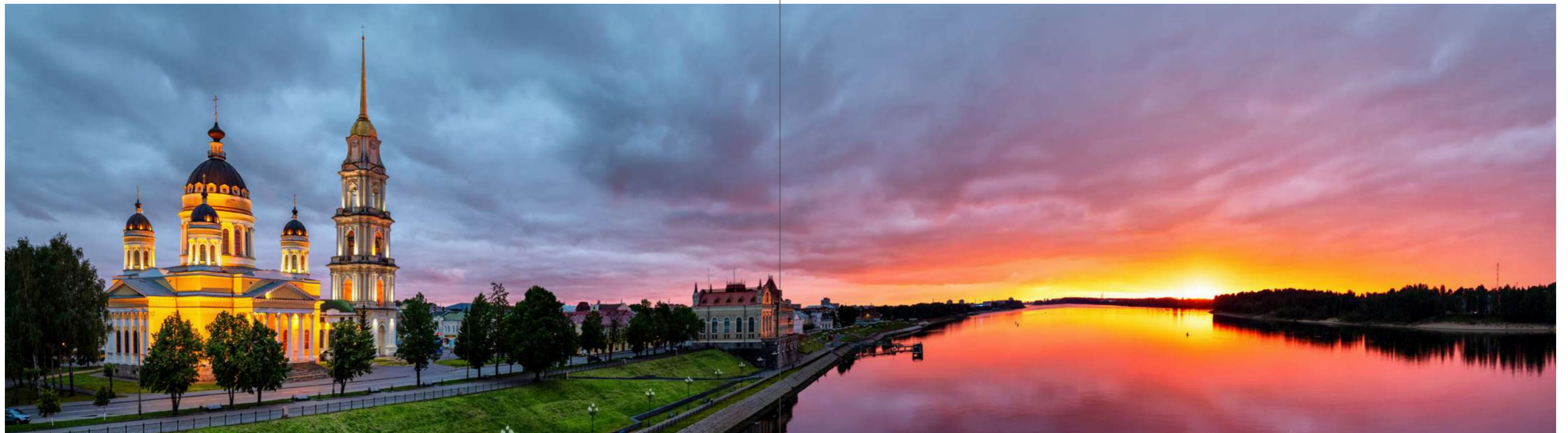
Первая половина конференции была посвящена осмыслению понятия лиминальности и его соотнесению с психоаналитически-

ми концептами. Доклады почетных гостей конференции Алины Алексеевны Тимошкиной, Ярослава Игоревича Корякова, Андрея Андреевича Игнатъева поднимали сложные вопросы механизмов транзита и необходимости/неизбежности фазы лиминальности. Участники конференции рассмотрели специфику психоаналитического процесса как управляемой «лиминальной аффективной технологии» и как проживания лиминального опыта в «штатном режиме». Поговорили о лиминальности самого психоанализа, о том, как происходит поиск структуры при «провале» в лиминальность (на примере актуализации мифа о скверне в ситуации пандемии).

Обсуждение вопросов и проблем, поднятых в докладах, продолжилось на Круглом столе «Психоанализ в эпоху лиминальности: у кого в руках ключ к пониманию механизмов транзита?». Для размышления участникам были предложены также тезисы статьи почетного гостя конференции Владимира Александровича Медведева «Психоанализ на межцивилизационном переходе». Обсуждение, по мнению участников круглого стола, получилось живое и содержательное.

Доклады второй части конференции носили практико-ориентированный характер и касались того, как проявляется состояние лиминальности в культурных, социальных явлениях и в клинической работе; что означает «блокированный транзит»; и как специалистам осмысливать данные явления и процессы для успешной практики. С докладами выступили члены РО-Ярославль ЕАРПП: Метельская Юлия Сергеевна, Емельянова (Белова) Наталья Евгеньевна, Щепнева Татьяна Аркадьевна, Терехова Екатерина Владимировна, Кутукова Тамара Юрьевна.

Репортаж о ярославской конференции состоит из двух частей: вы можете поразмышлять о лиминальности вместе с участником конференции, детским психоаналитиком Евгением Андреевичем Викторовым (г. Самара). Затем мы предлагаем вашему вниманию статью «Заблудившаяся душа», написанную нашим постоянным репортером Натальей Александровной Мазаловой (г. Новосибирск) о докладе «Транзишен и детранзишен. Т-персона как явление лиминальности», сделанном на конференции Тамарой Юрьевной Кутуковой и Екатериной Владимировной Тереховой (г. Ярославль). ■

О ПОНЯТИИ «ЛИМИНАЛЬНОСТЬ»

Викторов Евгений Андреевич

- психолог-психоаналитик, детский психоаналитический психотерапевт
- специалист ЕАРПП (РО-Самара) и ЕСРР (Vienna, Austria)
- член правления РО-Самара ЕАРПП
- заместитель руководителя Центра Современного Психоанализа (г. Самара)

Когда я прочитал название конференции, то, к своему стыду, понял, что ничего не знаю про термин «лиминальность», не знаю значения и смысла этого слова. Конечно же, я заинтересовался этим понятием и узнал о нем следующее: «Лиминальность (liminality) — стадия перехода системы из одного состояния в другое, связанная с утратой структуры, иерархии, статуса элементов. В динамике осмысления и смыслообразования наиболее трудным для рефлексии является переход от одной определенности к другой, одного состояния системы в другое, что предполагает некую стадию деструктивности, утраты определенности. Подобные процессы можно характеризовать как лиминальные. Термин употребляли Арнольд ван Геннеп и Виктор Тернер, исследовавшие лиминальную фазу ритуалов перехода, т.е. ритуалов изменения статуса: возрастного, социального, семейного и т.д.»¹.

Лиминальность включает в себя широкий спектр социологических, психологических и физиологических проблем, реализуя экспансию культуры и освоение ею новых пространств и сфер через человека, как носителя

¹ https://psychology_pedagogy.academic.ru/9152/Лиминальность

нового смысла и порядка. Вопрос прохождения обществом в целом или личностью этого этапа определен природой лиминальности, ситуацией неопределенности, амбивалентности и размытой социальности, стимулирующей энергичный поиск новой фундаментальной общности. Жизнь общества или личности в «Эпоху лиминальности» формирует лиминальное мышление. «Лиминальное мышление — искусство создания перемен путем осознания, переформирования и переосмысления убеждений. Слово «лиминальный» происходит от латинского слова «limen» — «порог, предел». Лиминальное мышление — способ преодолевать мыслительные «пороги» для достижения новых результатов»².

Думая о лиминальности, анализируя полученные знания, систематизируя информацию и делая выводы, я для себя определил, что лиминальность связана с этапом изменений, когда старое уже не может и не хочет существовать, так, как оно было, но и новое еще не сформировалось. В начале психоаналитической терапии пациент и аналитик находятся в ситуации неопределенности: нет опыта терапевтических отношений, нет гарантий конечного результата, нет уверенности в том, что сознательные усилия помогут в борьбе с бессознательными «демонами». Силы защитных механизмов, сопротивления,

инерции психических процессов пытаются сохранить систему психики в неизменном состоянии: оно уже известно, привычно и определено. Пусть плохо, но это «плохо» понятно и знакомо, и не вызывает повышения тревоги. Придется отказаться от привычных стратегий — а ради чего? Сначала это непонятно. В ходе терапии формируется что-то новое и неизвестное. Привычное становится неприемлемым, а новое пока размыто, неясно и неопробованно. К тому же, зачастую, близкое окружение (семья, друзья, коллеги) выражают свое недовольство в связи с происходящими изменениями, затрагивающими всю семейную систему в целом. «Ты стал какой-то не такой, ты меняешься не в лучшую сторону» — к внутреннему напряжению добавляется давление со стороны окружающих. Нет понятия о том, насколько стабильны будущие изменения и сохранятся ли они вообще. Много вопросов, но на них нет четких ответов. Существует мощный страх утраты того, что было знакомо и привычно. Другими словами, начало прохождения психоаналитической терапии включает в себя весь комплекс «симптомов» лиминальности. До момента, пока у пациента не сформируется «лиминальное мышление», существует множество факторов, вызывающих тревогу и создающих препятствия для пациента и аналитика в терапии. ■

² <https://whenspeak.ru/blog/kak-izmenit-realnost-s-pomoshchyu-liminalnogo-myshleniya>

Заблудившаяся душа. Феномен трансгендерности: определение, трудности и пути решения

Мазалова Наталья Александровна

- психолог, психоаналитик
- член ЕАРПП (Россия, РО-Новосибирск) и ЕСРР (Vienna, Austria)

«Я всегда считала, что истории про души, застрявшие между мирами — это из области фантастики. А они рядом с нами живут», — промелькнула мысль, когда я посмотрела документальный фильм «Трансгендеры. Смешение полов» (реж. Михаил Барынин, 2018 г.). В нем показаны три жизни трех уже немолодых трансгендерных людей: Рене Джакса, Уолта Хейера и Билли Бёрли. Красной невидимой ниточкой сквозь их повествование тянется глубокое страдание. Еще тогда у меня зародилось желание написать статью про трансгендерных людей. И оно не заставило себя ждать. В качестве примеров я буду приводить истории этих людей.

27 февраля 2021 года прошла II психоаналитическая конференция «Что сказал бы Фрейд? Эра лиминальности», организованная РО-Ярославль ЕАРПП. В ее рамках прозвучал доклад «Транзишен и детранзишен. Т-персона, как явление лиминальности», авторы: Тамара Юрьевна Кутукова и Екатерина Владимировна Терехова. Доклад был живым, динамичным, вызвал интерес и много вопросов.

Цель данной статьи — просветительская, ознакомительная. Явление трансгендерности до сих пор окутано домыслами, поэтому есть желание расставить все на свои места, разложить по полочкам. Тамара Юрьевна

и Екатерина Владимировна затронули деликатную и важную тему, в терминах которой можно по неосторожности запутаться. Вероятность того, что в кабинете психоаналитика может появиться человек, называющий себя трансгендером, высока. Коллеги познакомили нас с причинами возникновения трансгендерности, а также с теми особенностями и трудностями, с которыми сталкивается трансгендерный человек в жизни и психоаналитик при работе с такими клиентами.

Трансгендер — это человек, у которого не совпадает гендерная идентичность или его гендерное выражение с биологическим полом, зарегистрированным при рождении. Например, человек в теле мужчины психологически чувствует себя женщиной или наоборот. Одни трансгендерные люди идентифицируют себя с гендером, который противоположен их полу. Другие имеют идентичность, которая выходит за рамки бинарной гендерной системы¹.

¹ Бина́рная гѐндерная систѐма, гѐндерная бина́рность (англ. gender binary), гѐндерный бинари́зм (англ. gender binarism) — это способ общественного устройства, при котором пол и гендер разделяются на две отдельные и противоположные друг другу категории: мужчин и женщин. Это один из общих типов гендерных систем.

Трасгендеры испытывают гендерную дисфорию — дистресс из-за несовпадения между своей гендерной идентичностью и полом, записанным при рождении. Из-за этого в ранее действующей с 1994 года Международной классификации болезней (МКБ-10) трансгендерность относилась к группе «Расстройства половой идентификации». В настоящее время Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) пересмотрела классификацию и утвердила новое издание МКБ-11, из которого данный раздел исключен. Теперь трансгендерность связана с категорией сексуального здоровья и характеризуется как «Гендерное

Бинарная модель предполагает, что «пол», «гендер» и «сексуальность», по умолчанию, всегда находятся в соответствии. Например, если человеку при рождении приписан мужской пол, то от него ожидается маскулинная внешность, черты характера и поведение, а также гетеросексуальное влечение к «противоположному» полу. Один из главных механизмов, с помощью которых выстраивается такое соответствие, — это натурализация, то есть представление социальных процессов как природных и естественных. Бинарная гендерная система является господствующей в современном мире, хотя на протяжении истории существовали, а во многих культурах до сих пор продолжают существовать другие гендерные системы. <https://ru.wikipedia.org/>

несоответствие»². МКБ-11 вступит в силу с 1 января 2022 года³.

Тамара Юрьевна Кутукова отметила, что «данные изменения позволят снизить уровень стигматизации и окажут положительное влияние на предоставление медицинских услуг трансгендерам во всем мире, так как теперь идет отсылка не к расстройствам, а непосредственно к страданию человека, связанному с отношением к своему полу и гендеру». Действительно, включение данной категории в МКБ-11 предоставляет более широкие возможности для обучения специалистов в области здравоохранения и психологии, для разработки стандартов и способов помощи клиницистам и членам семьи трансгендерных людей, включая адекватное информирование о манипуляциях и дальнейших исследованиях, которых в настоящее время не хватает.

Ранее трансгендерных людей называли «транссексуал» или «транссексуалка». Эти понятия ввели в обиход врачи и психологи. Однако большинство трансгендерных людей считают эти слова для себя оскорбительными по двум причинам. Во-первых, данные обозначения возвращают их к тем временам, когда трансгендерность ассоциировали с психологическим нездоровьем. Во-вторых, возрождают фантазии о том, будто транссексуалы делают что-то с собою только ради секса. В настоящее время понятие «транссексуал» принято заменять на «трансгендер», синонимы «трансперсона или т-персона», «трансгендерный человек», «человек, совершивший гендерный переход» и т.д. Хотя в реальности встречаются люди, которые предпочитают, чтобы их называли «транссексуал» или «транссексуалка». Поэтому рекомендуется называть их так, как им предпочтительнее.

Порою трансгендеров путают с небинарными идентичностями — людьми, которые не совпадают со стереотипными гендерными ролями. Их насчитывают более тридцати видов. Например, кроссдрессеры⁴,

² https://psychiatr.ru/files/magazines/2016_10_wpa_1014.pdf

³ <https://vademec.ru/news/2019/05/31/voz-isklyuchila-transgendernost-iz-spiska-psikhicheskikh-rasstroystv/>

⁴ Кроссдрессинг (англ. cross-dressing) — ношение одежды или аксессуаров, которые в опреде-

гендерквиры⁵, безгендерные⁶, мультигендеры⁷, аутизмгендеры⁸, гендерфлюиды⁹ и многие другие. Все эти гендерные идентичности существенно различаются между собой.

У трансгендерных людей возможна любая сексуальная ориентация: гетеросексуальная, гомосексуальная, бисексуальная. Не исключены сексуальные влечения к людям, не вписывающимся в рамки бинарной гендерной системы.

Каковы же причины трансгендерности?

В настоящее время попытки толкования патогенеза трансгендерности с психиатрических позиций оставлены окончательно. Выдвигаются следующие теории, связанные с:

- генетикой;
- структурой мозга;
- деятельностью мозга;
- воздействием андрогенов во время внутриутробного развития.

В лётном обществе ассоциируются с противоположным полом. Испокон веков кроссдрессинг используется в целях маскировки, удобства и самовыражения. У этого термина есть существует другое значение «трансвестизм». «Кроссдрессинг» и «трансвестизм» не являются синонимами понятия «трансгендер».

⁵ Гендерквир (англ. genderqueer, от гендер и квир) или небинарный гендер — спектр гендерных идентичностей, отличных от бинарного мужского и женского гендера. У гендерквиров идентичность может выходить за пределы традиционной бинарной гендерной системы, быть комбинацией мужского и женского гендера (бигендерность, тригендерность), являться плавающей, то есть изменчивой со временем (гендерфлюидность, от англ. fluidity — «подвижность, изменчивость»), либо полностью отсутствовать (агендерность).

⁶ Безгендерные — люди без гендерной идентичности. Синонимы: агендер, бесполой.

⁷ Мультигендерный человек имеет более одной гендерной идентичности. Это может означать, что они есть у них одновременно, или что они часто переключаются между ними в разное время.

⁸ Аутигендер, аутгендер, аутист или аутик — гендерная идентичность, которую некоторые небинарные люди с аутизмом предпочитают использовать для описания себя.

⁹ Гендерфлюиды — это люди гибкие в отношении своей гендерной идентичности. Они могут переходить от одной идентичности к другой на протяжении жизни, либо проявлять маркеры различных гендеров одновременно.

Также имеются теории, которые связывают трансгендерность с психологическими и поведенческими факторами. Все эти теории не являются взаимоисключающими.

В качестве примера Тамара Юрьевна представила несколько исследований, касающихся причин трансгендерности. Например, пренатальное влияние на половой диморфизм¹⁰, нейрогенетические исследования профессора Д. Свааба с коллегами¹¹. В нашей стране изучение трансгендерности ведется примерно с 1968 года. В поисках биологического субстрата, создающего эндогенно-конституциональное предрасположение, был выявлен реальный факт существования половой дифференциации мозга [Бухановский А. О., Андреев А. С., 1985]. Известно, что к искажению аутоидентификации (полового самосознания) и ощущению принадлежности к другому полу, приводят грубые нарушения дифференцировки структур мозга, ответственных за половое поведение, и в первую очередь гипоталамуса, преоптической области и миндалевидного тела, происходящие внутриутробно [Бухановский А. О., 1986; Money J., 1978; Heiho F. L., 1982; Gooren L. J. C., 1990]¹².

Исследования указывают на врожденные причины трансгендерности. Выраженность нарушения половой дифференцировки может варьировать в широких пределах, что объясняет многообразие вариантов трансгендерности: от ярких «ядерных» до стертых «краевых» форм. Трансгендерность встречается практически во всех этнических группах, несмотря на значительные культурные различия, что тоже может служить косвенным доказательством наличия биологической основы этого феномена.

«Изменения в личности человека происходят задолго до транзитива, — рассказывает Екатерина Владимировна Терехова, — Сна-

¹⁰ Shuvo Ghosh, MD, FAAP, DABP Assistant Professor of Pediatrics, Developmental-Behavioral Pediatrician, Child Development Program, Division of General Pediatrics, Montreal Children's Hospital, McGill University Health Center. <https://emedicine.medscape.com/article/917990-overview#showall>

¹¹ <http://proneuroscience.ru/mozg-transgenera/>

¹² Калинченко С. Ю. Транссексуализм. Возмозности гормональной терапии — М.: Практическая медицина, 2006

чала испытывается внутренний дискомфорт. Идут ощущения несоответствия своему полу, дисгармоничность. Потом начинаются эксперименты с телом и внешностью, с мировосприятием. Чем в более раннем возрасте к человеку приходит подобное осознание, тем более ядерной считается трансгендерная идентичность. Однако переживание гендерной дисфории и принятие своей гендерной идентичности может происходить на различных возрастных промежутках». «Я был худеньким ребенком-интровертом. У меня были нарушения речи. Я пытался говорить, но окружающие меня не понимали. Мое тело говорило мне, что я мальчик, а мое сознание, что я девочка. Я не знал, как быть. Я хотел походить на сестер. И когда моя старшая сестра начала краситься, я стал экспериментировать в ванной с ее косметикой», — делится своими воспоминаниями Билли Бёрли¹³.

Е. В. Терехова очертила круг проблем, с которыми сталкиваются трансперсоны:

- эмоциональные проблемы;
- коммуникативные проблемы;
- проблемы партнерства.

Она подчеркнула, что понимание их проблем важно для выстраивания оптики специалиста, из которой должна быть исключена патологизация внутреннего процесса клиента.

Эмоциональные проблемы. Гендерная и телесная дисфория — болезненно-негативное эмоциональное состояние (страдание), дискомфорт, который проявляется в сочетании с тревожностью, депрессией, пребыванием в пониженном и раздражительном состоянии. Колебания неадекватной самооценки: от слишком высокой до слишком низкой и обратно. Эмоциональная лабильность и/или проблемы с проявлением эмоций: сокрытие, утрирование, накручивание и т.д. От неприятия до ненависти к своему телу или его органам. Все это может отягчаться суицидальными мыслями и соответствующим поведением.

Коммуникативные проблемы. Недоверие, подозрительность, уход от контактов, необходимость признания и его постоянного

¹³ Участник документального фильма «Трансгендеры. Смешение полов», 2018.

подкрепления, использование людей, неадекватная репрезентация себя, преувеличенная женственность или мужественность или, наоборот, желание быть незаметным. Ощущение себя как неполноценного, ненастоящего внутри и снаружи.

Проблемы партнерства. Трудности в отношениях с родственниками и окружающими людьми из-за непринятия и непонимания того, что происходит. Сложности в сексуальной сфере: отказ от секса, невозможность найти сексуального партнера и партнера для жизни.

Екатерина Владимировна рассказывает, что трансгендерные люди часто сталкиваются с **мисгендерингом** — когда окружающие люди используют местоимения, не совпадающие с гендерной идентичностью человека. Например, девушка, которая хочет быть юношей и пытается себя продемонстрировать таковым. Она подстригает волосы, делает грубее голос. Ей хочется, чтобы к ней обращались как к мужчине. А обращаются как к девушке. Трансперсон травмирует, когда в отношении них используют местоимения и обращения, не соответствующие их внутреннему переживанию идентичности. Мисгендеринг вызывает большое количество отрицательных эмоций, которые внедряются в ту идентичность, которую они формируют внутри себя для создания хоть какого-то комфорта при принятии себя и себя в обществе.

Рене Джакс¹⁴, трансгендерная писательница, описывает трудности, с которыми она столкнулась в молодости: «К 18 годам, когда я окончила школу, я в основном носила женскую одежду. И примерно в 20 лет я решила, что я буду жить, как женщина. [...] В собственном сознании я всегда была женщиной. Я хотела ходить на свидания и не говорила мужчинам, с которыми встречалась, о том, что у меня есть пенис. И когда они это обнаруживали, то они приходили в ярость. Пару раз меня очень сильно избивали».

Общество ведет себя недостаточно цивилизовано при встрече с неизвестным и непонятным феноменом трансгендерности. Насилие может быть физическим, сексуальным

или вербальным. Вот набор общественных санкций, с которыми приходилось сталкиваться трансперсонам:

- непонимание вплоть до отрицания этого феномена (87,6%);
- осуждение вплоть до презрения (78,1%);
- удивление вплоть до любопытства (75,1%);
- директивное принуждение и пресечение, вплоть до административного и физического воздействия и побоев (27,9%);
- табуирование вплоть до запретов и изгнания (из трудового или учебного коллектива, неформальной группы, гостиниц, самолетов и пр. — 37,2%).

Несмотря на то, что эти данные относятся к исследованиям 1994 года, в современности мало что изменилось¹⁵. Во всем мире трансперсоны сталкиваются с трансфобией со стороны отдельных людей и общества в целом. Она выражается в форме дискриминации, ненависти, отвращения, агрессивного поведения по отношению к трансперсонам из-за несоответствия существующим в обществе гендерным ожиданиям и нормам. С 1998 года 20 ноября ежегодно отмечается День памяти трансгендеров, убитых в результате трансфобии. Цель этого дня — привлечь внимание к продолжающемуся насилию, которому подвергаются трансгендерные люди во всем мире. Например, трансгендер Уолт Хейер¹⁶ делится: «Я не живу подолгу в одном городе. Так я чувствую себя в большей безопасности. Потому что люди могут узнать, кто я и чем занимаюсь. Я не хочу, чтобы окружающие знали об этом. Я не хочу, чтобы они отвергли меня».

Трансгендерный человек может испытывать огромное количество отрицательных эмоций, с которыми приходится как-то справляться. Порой трансгендеры готовы на любые жертвы, операции и физические мучения, лишь бы обрести столь желанное внутреннее единство. Кого-то не страшат ни возможные увечья, ни смерть (самоуничтожение), которая тоже часто видится формой разрешения

¹⁵ Бухановский А. О. Автореферат диссертации «Транссексуализм: клиника, систематика, дифференциальная диагностика, психосоциальная реадaptация и реабилитация». 1994 год.

¹⁶ Участник документального фильма «Трансгендеры. Смешение полов», 2018.

внутренних конфликтов. Альтернативой становится идея о транзишене (трансгендерном переходе), как воплощении в реальность мечты о переживании единства тела и гендерной идентичности, избавления от страданий и обретения своего места в обществе.

«Существует миф, — рассказывает Екатерина Владимировна Терехова, — что у трансгендерных персон нет сомнений относительно своего пола. Например, если человек понимает, что он не мужчина, то он — точно женщина. В реальности внутренний процесс протекает намного сложнее. Имеется огромное количество состояний между «чего я хочу» и «что мне надо», «хочу» и «боюсь», «а действительно ли хочу или мне это кажется?». Большинство клиентов задаются вопросами: «почему я такой?», «почему так со мной происходит?», «от чего мне это?». Однозначные ответы найти сложно. Ведь феномен трансгендерности неоднозначен и суть не всегда понятна. Для трансгендерного человека очень важно прийти к пониманию своей истории, своего пути, к осознанности того, почему он хочет или пытается совершить трансгендерный переход».

Есть еще один очень важный и волнительный момент — это **каминг-аут**¹⁷. Каждый трансгендер решается на него в свое время. Все индивидуально и все зависит от степени доверия и эмоциональной близости с теми, кому желают признаться в истине. У некоторых трансперсон тревога, связанная с каминг-аутом, может быть зашкаливающей, до возникновения панических атак и возникновения психосоматических заболеваний. В ответ каждый из них надеется получить

¹⁷ Каминг-аут, также камин-аут, каминг аут и каминáут (от англ. coming out «раскрытие; выход») — процесс открытого и добровольного признания человеком своей принадлежности к сексуальному или гендерному меньшинству, либо результат такого процесса. Термин «каминг-аут» применяется преимущественно по отношению к лесбиянкам, геям, бисексуалам и трансгендерным людям (сокр. ЛГБТ), которые перестали скрывать от окружающих свою сексуальную ориентацию или гендерную идентичность. Выражение «каминг-аут» является прямым заимствованием устоявшегося англоязычного выражения coming out (сокр. от coming out of the closet — букв. «выйти из шкафа», по смыслу «выйти из потёмок; открыться»).

если не поддержку, то хотя бы неосуждение и желание понять их, чтобы со временем принять необходимую информацию и смириться с ней. Но может произойти обратное. «Родители не готовы отказаться от меня, но и принимать меня тоже не готовы», — откровения одного публичного трансгендера после каминг-аута. Встречаются родители, которые всегда замечали, что с их ребенком происходит что-то не то. В этом случае каминг-аут приносит облегчение и трансгендерному человеку, и его близким.

Существует несколько видов транзишена:

- заместительная гормональная терапия (ЗГТ) двух видов: феминизирующая и маскулинизирующая. Обычно длится всю жизнь;
- хирургическая коррекция пола (ХКП). Может быть исполнена в двух вариантах: Ж→М (с женского на мужской) и М→Ж (с мужского на женский). Обычно это не одна, а ряд операций;
- смена пола и/или имени в документах.

Путь трансгендерных персон, решившихся на тот или иной вид перехода, похож на путь героя, который преодолевает все возможные и невозможные преграды на пути к единству своей идентичности.

«Для одних важнее изменение тела с помощью ЗГТ и/или ХКП, для других принципиально только смена пола и/или имени в документах. Зарубежные исследования и статистика показывают, что большинство приходит к этому решению в уже зрелом возрасте, имея за плечами семьи, детей и определенный социальный статус», — сообщает Е. В. Терехова.

ЗГТ назначается после получения справки о половом несоответствии после прохождения психиатрической комиссии в совершеннолетнем возрасте и на определенных условиях. Далее эндокринолог назначает препараты. В реальности все может происходить несколько иначе. Прием ЗГТ начинается намного раньше, еще до получения справки, нередко неофициально и в подростковом возрасте. Человек переживает сильные эмоции, связанные с приобретением первых уколов, первых таблеток. Волнительны и первые наблюдения своего перерождения: первые изменения в физиологии своего тела, первые

¹⁴ Участница документального фильма «Трансгендеры. Смешение полов», 2018.

результаты. «Здесь предполагается переживание гендерной эйфории, но в реальности мы сталкиваемся с различными эмоциями», — отмечает Екатерина Владимировна Терехова.

Вот что рассказывает Рене Джакс¹⁸ о своем переходе из мужчины в женщину: «Поворотным моментом была встреча с доктором, который прописал мне гормоны. Сначала думаешь, что если я начну принимать гормоны для перехода в женщину, то моя жизнь будет прекрасной. А потом — если бы только было возможным сделать чуть повыше голос, было бы классно. Следующей приходит мысль — вот бы сделать грудные импланты. Это всё, что мне нужно! Но на этом никто не останавливается. В итоге, пройдя гормонотерапию, вам удается убедить врача сделать операцию по перемене пола. Я изменила пол в 1990 году. В глубине души я не думала... Я думала, что это будет точно так, как все, что я делала прежде. Но надеялась, что, наконец, я смогу почувствовать себя цельной».

Хирургическая коррекция пола — это и болезненно, и затратно. В настоящее время генетический пол человека изменить невозможно. Такой биологический признак, как наличие или отсутствие Y-хромосомы, а также меры его изменения, не является значимым вопросом для трансгендерных людей. Их тревожит другое. «На понимание мужественности или женственности сильно влияют гендерно-нормативные установки, — сообщает Екатерина Владимировна, — а у людей, которые относят себя к трансперсонам, гетеронормативность сильно превалирует. По их мнению, они должны быть или настоящей женщиной, или настоящим мужчиной. А это не всегда возможно, даже чисто технически в силу определенных физиологических причин. И этот факт тоже выбивает из колеи людей, которые начинают совершать переход. Человек, который решился на переход, подвержен огромному количеству переживаний и обстоятельств, через которые он должен пройти».

При смене документов трансгендерным людям приходится продираться через бюрократические процедуры, словно сквозь густые

джунгли. Т-персона опять встречается с мисгендерингом и обесцениванием того, что считает для себя важным. Прибавляется череда новых вопросов. Если человек учится, то каким образом на изменения отреагируют администрация учебного заведения, учителя, однокурсники? А как на эту перемену отзовутся работодатель и коллеги, если человек работает? И в какой общественный туалет потом заходить, если человек ведет себя и выглядит как мужчина, имеет документы и имя мужчины, но у него половые органы женщины? В настоящий момент в юридическом секторе обсуждается вопрос о том, в какую тюрьму отправлять трансгендерных людей, если они преступили закон. В мужскую или женскую?

Еще одна проблема — это проблема принятия перехода родственниками. «Психосексуальная ориентация принимается близкими людьми намного проще, чем момент перехода. Это связано и со здоровьем, и с позором, который в нашем российском обществе возможен. Случаи, когда близкие люди принимают этот факт достойно, очень редки. И они вызывают уважение», — сетует Екатерина Владимировна.

Вот что рассказывает Билли Бёрли¹⁹, который после перехода с мужского пола на женский стал задумываться о следующем: «Все мои проблемы, по идее, уже должны были решиться. Но этого не случилось. Проблем у меня стало даже больше. Непросто было сойти за настоящую женщину. Нужно правильно причесываться, правильно накладывать макияж, правильно выглядеть, чтобы окружающие люди не испытывали дискомфорта. Потому что всегда видно, когда человек понимает, что ты трансгендер. Я подумал, что это не жизнь. В моей жизни ничего не изменилось. Я продолжаю страдать. Мне лучше жилось до операции, до гормональной терапии. И где-то лет через пять после операции я начал задумываться о том, чтобы совершить обратный переход».

Рене Джакс²⁰ через несколько лет после перехода сделала такой вывод: «Изменение

¹⁹ Участник документального фильма «Трансгендеры. Смещение полов», 2018.

²⁰ Участница документального фильма «Трансгендеры. Смещение полов», 2018.

пола не решило моих проблем. Честные доктора говорят о том, что гендерное расстройство никуда не уходит. Недовольство полом начинается с анатомии. Но на самом деле это просто нелюбовь к себе».

Некоторые транслюди, пережившие переход, говорят, что многие проблемы закрываются лишь на время. Уверенность в себе появляется на короткий срок, пока существуют надежды на перемены к лучшему. В дальнейшем проблем становится еще больше. После хирургической коррекции половых органов может возникнуть недовольство ими, трудности с достижением оргазма. Трансгендерным мужчинам, например, трудно найти презервативы нужного размера, так как у нас в обществе все стандартизировано. Снова может возобновиться или продолжиться ненависть к своему телу. Из-за этого зачастую происходит отказ от заботы о своем здоровье. Воскрешаются суицидальные мысли и действия. Может возникнуть алкоголизация, наркомания. «Я испытал такое разочарование, что я истратил впустую столько лет, занимаясь всем этим. Счастливым я себя так и не почувствовал», — произносят некоторые т-персоны. А родственники эхом отзываются: «А мы тебе говорили, что не надо!». Это добавляет чувство вины, обостряет сомнения, которые были и до этого, могут появиться мысли о детранзишене.

Детранзишен — это возврат к своему прежнему анатомическому полу. Иначе его могут обозначать как «обратный переход» или «откат».

Тамара Юрьевна Кутукова подытожила: «Сама по себе гендерная дисфория не является необходимым и весомым основанием

для перемены пола и для осуществления перехода. Поскольку переход является серьезным гормональным и хирургическим вмешательством, навсегда меняющим тело человека. Меняющим настолько, что это серьезно сказывается на его здоровье и социальной жизни. И даже если он остановит гормональную терапию, то изменения все равно останутся. Крайне опасно отрицать какие-то сложности, которые могут быть завуалированы трансгендерной тематикой. Детранзишен — это не отмена транзишена, несмотря на семантику слов. Это создание новой идентичности на основе разрушенной или уничтоженной прежней. Это травматичный путь, который редко сопровождается радостью. Поэтому поддержка специалиста, который не стремится категоризировать своего пациента, который настроен лояльно, будет очень полезна».

Точно так же среди трансгендерных людей встречаются люди разных уровней организации личности: невротического, пограничного и психотического. Точно так же встречаются люди с разными типами организации характеров. Точно так же встречаются люди с разнообразной психологической травматизацией. Вероятно, сначала будет непривычным обращаться к женщине мужским именем, а к мужчине женским. Но так душа с душой говорит.

Психоаналитическая терапия может помочь трансгендерным людям в развитии понимания себя, развитии личной инициативы, способности управлять эмоциями, в развитии силы Эго и связности самости, способности любить, работать, играть, а также в общем в достижении хорошего самочувствия и обретении целостности. ■

¹⁸ Участница документального фильма «Трансгендеры. Смещение полов», 2018.

VI Уфимская научно-практическая онлайн конференция: «Я и ты — танец в ритме. Психоанализ любви и отношений в паре»

12–14 марта 2021

13–14 марта 2021 года состоялась конференция РО-Республика Башкортостан (г. Уфа) ЕАРПП. В конференции приняли участие 40 специалистов, работающих в сфере психологического консультирования и психотерапии. География участников оказалась широкой, в одном пространстве собрались такие города как Уфа, Москва, Санкт-Петербург, Казань, Мурманск, Нефтекамск, Самара, Лондон.

Используя танцевальные метафоры, участники конференции обсуждали непростые темы

любовных отношений: грязные танцы нарциссической любви, сакральные танцы в паре, погружение в болезненный мир травмированных подростков, неспособных танцевать, «стриптиз души» через социальные сети.

Почетные гости конференции:

Мизинова Татьяна Владимировна — к.с.н., Вице-президент ЕСРР (Vienna, Austria), Паст-президент ЕАРПП, член наблюдательного совета и этической комиссии СРО «Союз психотерапевтов и психологов», тренинг-аналитик

и супервизор ЕАРПП (г. Москва). Татьяна Владимировна выступила с докладом на тему «Грязные танцы. Есть ли место любви в отношениях с нарциссическим партнером?»;

Тимошкина Алина Алексеевна — к.п.н., Президент ЕАРПП (НО ЕСРР, Vienna, Austria), руководитель Центра Психотерапии и Психоанализа и Международной Школы группового психоанализа (патронат COIRAG, Италия), член президентского совета и руководитель экспертной комиссии СРО «Союз психотерапевтов и психологов», тренинг-аналитик и супервизор ЕАРПП (г. Москва). Алина Алексеевна выступила с докладом на тему «История одной любви. Границы внутри или снаружи. Групп-анализ как пространство новых смыслов»;

Роби Фридман (Израиль) — профессор Хайфского университета, клинический психолог и супервизор, групповой аналитик, индивидуальный, семейный и групповой психотерапевт, специалист по разрешению межнациональных конфликтов, директор израильского Института Группового психоанализа, член правления Международной ассоциации групповой психотерапии и групповых процессов (IAGP), Президент Групп-аналитического Сообщества (GASI, London). Был представ-

лен доклад на тему «О войне и мире в малых группах»;

Борис Александрович Еремин — тренинг-аналитик и супервизор ЕАРПП и ЕСРР (Vienna, Austria), руководитель Кляйнианских Чтений, преподаватель ОМПУ, (г. Москва). Борис Александрович говорил о Женщине и Любви.

Елена Леонидовна Коробова — к.п.н., тренинг-аналитик и супервизор ЕАРПП и ЕСРР (Vienna, Austria). Елена Леонидовна провела групповую супервизию.

Особую атмосферу конференции удалось создать благодаря группам рефлексии, на которых можно было обсудить услышанные доклады, поделиться своими чувствами и размышлениями.

В репортаже о конференции мы представляем вам:

- синопсис Елены Васильевой «Параллели в танго измен», написанный по материалу доклада Жанны Валеевой (г. Нефтекамск);
- синопсис Екатерины Лариной «Генералы песчаных карьеров», написанный по материалу доклада Елены Васильевой (г. Самара);
- материалы Круглого стола Светланы Федоровой «Попавшие в сети. Как социальные сети меняют нас». ■

Параллели в танго измен

Васильева Елена Владимировна

- к.пс.н., клинический психолог, психоаналитически-ориентированный психолог
- член ЕАРПП (РО-Самара) и ЕСРР (Vienna, Austria)
- специалист Центра Современного Психоанализа (г. Самара)
- действительный член некоммерческого партнерства «Палата судебных экспертов»

В танго можно совместить такие разнополюсные характеристики, как сдержанность и страсть, любовь и агрессию, строгость и свободу, граничащую с фривольностью. Все это без расщепления могут «совместить» в партнере люди с функционированием ближе к невротическому уровню. И это то, на что ориентирован аналитик, работая с анализантом.

Свой доклад «Танго втроем: кто лишний?» Валеева Жанна Николаевна начала с того, что танец — это не столько взаимодействие, сколько взаимоотношения. Говоря об отношениях между взрослыми людьми, мы чаще вспоминаем такие формы отношений, как семья и брак, но здесь требуется дифференциация этих знакомых нам понятий. Их семантику в полной мере понять помогли как научные определения, так и представления о данных феноменах в обыденном сознании, предоставленные автором доклада.

Далее спикер обозначила, что в настоящее время существует большое разнообразие видов брачных отношений, которые весьма отличаются от классических, традиционных отношений: это и гостевой брак, гомосексуальный брак, свингерство, полигамный брак и иные формы. Автор доклада рассказала о том, что на стиль отношений партнеров в паре влияют различные факторы, так,

например: феминистское движение за права женщин; повышение значимости материальных благ, денег; рост потребления и ослабление духовно-нравственных ценностей; массовая культура и влияние социальных сетей на создание неких идеальных образов отношений; снижение значимости семейно-групповых ценностей на фоне усиления индивидуально-личностных установок (ты можешь все); появление и стремительное развитие социальных сетей, как замены общения и нахождения «своих».

Образ семьи в современном обществе уже не такой однозначный, как был раньше, теперь он размыт в многообразии, многофункциональности и многофакторности, следовательно, перестал быть четким ориентиром.

Рассмотрев эти позиции, Жанна Николаевна перешла к рассуждениям о ситуации измены и причин появления третьего в паре: какую эмоциональную нагрузку «берут» на себя любовники и любовницы, как они вписываются в уже сложившуюся семейную систему. Также была рассмотрена и другая сторона этого вопроса — чувства, переживания и мысли пострадавшей стороны, того в паре, кому изменили (или продолжают изменять). Складывается ситуация, когда пара находится в расщеплении: в отношениях «все нормально» и даже «хорошо», а отсутствие секса, эротических переживаний либо замалчивается, либо рационализируется, камуфлируется «логичными» объяснениями.

На мой взгляд, этапы переживаний, которые проходит пострадавшая сторона, напоминают стадии горевания: шок, отрицание, агрессия, торг, депрессия, принятие... Столкнуться с изменой партнера — это серьезная нарциссическая травма, пережить которую непросто, и существует множество «но» и «если». Опираясь на работы У. Р. Биона, Жанна Николаевна подняла вопрос о зависимости в паре от символического приравнивания объекта с его (объекта) образом, что характерно для параноидно-шизоидной позиции, в которой находится пострадавшая сторона.

Однако, при всех негативных последствиях измены, мы обнаруживаем и положительные моменты: измена снимает накал страстей в паре, порой даже весьма агрессивных, и третий помогает расщепить образ ненавистно/любимого (ой) супруга (и). Поэтому

Другой здесь чаще функция, а не объект. Парадоксальным образом измена помогает сохранять длительные отношения партнеров, психика которых функционирует на доэдипальном уровне.

Создается садомазохистский танец, где партнеры наступают друг другу на ноги (и не только), но продолжают оставаться в паре, несмотря на почти невыносимые чувства. И насколько порой невыносимо приходится аналитику, который становится свидетелем этого танца.

Спикер представила клинический случай, который явился хорошей зарисовкой к рассмотренным выше темам. В этих терапевтических отношениях есть и страсть, и обесценивание, и страх сепарации, и навязчивое отыгрывание (повторение) анализантом своей истории.

После окончания выступления у слушателей появилось много вопросов, и все они были атакующими по отношению к спикеру.

Меня заинтересовала групповая динамика обсуждения доклада. На мой взгляд, мы столкнулись с параллельным процессом — специфическим феноменом повторения в отношениях супервизируемого психотерапевта и супервизора структуры и динамики отношений психотерапевта и клиента. Несмотря на то, что доклад Жанны Николаевны супервизией не являлся, понятие параллельного процесса помогает объяснить групповую динамику обсуждения доклада. «Параллельный процесс является результатом серии паттернов защитного поведения, характерных для всех участников коммуникации — клиента, психотерапевта и супервизора. Условием, провоцирующим развертывание параллельных цепочек защит, может выступать асимметричное распределение позиций власти/подчинения, что характерно, в том числе, для ситуаций психотерапии и супервизии»¹.

Получается, что слушатели так погрузились в историю анализанта, а спикер так мастерски описала его жизнь и ход терапевтической работы, что защитные процессы развернулись в нашей групповой динамике. Те, кто задавал

¹ Бусыгина Н. П., Силкин А. И. «Параллельный процесс в супервизии: история понятия и объяснительные модели». Консультативная психология и психотерапия, 2015, № 5

вопросы, транслировали (вероятно) сиблинговые конкурирующие отношения анализанта и «отреагировали» их в виде неудобных вопросов, в которых явно улавливалось возмущенное «что Вы себе позволяете?!». Проявления пассивной агрессии, наблюдаемые в ходе обсуждения доклада, похожи на пассивную агрессию, которую анализант постоянно проявлял по отношению к своему брачному партнеру, регулярно изменяя ему, а также при расставании с сексуальными партнерами. Пассивная агрессия также наблюдалась и в отношениях с аналитиком, когда анализант прерывал терапию и обесценивал достигнутое и понятное на терапевтических сессиях. Но время, отведенное для танго доклада закончилось, и страсти не успели набрать обороты стихийного бедствия. В завершение одна из слушателей озвучила, что в обсуждении было слишком много нападений на спикера. Ее голос прозвучал как голос наблюдающего Эго, который так редко звучит во внутреннем пространстве анализандов с доэдипальным уровнем функционирования.

Стили отношений в паре весьма похожи на танго, на мой взгляд. Существует много вариаций, видов и направлений этого танца, все они достаточно сильно отличаются хореографией и музыкальным сопровождением. Если рассматривать классическую классификацию танго, основанную на различиях в хореографии и музыкальном сопровождении, то можно выделить следующие стили:

Аргентинское танго. Этот стиль максимально приближен к аутентичному танго, который исполняется в Аргентине и Уругвае. Рассматриваемое направление представляет

собой смешение стилей, направлений и разновидностей национальных народных латиноамериканских танцев с примесью ритмов даже африканских направлений. Все виды аргентинского танго основаны на принципах импровизации в танце.

Бальное танго. Это спортивный танец, который является полноправным участником международных конкурсов. Главным отличием этого стиля от аргентинского танго является полное отсутствие импровизации и более высокий темп исполнения. Здесь четкие нормы и правила танца — положение корпуса тела и головы, следование линиям, выполнение строго обозначенного перечня элементов и т.д. Бальное танго требует четкости как в движениях, так и в музыке, этот стиль менее мелодичен и плавеен, чем аргентинское танго.

Так, стиль танго выше упомянутого анализанта при взаимоотношениях с брачным и сексуальными партнерами, а также с аналитиком похож на аргентинское танго. Здесь бушуют страсти, много драйвов и непредсказуемости. Представьте пару на танцполе, которая ни разу вместе не танцевала, и у каждого партнера свое представление об аргентинском танго, свой стиль и опыт его исполнения. Аналитик же, скорее, будет тяготеть к отношениям на сессиях, больше напоминающих бальное танго — с четкими правилами и нормами, контролируемые страстями, которые должны укладываться в определенные критерии. Столкновение стилей аргентинского и бального танго, формата доклада и формата супервизии прекрасно проиллюстрировали параллельные процессы, развернувшиеся в групповом обсуждении доклада. ■

Генералы песчаных карьеров

Ларина Екатерина-К. Николаевна

- психолог, психоаналитик
- сертифицированный специалист и тренинг-аналитик ЕАРПП (Россия) и ЕСРР (Vienna, Austria)
- член Правления РО-Екатеринбург (ЕАРПП)

В своем докладе автор Васильева Елена Владимировна соотносит особенности мышления подростков из неблагополучных семей с характером первобытных танцев, свойственных примитивным племенам — жестко регламентированным, где нет свободы и легкости, нет творчества и самовыражения. «Эти дети не танцуют» — так называется доклад Е.В. Васильевой. Когда-то супервизор сказала мне: «Психоаналитик — это тот человек, который называет вещи своими именами». Так Елена Владимировна называет своими именами те страшные вещи, которые происходили в истории подростков, поступивших к ней в коррекционную работу. Она честно, не сглаживая и не преуменьшая, говорит о том, что происходит с этими пока еще невзрослыми людьми, жертвами «танца отношений» с собственными матерями.

Эта тематика о трагической ситуации детей, не получивших тепла, заботы, эмоционального включения неизменно глубоко трогает душу. На их долю достались побои, сексуальное и эмоциональное насилие, ненависть или равнодушие. В багаже их ощущений и переживаний боль, страх, ярость, пронзительное чувство одиночества. В их мире нет доверия и вечная тревога. Они не нужны, они не хороши, в каком-то смысле не живы.

Часто их родители лишены родительских прав, а дети попадают на психокоррекцию в кабинет к специалисту.

Психолог, работая с этими подростками, сталкивается с ригидными, непробиваемыми психологическими защитами. Ибо только такие защиты могут сохранить рассудок ребенка, подвергающегося истязаниям, насилию, унижениям. В контрпереносе психолога или психоаналитика присутствует весь набор тяжелых переживаний, о котором подростки не в силах говорить, либо говорят механически, неэмоционально, с бесстрастными лицами: ужас, тоска, захлестывающая ненависть, ощущение могильного холода, а также много недифференцированных чувств.

Невозможность распознать сильные чувства рождена ранним взаимодействием с матерью, которая не взяла на себя символизирующую функцию по отношению к своему ребенку. Она не играла с его ручками, пальчиками, не называла их, не прикасалась ласково к телу. Она не объясняла и не успокаивала. В отношениях была прерывность и нестабильность — такие матери часто исчезают из поля ребенка, уходя или напиваясь. Ребенок в подростковом возрасте бессознательно нападает на такую мать, и это сказывается как на повседневной жизни таких детей, так и в терапии: процесс идет очень медленно, с периодическими разрушениями любого успеха, любого продвижения к установлению контакта.

И все же эти дети — раненые, расщепленные — бессознательно желают помощи, теплого включения и любви, как этого желает любое живое существо. Поэтому, уходя из кабинета психолога, они забывают свои вещи, оставляя негласное послание: «не забудь обо мне, дай мне шанс вернуться». Беда и мука глубоко пограничных личностей — конфликт между ужасом поглощения и страхом одиночества — в детских устах звучит трагически: «сгинь, умри — будь рядом всегда!». Так же они надолго оставляют в кабинете свой запах как напоминание о себе и одновременно как нападение на терапевта.

Их единственная возможность приблизиться к матери — стать таким, как она. Психика осуществляет защиту «идентификация с агрессором» и тогда может состояться хоть какой-то контакт с ней. «Тогда, — говорит ав-

тор доклада, — во внутреннем мире ребенка появляются и агрессор и жертва — разыгрывается драма боевика». Полем битвы выступает собственное тело, не присвоенное, не обозначенное в психическом ребенка. Эти дети познавали свое тело через боль, а не через ласковые прикосновения матери. Поэтому, для того, чтобы хоть ненадолго были обретены границы, появилось ощущение собственного тела, его сознательно режут и калечат и бессознательно подставляют под удар. Здесь садист нападает на себя и сам же мазохистически страдает. Они часто попадают в опасные ситуации, подвергая повреждениям свое тело. В данном случае такое поведение не является суицидальным: подростки стремятся ощутить тело своим, а себя — живыми. Когда из порезов стекает теплая кровь, это успокаивает, как мамино молоко, умиротворяющее, насыщающее, дающее жизнь.

Каким образом существуют эти подростки во внешнем мире и какова их внутренняя реальность?

Для того, чтобы защититься от невыносимого страха, психика изолирует чувства и снижает способность думать. Часто дети из подобных семей тихие, много спят, неэмоциональные или умственно отсталые. Они употребляют психоактивные вещества или алкоголь. Их способ защититься: либо исчезнуть, отключиться, либо напасть. Они нападают на все хорошее, чего никогда не было и нет у них, т.к. все хорошее, даже жизнь, связано с материнской фигурой, которая не могла выполнять свою материнскую задачу. Эти дети часто воруют, мучают животных, отличаются деликвентным поведением.

В истории развития их психического аппарата не было вербализации, символизации, присвоения своего тела. Они «неотзеркаленные», они не знают, какие они. Их привязанность не сформирована или амбивалентна. Ментализирующая функция крайне слаба. У них нарушено ощущение непрерывности, которое формирует мать своим присутствием. Но их матери надолго уходили — в запой, в похмельный сон.

Елена Владимировна сравнивает мышление этих подростков с ритуальными танцами примитивных народов, обладающих мифологическим нарциссическим мышлением. Такое мышление предполагает жесткую, кост-

ную систему знаний, где нет места размышлениям и сомнениям. Все предопределено. В ритуальных танцах это выражается через ритм и заданность движений. Воля богов будет передана через шамана, творческого начала нет, нет рефлексии, нет свободы. Как в ритуальных танцах, в мышлении этих подростков все задано, жестко и предопределено. Они не обладают свободой, даже если ведут себя «расхлябанно», жуют жвачку и употребляют ненормативную лексику в присутствии психоаналитика. Они зажаты. Психика, оставшаяся на уровне маленьких детей или психически больных, обладая мифологичностью мышления, заставляет их верить в силу мысли и слова. Подростки боятся произнести и даже подумать что-то, опасаясь, что мысли и слова сбудутся, так же, как сбудутся интерпретации аналитика. «Все это реализуется и может реализоваться прямо здесь. Здесь нет места даже подавленным мыслям, вытесненным мыслям и идеям».

Автор доклада попыталась представить мышление подростков из неблагополучных семей в метафоре танца и делает вывод с этой точки зрения — такие дети не танцуют. Они не могут этого делать в том смысле, в котором говорит о танце Ницше — как о процессе, где много легкости и мысли, где тело становится художественным произведением. Их путь — путь навязчивого повторения, путь ритуалов. Если говорить в терминах французского психоанализа, эти дети — «добровольные галерщики» (Жерар Швек «Добровольные галерщики»), пытающиеся найти успокоение в бесконечном вызове своему трагическому опыту. Но каждый раз они терпят неудачу, и мимолетное успокоение оборачивается еще более высоким уровнем тревоги, всегда сопровождающей их. Это удел детей, чей первичный нарциссизм дефицитен и хрупок.

Есть ли у этих детей шанс? Некоторые из них способны, пусть очень медленно и мучительно, но продвигаться в терапии. Длительная техника присоединения и контейнирования дает свои плоды. Постепенно отступает характерная для них амнезия, когда они не могут вспомнить, что было полгода назад. Жесткое убеждение уступает место сомнению: они начинают сомневаться, является ли их воспоминание фантазией или же реальным событием. Подростки перестают бесконечно озираться и начинают говорить без страха, что сказанное непременно исполнится. Они становятся способными обсуждать то, что хотели бы себя убить. И чем больше они говорят об этом, тем менее тревожными они становятся в реальной жизни за порогом кабинета психолога. Их меньше тянет в опасные ситуации. Их ярость перенаправляется в занятия спортом. Появляются зачатки критического мышления, они начинают замечать, когда ведут себя с аналитиком как жертвы или провоцируют его на агрессию.

Когда-то мне приходилось строить генограммы таких пациентов. В истории их семей дети страдали из поколения в поколение. Не обязательно это были поколения алкоголиков, хотя чаще всего именно так. Однако, история насилия и унижений могла начаться с травмы, которая осталась не переработана и не интегрирована в психику ее носителя. Тогда следующие поколения получали заряд колоссального психического напряжения, с которым пытались справиться, выбирая опасные профессии или погружаясь в зависимости. Они несли в себе чужую травму, о которой даже не подозревали. Терапия дает им шанс прекратить череду насилия, боли, разрушений себя. ■

Материалы Круглого стола: «Попавшие в сети. Как социальные сети меняют нас»

Фёдорова Светлана Сергеевна

- клинический психолог
- член ЕАРПП (РО-Республика Башкортостан, г. Уфа) и ЕСРР (Vienna, Austria)
- блогер

Известно ли вам, что цель разработчиков Siri на будущее — это обучить ее психотерапевтической диагностике: по сообщениям, голосу, мимике, она должна опознавать признаки депрессии, например, и предлагать помощь своему пользователю? Далее планируется расширять ее возможности, и сделать карманного, доступного, очень дешевого, но бездушного психоаналитика для каждого.

Что вы думаете об этом? И что вы чувствуете? Как вам новость, что нас всех (чья профессия начинается на «пси-») планируется заменить искусственным интеллектом?

Я провела опрос среди моей аудитории в Instagram, предпочли бы они говорить с телефоном или с живым человеком. Результат: лишь 6% «за» психотерапию с искусственным интеллектом. Но мои подписчики приучены к регулярным порциям информации о важности человеческих отношений, и в целом им интереснее душа, а не механика. Поэтому достоверность моего исследования относительно. Думаю, что если бы опрос проводился в ином блоге с иной аудиторией, то результат был бы другим.

Почему я начинаю свой рассказ с этой истории? Потому что алгоритмы работы социальных сетей — это тоже работа искусственного интеллекта. При кажущейся сво-

боду самовыражения в соцсетях, на самом деле слишком многое контролирует невидимая нам логика анализирующих каждое ваше движение серверов.

Как социальные сети влияют на нас:

1. За небольшое количество времени мы можем взаимодействовать с большим количеством человек с получением быстрой обратной связи. Я не знаю другого периода в истории человечества, когда такое было бы возможно раньше. Потребность быть увиденным в мире из 7,8 млрд людей обостряется. «В больших неструктурированных группах, очевидно, никто не может слышать другого, диалог подавляется свойственной этим группам разрывностью коммуникации, а попытки создать малые подгруппы терпят неудачу. [...] В этом контексте проекции становятся множественными и непостоянными, и человек должен найти некий образ, который должен отличать его от других. [...] Страх сопровождается провокационным поведением, которое иногда направлено на случайного члена группы, пытающегося сохранить в этой атмосфере некое подобие индивидуальности. [...] Однако в отличие от рационализации насилия, которое характеризует толпу, вульгарная или основанная на здравом смысле философия большой группы действует как успокаивающая, подбадривающая доктрина, сводящая все мысли к клише. По большей части агрессия в большой группе принимает форму зависти — зависти к мысли, индивидуальности и рациональности» (О. Кернберг, «Конфликт, лидерство и идеология», с.21–22).

2. Информации много, слишком много: мы не готовы к такой информационной перегрузке. Проиллюстрировать это можно фактом, что фейковые (ложные) новости разлетаются в 6 раз быстрее правды (по данным ученых из MIT).

3. Контейнер для чувств всегда в доступе. Злишься? Зайди в профиль к звезде, в комментариях напиши ей, какая она тупая и уродливая, тебе станет легче, ведь испачкать великое это вообще особое удовольствие. Радуетесь? Напиши об этом пост и собери «сердечки». Да, соцсети удобный контейнер для чувств, но этот контейнер обезличен и упрощен. Чувства вообще удешевились. Теперь не надо предпринимать усилий, чтобы что-то по-

чувствовать совместно с другими, достаточно зайти в соцсети.

4. Слияние. Соцсети становятся некой материнской грудью для одних и наркотиком для других. Уже открываются центры по работе с интернет зависимостью и, вероятно, через несколько лет «интернет-аддиктолог» будет популярной специализацией в психологии.

5. Мы эволюционно не готовы к такой славе. Мозг приспособлен лишь к 150–200 контактам, это то самое оптимальное число участников группы, необходимой для выживания (так называемое число Данбара). Здесь я процитирую психофизиолога Александра Каплана: «Есть исследование заболеваемости людей в период с 1989 по 2011 год. За 20 лет уменьшилась смертность от сердечно-сосудистых и онкологических заболеваний, а вот количество неврологических расстройств (проблемы с памятью, тревожность) за то же время резко возрастает. Неврологические заболевания еще можно объяснить поведенческими проблемами, но число заболеваний психических растёт так же быстро, и при этом они обретают хронический характер. Такая статистика и является сигналом, что мозг больше не справляется».

6. Тестирование реальности усложняется. Захваченный психозом человек регистрируется в социальных сетях, делает клич: «Эй, подписчики! Земля — это место астральной битвы между демонами и ангелами, я сам видел несколько». И к нему обязательно присоединятся такие же, эта группа будет расти и подкреплять психоз друг друга, нападая на здравомыслящих зрителей, которые попытаются разубедить, что нет никакой битвы, но есть галоперидол.

7. Исследование о людях, которое в мае 2017-го напечатал Европейский журнал социальной психологии (European Journal of Social Psychology), показывает: «распространять «особенное необщее знание» — в частности, новости вокруг и около теорий заговора — легкий способ почувствовать себя привилегированным меньшинством. Вы, один из немногих, делитесь с «теми-кто-понимает» информацией, недоступной для широких масс». Научная статья вышла под заголовком «Слишком особенные, чтобы дать себя обмануть». Команда психологов из Майнского университета в Германии завербовала несколько сотен добровольцев для участия

в серии из четырех экспериментов и выяснила: склонность верить в теории заговора коррелирует с потребностью «быть особенным» и «не быть в стаде», какую, возможно, не удалось реализовать иначе.

8. Социальные сети — идеальная среда для расцвета нарциссизма, истерии или регресса. И еще — это такая непрерывная цепочка, когда бесконечно ранишься об успехи других и, как подросток, снова сравниваешь себя с другими, снова ищешь свое место в мире, снова чувствуешь себя непривлекательным. Зигмунд Фрейд в своей работе «Психология масс и анализ человеческого Я» снова оказался прав: в толпе индивидуум регрессирует, в толпе человеческое Я растворяется, а соцсети — это одна большая толпа.

9. Управление принятием решений. Есть целые алгоритмы у соцсетей, как склонить пользователей к принятию того решения, которое выгодно рекламодателям. Очень интересно об этом всем пишет Борислав Козловский в своей книге «Максимальный репост». Благодаря этим же алгоритмам происходит поляризация. Поясню: если вы часто читаете посты от либералов, вам будет показываться только либеральная тематика, а посты консерваторов вам не предложат, таким образом, нет возможности ознакомиться с альтернативной точкой зрения, лучше понять других.

10. Человек превращается в функцию, причем по собственному желанию. Сейчас очень много клиентов с запросом «сделайте меня

более эффективным, сделайте меня инструментом для заданных целей».

11. Этика. Если мы изучим этические нормы, сложим представление о профессиональной самопрезентации, а потом случайно введем в поиск в соцсетях «психолог», будет много тех, кто нарушает все эти этические нормы. В результате искажается понимание, что есть наша с вами профессия, что есть качественная работа психолога, психоаналитика. И, конечно же, это чистое нарушение границ, когда наши клиенты видят нас через соцсети такими, какими видеть не должны, например, в купальнике на пляже. У людей искажается понимание, люди начинают думать, что хороший психолог это тот, кто «мать и жена, чтоб красивая картинка: дети нарядные с блинами чистенькие за столом, муж нежно за плечи обнимает и цветочки дарит».

С другой стороны, социальные сети наших клиентов — для нас тоже диагностический материал. Вовсе необязательно туда заглядывать (это неэтично), достаточно обсуждать с клиентом, как он себя презентует в соцсетях, как он себя там чувствует, что он хочет рассказать миру о себе через соцсети.

В завершение хочу сказать, что сейчас ученые в точности не знают, к чему приведет распространение искусственного интеллекта и что будет с нами, в научном мире мнения об этом расходятся. Предлагаю воспринимать эту перспективу как шанс на знакомство со своей человечностью. ■

IV межрегиональная научно-практическая конференция по психоанализу: «Границы родительской любви: дозволенное, недозволенное»

17–18 апреля 2021

Доброй традицией в Самаре стало проведение научно-практических конференций, посвященных детскому психоанализу. Конференции организованы региональным отделением ЕАРПП в г. Самара, председатель отделения Аулкина Светлана Автономовна.

Психоаналитически ориентированных специалистов, работающих с детьми, становится все больше с каждым годом: как в Самаре, так и в других городах, регионах нашей страны. Соответственно, появилась необходимость в профессиональной площадке, где можно делиться опытом, успехами и сложностями своей работы в безопасной и коллегиальной атмосфере. Кроме специалистов, работающих с детьми, традиционно конференции по детскому психоанализу привлекают и специалистов, работающих со взрослыми людьми. Помимо клинических аспектов работы с детьми, на наших конференциях всегда звучат темы родительско-детских отношений, семейных отношений, актуальные в современном быстро меняющемся мире.

В апреле 2017 г мы обсуждали тему «Особенности процесса сепарации современных детей: психоаналитический взгляд». В апреле 2018 г — тему «Особенности формирования гендерной идентичности детей в современном мире: психоаналитический подход».

Слева: Председатель РО-Самара Аулкина С.А.

Справа: Вдохновитель и организатор конференций РО-Самара детский психоаналитик Кочеткова И.М.

В апреле 2019 г состоялась III Межрегиональная научно-практическая конференция по психоанализу «Современное родительство и ребенок: от Нарцисса до Эдипа». Центральной идеей конференции 2019 г стала идея об огромной эмоциональной нагрузке на современную родительскую пару и поиск ресурсов для стабилизации и укрепления адекватной родительской позиции. Коллеги шутили, что хештегом конференции стала фраза #РодителиТожеЛюди.

По итогам работы конференций в 2019 году был выпущен сборник статей «Современное

родительство и ребенок: психоаналитический взгляд». В этом сборнике мы знакомим читателей с некоторыми докладами, прозвучавшими на наших конференциях (2017–2019 гг), а также с психоаналитическими эссе, написанными коллегами в процессе подготовки к конференции. Подробнее о сборнике и о том, как его приобрести читайте в Анонсах.

В апреле 2020 г мы планировали провести конференцию на тему «Границы родительской любви: дозволенное, недозволенное». Почему мы выбрали эту тему? Основная тенденция современного общества — это размывание и стирание границ. В некоторых сферах человеческой жизни эта тенденция является удобной и полезной. Но не всё так однозначно в отношениях родители-ребенок. Стирание границ в детско-родительских отношениях, исчезновение общепринятых понятий «норма» и «патология», «дозволенное» и «недозволенное» с одной стороны, делает людей более свободными. С другой стороны, это предъявляет более высокие требования к личностной зрелости родителей и других людей, участвующих в жизни ребенка. Сегодня родитель не может спокойно опираться на традиции и общепринятые модели воспитания. Современному

родителю приходится самому решать, где проходит граница между дозволенным и недозволенным. Для многих это является непосильной задачей. В итоге многие современные дети растут в ситуации спутанности границ и понятий, что, безусловно, влияет на формирование их интрапсихических структур и идентичности. Если родитель не знает, «что такое хорошо и что такое плохо», что дозволено, а что — нет, то у ребенка тем более нет возможности разобраться в этих непростых вопросах. Что является проявлением любви к ребёнку, а что наносит вред его психическому развитию? Обсудить эту актуальную тему со всех сторон, отметить реальные ресурсы и актуальные сложности, а так же формирование мифов о родительской любви мы планировали на конференции в апреле 2020 года.

Однако пандемия нарушила наши планы и ограничила желания. Конференция была перенесена на целый год. Получилось, что проработка темы границ потребовала в два раза больше времени. И влияние пандемии существенным образом повлияло на наше восприятие границ в целом. Совсем недавно, в допандемийную эпоху, мы жили в мире, где границы стали очень размытыми, условными,

а в некоторых сферах вообще практически исчезли. И внезапно все человечество столкнулось с ситуацией, когда границы стали жесткими, непреодолимыми и необходимо было приспособиться к этой ситуации. Ограничения коснулись географических, государственных границ, но не только их. Каждый человек столкнулся с ограничениями: теперь надо носить маску, нельзя поехать навестить бабушку. Локдаун, дистанционное обучение и работа «на удаленке» стали настоящим вызовом, испытанием для многих семей, заставив пересмотреть, а иногда и впервые обозначить внутрисемейные границы, границы между ролями: мамы и сотрудника, папы и директора предприятия, ребенка и ученика. Реальность ограничений вмешалась в нашу каждодневную жизнь и в наши планы по организации конференции и, парадоксальным образом, помогла по-новому осмыслить дозволенное и недозволенное в нарушениях границ.

В апреле 2021 г в онлайн формате состоялась IV межрегиональная научно-практическая конференция по психоанализу «Границы родительской любви: дозволенное, недозволенное». В конференции приняли участие

более 80 человек из разных стран и городов, благодаря онлайн формату география наших участников существенно расширилась.

Почетные гости конференции:

Джозеф Кнобель Фрейд (Испания) — Вице-президент ЕССР (Vienna, Austria), известный детский психоаналитик, основатель Школы клинического психоанализа детей и подростков Барселоны, основатель FEAP (Испанская федерация ассоциаций психотерапевтов), основатель Испанской ассоциации истории психоанализа, автор нескольких книг, прямой потомок З. Фрейда. Джозеф представил доклад на тему «Работа с родителями в психотерапии с детьми и подростками». Этот доклад вызвал интерес слушателей благодаря большому количеству клинических примеров и виньеток из клинической практики докладчика. Последовала оживленная дискуссия, и стало очевидно, что детские психоаналитики и в Испании, и в России сталкиваются с одними и теми же сложностями. Джозеф Кнобель Фрейд любезно поделился со слушателями не только своими взглядами, но и конкретными клиническими рекомендациями: как именно строить работу с родителями, которые приводят детей

Оргкомитет конференции РО-Самара, 2019 г.

к психологу. В нашем репортаже вы можете прочитать синопсис этого прекрасного доклада, написанный участницей конференции Натальей Мазаловой.

Тимошкина Алина Алексеевна (г. Москва) — к.псих.н., Президент ЕАРПП, руководитель Центра Психотерапии и Психоанализа и Международной Школы группового психоанализа (патронат COIRAG, Италия), член президентского совета и руководитель экспертной комиссии СРО «Союз психотерапевтов и психологов», тренинг-аналитик и супервизор ЕАРПП и ЕССР (Vienna, Austria). Алина Алексеевна представила нашему вниманию доклад на тему «Психоанализ подросткового возраста. Трансформация родительства в современном мире». Этот доклад был структурным, теоретически насыщенным и красивым благодаря обаянию докладчика. Познакомьтесь с идеями, прозвучавшими в докладе, вы можете в нашем репортаже. Автор синопсиса — Олеся Князькова (г. Самара).

Фёдоров Ян Олегович (г. Санкт-Петербург) — к.м.н., Вице-президент ЕАРПП, психоаналитик, психотерапевт, психиатр, супервизор ЕАРПП, заведующий дневным стационаром № 4 СПб ГБУЗ «Больница им. П. П. Кащенко» (Санкт-Петербург), автор книг по психоанализу. Тема доклада: «Дозво-

Слева направо: президент ЕАРПП Тимошкина А.А., председатель РО-Самара Аулкина С.А., заместитель председателя РО-Самара Гридаева Г.В.

ленное и недозволенное в терапии как в процессе взросления». В своем докладе Ян Олегович пригласил нас к размышлению о том, что является дозволенным и недозволенным в терапевтическом процессе, отдельно остановившись на этическом кодексе ЕАРПП, его функциях и на том, как этика помогает специалисту в клинической работе.

Осинов Владимир Александрович (г. Москва) — действительный член РПО, супервизор РПО, преподаватель «Центра психоанализа онлайн», групп-аналитик (Центр исследования групп, г. Нью-Йорк, Школа Спотница), групповой супервизор IGA. В докладе «По ту

Конференция РО-Самара 2017 г.

сторону родительской любви» автор предложил посмотреть на ребенка не только как на объект, находящийся под давлением родительского отношения, но как на субъект, имеющий собственную активность. Ребенок осваивает и внешний мир, и внутреннюю реальность: реальность своих чувств, переживаний и требований инстинктов. В отличие от взрослого, ребенок не может рефлексировать и исследовать свои чувства, он им следует и действует исходя из них. Столкновение с собственными сильными чувствами может приводить к страданию, а иногда и к физическим повреждениям. В этом случае как может проявляться родительская любовь/нелюбовь? Автор поделился клиническими примерами из психоаналитической терапии взрослых людей, иллюстрирующие активность и субъектность ребенка.

Доклады других спикеров были посвящены как общим темам: например, «Границы контрпереноса: дозволенное и недозволенное» (Галина Гридаева, г. Самара), «О роли чувства стыда в обозначении границ дозволенного» (Ирина Исангулова, г. Самара), «Сфера сексуального поведения как индикатор внутренних проблем личности» (Евгения Зоткина, г. Москва), так и частным темам: «Психоаналитическое сопровождение материнства

и его последствия» (Евгений Викторов, г. Самара), «Работа с подростками в проблемных семьях» (Татьяна Тишкова, г. Москва) и т.д.

Участники конференции отметили выраженную практическую и клиническую направленность прозвучавших докладов, высокий профессиональный уровень, теплую доверительную атмосферу для свободного обмена опытом, идеями, сложностями и успехами.

Отзыв участницы конференции Марины Апухтиной (г. Волгоград): «Все два дня пролетели на одном дыхании!!! Сказать, что было интересно — значит не сказать ничего! Это одновременно про границы и про отсутствие границ в смысле множества вариантов помощи и вариативности каждого специалиста в отдельности. По ряду причин в моей жизни всегда присутствует стратегия многозадачности... попав в эту тёплую и дружескую атмосферу, которую смогли создать коллеги самарского отделения, я на два дня окунулась в океан однозадачности и мне не хотелось из него выходить! Bravo организаторам и докладчикам!!!».

По материалам этой конференции планируется публикация сборника статей. Ждём коллег и всех интересующихся вопросами детского психоанализа на следующей конференции в апреле 2022 г.! ▀

Банкет конференции РО-Самара, 2018 г.

Современное родительство

Князькова Олеся Николаевна

- психоаналитически ориентированный психолог
- кандидат педагогических наук
- член ЕАРПП (Россия, РО-Самара) и ЕСРР (Vienna, Austria)
- член правления РО-Самара (ЕАРПП)

В числе пленарных докладов на конференции в Самаре «Границы родительской любви: дозволенное, недозволенное» прозвучал доклад президента ЕАРПП Алины Алексеевны Тимошкиной «Психоанализ подросткового возраста. Трансформация родительства в современном мире». В своём выступлении Алина Алексеевна предложила поразмышлять о феномене современного родительства, в частности о том, что значит быть родителем современного подростка. В традициях методологии науки доклад строился по направлению от общего к частному: от анализа основных потребностей и задач подросткового возраста как стадии психосексуального развития личности и специфики главного внутреннего конфликта подростка к особенностям детско-родительских отношений этого периода, в частности, такой наиболее приемлемой его модели как «детско-родительское партнёрство». Описание этого понятия и размышления о вариативности этого явления в современном мире, на мой взгляд, и составляет наибольшую ценность в представленном докладе.

Родительство — универсальный, константный феномен человеческой жизни, но, вместе с тем, сама концепция родительства непрерывно трансформируется как с течением

времени, так и в зависимости от социальных групп или индивидов, выражающих те или иные взгляды. Так, например, в советское время подростком считался человек до 16 лет, на сегодняшний день официально признанная верхняя граница подросткового возраста — 22 года. Усложняется мир, ряд условий, в которых взрослеют современные дети, трансформируются общественные ожидания от подрастающего поколения и т.д. Как следствие, удлиняется период подросткового возраста.

Можно сказать, что современный мир не даёт подросткам быстро взрослеть. Подобные перемены, переживаемые семьёй, стимулируют её к освоению новых моделей, иногда отвергающих или искажающих опыт предыдущих поколений. Такое размытие стереотипов семейного воспитания, многовариантность подходов к развитию детей характеризуют *закат естественного родительства и его переход в область сознательно планируемых стратегий*. Современный родитель — это не только человек с ролью родителя, но параллельно ещё и некий профессионал, заинтересованный в самореализации в профессии, других сферах. Само понятие современного родительства разводится на несколько конструктов, как минимум, — это «родитель как социальная роль» и «родитель как процесс воспитания». Поэтому все эти относительно новые условия обуславливают развитие нового типа родительства, в идеале, основанном на *детско-родительском партнёрстве*.

Основными задачами родительства «как процесса воспитания» являются: забота, контроль и развитие. Эффективность родителя как «социальной роли» определяется компетентностью, включающей в себя такие личностные ресурсы как информированность, мотивация, личностная зрелость, интроспективная способность контактировать с воспоминаниями о собственных ранних годах жизни, наличие потребностей, удовлетворение которых обуславливает поведение родителей, материальные ресурсы, временные возможности и др. Родителю важно быть способным справляться с дистрессом, непослушанием, уметь разрешать конфликты и устанавливать позитивные межличностные отношения, учитывать личностные и индивидуальные особенности

ребёнка (например, у ребёнка, родившегося в тяжёлых родах, вероятно, будет тяжёлый подростковый период), социальный контекст, в котором осуществляется их родительство, характер отношений с супругом. *Ответственное родительство — это, прежде всего, сбалансированность разных сторон воспитания* — коммуникативной, эмоциональной, экономической, нормативной, духовной и др.

В целом, по мере развития психоаналитических идей понимание функций родителей как социализирующей и адаптирующей ребёнка к жизни дополнилось представлением о поддержке спонтанности, личностной уникальности и необходимости адекватного ответа на усложняющиеся потребности растущего ребёнка. Очень важно, насколько хорошо понимают родители свою ведущую (в психоаналитическом понимании) задачу в воспитании подростка — изменение структуры властных отношений. Родители должны перестроить свои отношения с подростком с учётом его стремления к автономии и независимости, образно говоря, «присутствовать, оставаясь в тени».

В своих кабинетах мы сталкиваемся с ситуациями, когда «сознательно планируемые» родителями стратегии воспитания подростков не всегда бывают удачными. Так как бессознательные процессы зачастую не учитываются, то, как следствие, в семьях имеют место инверсии и нарушения границ. Переворачиваются семейные роли, нарушаются телесные и правовые границы подростка, присутствуют психологическое давление и манипуляция им, не соблюдаются интимные границы. В семьях зачастую присутствуют насилие и наказание; наиболее типичные формы — принижение, устыжение, угрозы, ограничения, критика, указание, ругательство, игнорирование и др.

Складываются патологические модели воспитания: гипер- или гипопека подростка, двойные послылы, морализаторство, авторитарная гиперсоциализация, культ болезни, отвержение или, наоборот, симбиоз, а вместо любви и доверия — активный контроль. На все эти элементы, присутствующие в его «воспитании», подросток будет реагировать одинаково — бунтом.

Говоря о родителях, мы подразумеваем отца и мать, в норме у каждого из которых

свои родительские задачи. Вариаций здорового партнёрства между психически зрелыми родителями и их подрастающими детьми не так много. А вот ситуации, когда мама и папа имеют свои проблемы в развитии, социализации, самореализации и в отношениях друг с другом намного больше, к сожалению. Это вряд ли приводит к полноценному выполнению ими своих родительских ролей, адекватному партнёрству с подростком. При этом ребёнку не на что опираться внутри, кроме интроектов своих родителей. Внутренние границы для подростка — это родительские фигуры, которые присутствовали и до подросткового бунта, границы, которые день за днём формировались в детско-родительских отношениях.

Мама — это первый объект любви, среда, необходимая для формирования чувственности. В терминах деятельности материнство включает:

- действия для ребёнка;
- действия с ребёнком;
- наблюдение и восхищение ребёнком;
- действия для себя.

Важно, чтобы мама имела пространство для всех четырёх действий, оставаясь при этом мамой. Это условие здорового партнёрства между матерью и ребёнком. Матери в силу личностных особенностей могут быть преимущественно нескольких типов:

- 1) спокойной и уравновешенной (эталон материнства);
- 2) тревожной;
- 3) тоскливой;
- 4) уверенной и властной.

Отец отвечает за социализацию. Ребёнок для отца — это его амбиции, его гордость, его продолжение (борьба со страхом смерти). В отличие от матери, которая сразу после зачатия имеет тесную биологическую связь с ребёнком, у папы отношения с ребёнком выстраиваются — сначала он защищает диаду «мать–дитя» и создаёт условия, через заботу об этой диаде он получает «доступ»

к ребёнку. Для папы крайне важны отношения с мамой для того, чтобы у ребёнка было безопасное пространство.

В силу особенностей личностной структуры и отношений с матерью ребёнка, можно выделить несколько крайних типов нездорового отцовства.

Отцы могут быть:

- 1) по-матерински заботливыми («папа-мама»). Такой отец выполняет материнские функции, но не всегда с должным терпением. Ребёнок в семье будет зависеть от настроения такого непоследовательного папы, который иногда мягкий, а иногда жёсткий;
- 2) отец — «Карабас Барабас» — злой, жестокий, наказывающий, создаёт ребёнка, который преимущественно молчит;
- 3) отец — «крепкий орешек», признающий лишь правила без исключения, никогда не идущий на компромиссы и не облегчающий участь ребёнка, когда тот не прав;
- 4) отец — «попрыгунья стрекоза» — инфантильный, предпочитающий общению с ребёнком другие виды деятельности, быть отцом для него — тяжкий труд;
- 5) отец — «добрый молодец, рубаха парень» — это папа, который пытается быть другом, забывая, что отцовская роль — в другом;
- 6) отец — «ни рыба, ни мясо», с которым легко и удобно, но это папа — пассивный саботажник.

Таким образом, родительская идентичность и самоэффективность — это перспективное направление исследований. Современное родительство реализуется на фоне многих осознаваемых и неосознанных противоречий, например, между растущей значимостью профессиональной самореализации и сохраняющейся ценностью родительства. На сегодняшний день, действительно, в социуме важно быть хорошим родителем. Это отражается на переживании взрослым человеком себя как родителя и приводит к внутреннему напряжению. В этой связи типичным запросом в психоанализе взрослых становится вопрос: «какой я родитель?». ■

Работа с родителями в психотерапии с детьми и подростками в докладе Джозефа Кнобеля Фрейда

Мазалова Наталья Александровна

- психолог, психоаналитик
- член ЕАРПП (Россия, РО-Новосибирск) и ЕСРР (Vienna, Austria)

Трогательный, ценный, интересный, искренний — так слушатели отзывались о докладе «Работа с родителями в психотерапии с детьми и подростками» известного в Европе детского психоаналитика Джозефа Кнобеля Фрейда, который проживает и работает в Испании.

Доклад Дж. Фрейда был наполнен яркими и понятными примерами из богатой 35-летней клинической практики. За кажущейся простотой психоаналитической работы стоят колоссальный опыт, широкое знание психоаналитических теорий, глубокое понимание человеческой природы. Материал является ценным для практической работы.

Дж. Фрейд в начале своего доклада вспоминает о том, что Зигмунд Фрейд практически не работал с детьми. У истоков детского психоанализа стояла Мелани Кляйн. С родителями она встречалась всего один раз, после отодвигала их в сторону и считала помехой. Француза Дальто, наоборот, много и плотно работала с родителями при терапии детей и подростков, популяризировала психоаналитические идеи и вела активную профилактическую работу с родителями с помощью радиопередач т.д. В настоящее время детские психоаналитики понимают, что параллельное консультирование родителей

оказывает хороший эффект при работе с детьми и подростками.

Дж. Фрейд выделяет следующие важные моменты. Во-первых, ребенок — это производная от родителей, результат родительского влияния. Поэтому дети и подростки являются объектами, которые уже наделены определенными характеристиками своих семей. Во-вторых, ребенок всегда зависим от родителей. Всегда. И в задачи психотерапии не входит лечение ребёнка от этой зависимости. В-третьих, психоаналитик вступает во взаимоотношения с ребёнком уже после допущенных родителями в отношении него ошибок, неудач, нарциссических травм.

Во всем мире родители прибегают к помощи психоаналитика как к последней инстанции. Прежде они уже побывали у разных специалистов: врачей, невропатологов, попробовали другие виды терапии. К этому времени их надежда истощилась, и они испытывают психологическую усталость. Родители смотрят на психоаналитика как на мага, который способен сотворить волшебство, и ожидают, что он разрешит любой конфликт достаточно легко и в предельно короткие сроки. Они регрессируют, поэтому с родителями важно разговаривать тонко и деликатно, чтобы не вызвать у них персекуторную тревогу.

Родители приходят в кабинет психоаналитика с вопросами из обыденной повседневной жизни и приносят много-много-много чувств. С одной стороны, они сразу же доверяют терапевту и сразу наделяют его властью. А с другой стороны, они ждут, что терапевт сначала проверит их ребенка, а затем начнет обвинять в тех промахах, которые они допустили. Джозеф Фрейд выделяет фундаментальное чувство родителей — это страх, который прослеживается в их первых вопросах к психотерапевту:

— Что мы сделали неверно?

— В чем мы ошиблись?

— Что и когда пошло не так?

В них отражается чувство вины матери или отца. Здесь психолог встречается с родительским нарциссизмом. Дж. Фрейд подчеркивает важность работы психоаналитика в том, «чтобы родители не остались замкнутыми в своем переносе, в ожидании того, что терапевт начнет их наказывать, ругать или обвинять в каких-то ошибках».

На родительских встречах психоаналитик сталкивается с конфликтами, которые не имеют никакого отношения к ребенку:

- с личными конфликтами родителей;
- с конфликтами между родителями;
- с собственными бессознательными детскими конфликтами родителей.

Терапевту важно довести до них, что при анализе истории ребенка родители встречаются и со своей детской историей, со своими внутренними родителями. «Здесь речь идет о фантазмах бессознательного, и здесь мы задаемся вопросом о том, кто именно живет в Супер-эго ребенка? Ответ может быть следующим: бабушки и дедушки, то есть родители их родителей», — замечает Джозеф.

«В своей книге «Идеи для родителей, которые не могут найти решение проблемы», — говорит Джозеф Фрейд, — я обсуждаю вопросы, с которыми пациенты приходят ко мне в клинику как к психологу. Я надеюсь, что она будет переведена на русский язык. При работе с родителями мы как терапевты будем разбирать, что хорошо и что плохо. Но мы не должны занимать позицию диктатора. Наша основная задача — предоставить им возможность задуматься. В этом докладе я познакомлю вас с методами, которые мы можем использовать в работе».

Дж. Фрейд выделил ряд проблем и вопросов, с которыми он наиболее часто встречается в своей практике в Испании.

Современные родители интересуются, до какого возраста следует кормить ребенка грудью. Джозеф рассказал о мальчике 5 лет, которого мама кормила грудью тогда, когда он захочет. Она понимала, что в этом есть что-то неправильное. Здесь Дж. Фрейд задается вопросами: «Как работать с этой матерью? Сказать ей в лицо, что она поступает неверно? Она и так это знает. Вопрос в том, почему она так делает, почему она до сих пор дает грудь своему 5-летнему сыну. В наших кабинетах мы часто сталкиваемся со случаями, когда происходящее можно назвать неправильным. Мы не должны говорить об этом прямо. Но важно, чтобы родители задались вопросом об ошибочности происходящего между ними и ребенком, чтобы задумались, а что именно происходит не так, и почему они это делают?».

На вопрос, до какого возраста кормить грудью ребенка, Джозеф Фрейд дает следующий

ответ: «В 5 лет, конечно же, нет. Грудь дают до года. Ребенку важно перейти на другую форму общения с матерью. А матери важно отгоревать свою сепарацию, свое отделение от ребенка, свою зависимость от него».

Следующий вопрос, с которым родители приходят в терапию: может ли спать ребенок вместе с ними? Текущие тенденции таковы, что дети 5, 6, 7 лет беспрепятственно прибегают ночью в родительскую постель. Родители не видят в таком поведении ничего особенного и не знают, к каким последствиям это может привести. Дж. Фрейд рассказал о девочке 5-ти лет, которая находилась в процессе переживания эдипова комплекса. Среди ночи она прибежала в родительскую спальню. Ее мама при этом уходила спать в ее кровать. Девочка об этом рассказывала с радостью, так как в такие моменты она чувствовала, что победила маму, оставаясь в кровати с отцом. У ребенка наблюдались фобии из-за отсутствия границ, которые в семье ей никто не устанавливал.

Джозеф Фрейд говорит, что в данном случае работа с родителями так же важна, как и работа с девочкой. Необходимо, чтобы они задумались о том, что заставляет маму уходить в другую кровать, почему она позволяет дочери занять свое место. Ценно познакомиться родителей с альтернативными формами взаимодействия. Например, в прежние времена дети не входили в родительскую спальню без стука. Ребенок понимал, что за стуком должен последовать ответ родителя. Могли разрешить войти или отказать. Когда-то З. Фрейд писал о «его величестве ребенке». Сейчас не редкость, когда ребенок управляет семьей. И это тоже одна из форм управления ребенком родителями.

В Испании бывает жарко и существует еще одна тенденция: родители могут принимать душ вместе с детьми, могут ходить обнаженными по квартире. Такое поведение провоцирует у детей определенные психологические проблемы.

Например, отец вместе с сыном 7 лет регулярно принимал душ. В результате чего у ребенка появился страх, который он сразу изобразил на своем первом рисунке у психоаналитика. Ребенок объяснил свой рисунок. Он сказал, что боится, а вдруг его орган не будет таким же большим и красивым, как орган его

отца. Позже на консультации, где присутствовали только родители мальчика, Джозеф пострадался с помощью вопросов деликатно объяснить отцу, что принимать душ вместе с сыном не очень правильно. Мужчина задумался и ответил, что прекратит мыться вместе с сыном. Ведь мальчик уже достаточно взрослый.

Родители, которые ходят обнаженными по квартире при детях, ошибочно считают, что они делают все наилучшим образом и показывают хороший пример. Для них бывает открытием, что такое поведение может вызывать гипервозбуждение у детей. Потом их детям по достижению подросткового возраста бывает трудно вступить в естественный контакт со своей сексуальностью. Дж. Фрейд говорит, что этим родителям можно задать примерно такие вопросы: «Если к вам в гости придет тетя, то вы тоже будете встречать её обнажённым?». Такой метод помогает им задуматься о своем поведении. Родителям важно донести, что есть другие его формы. Если очень жарко, то можно просто открыть окна. И кондиционеры сейчас не являются большой редкостью в квартирах. Мишенью терапии в подобных случаях будет обучение родителей и детей интимности. У каждого должны быть как свое место, так и своя интимность.

Манипулирование родителями посредством еды — это еще одна важная проблема, которая есть в Испании. Дети сами выбирают себе еду, указывают родителям, что приготовить им на завтрак, обед, ужин. Ребята постарше определяют круг покупок в супермаркете, а на выходе из магазина интересуются количеством потраченных денег. У этих детей может наблюдаться множество страхов, ведь им приходится быть взрослыми по отношению к своим родителям-подросткам. Эти примеры свидетельствуют об отсутствии отцовского закона в семьях. Психологам, по мнению Дж. Фрейда, важно изучать эту тему и доводить ее до сознания родителей.

Существует еще один предмет внимания — сверхзанятость современных детей. Даже мировая ситуация в настоящее время складывается так, что гиперзаняты все: сверхзаняты родители, сверхзаняты дети.

В Испании ребенок заканчивает свой школьный день, а после посещает множество кружков и секций. У таких детей тоже наблюдаются различные фобии. Родители вместо

общения со своими детьми озабочены их развитием. У этих детей нет времени на игру, детство проходит мимо них. Порой невозможно найти время в расписании ребенка для посещения психолога. Джозеф считает, что время для скуки не менее значимо, чем время для занятий. И важно, чтобы люди могли проживать эту скуку. Ведь именно скука предоставляет время ребенку для контакта с самим собой, а родителям время для контакта с ребенком. Это то, о чем должны задуматься родители.

Дж. Фрейд выделил еще один предмет обсуждения, который во время пандемии стал ярче — **зависимость детей от телефонов, смартфонов, планшетов, айпадов, компьютеров и т.д.** Родители или вовсе не ставят ограничений в их использовании, или пытаются сократить игру до одного часа. Но проходит час, и ребенок произносит: «Еще чуть-чуть... Еще немножко...». Игра затягивается до двух и более часов. Родитель не в состоянии сказать: «Время закончилось. Отдавай телефон». То же самое происходит с вопросами, в какое время идти спать, в какое время идти в душ, когда делать уроки и т.д. В этом случае родители могут поразмыслить о том, что мешает соблюсти те ограничения, которые они сами обозначили? В итоге опять получается ребенок, который управляет и командует семьей. Джозеф произнес: «Эта тема сейчас настолько актуальна, что мне хочется донести её до современного общества. Необходимо, чтобы дети вернулись к тем ограничениям, которые для них устанавливают родители». Он продолжил: «В психоанализе тоже есть правила. Есть назначенный день и время сессии. Есть определенная сумма, которую должны платить. Есть и другие конкретные правила, но в кабинете психоаналитика ребенок не управляет и не командует».

Джозеф познакомил участников конференции с клиническим случаем, который вызвал у слушателей много откликов, вопросов, мнений. Это случай девочки 3-х лет. У нее была навязчивая мастурбация. Но на самом деле проблема заключалась не в этом. Девочка не разговаривала на обычном языке, но говорила на особенном «тарабарском» языке, который понимала лишь ее мать. Мать «переводила» речь девочки, когда девочка хотела общаться с другими людьми: «Малышка говорит то-то и то-то». Фактически мать пол-

ностью «окружала» ребенка, не давала дочери контактировать с другими людьми непосредственно, напрямую, минуя мать. Стало понятным, что мать выстраивала с дочерью симбиотические отношения, из которых исключала отца, психолога, любого третьего. Мастурбация и аутоэротизм были для девочки выходом. Так она могла почувствовать свое тело, реализовать себя, противостоять материнскому захвату. Дж. Фрейдом проводилась тонкая и кропотливая работа по сепарации матери от ребенка, освобождению места для отца в семье. Примерно через год случилось символическое рождение девочки: она заговорила на прекрасном испанском языке, оказалось, что она это умела.

Джозеф Фрейд озадачен тем, что в современном мире **отцовская функция как будто бы начинает исчезать**. Раньше было очевидно, что те, кто знает — это отцы, учителя. Но на замену им пришел Гугл. В результате этого авторитет отцов и учителей упал. Психоаналитики должны возвращать отцовскую функцию тому, кто знает. Необходимо уменьшать влияние технологий. Что касается терапии, то в кабинете сначала психоаналитик устанавливает закон, а потом постепенно передает его отцу или тому, кто выполняет эту функцию в семье.

Участники самарской конференции обратили внимание, что в докладе Дж. Фрейда отражены актуальные тенденции современной семьи: манипулирование ребенком своими родителями, превращение ребенка в «его величество», сложности с выражением отцовской функции и отцовского закона в семье, захват ребёнка, зависимость детей от гаджетов и т.д. Это те же темы, которые обсуждаются на конференциях и круглых столах в России. Это те же проблемы, с которыми в настоящее время работают российские детские психоаналитики.

В завершении Джозеф Фрейд произнес: «Психоанализ детей — это будущее психоанализа. Чем больше мы будем принимать детей, тем меньше потом будет проблем у взрослых. Есть надежда, что взрослые реже будут приходить в терапию. Я сам восхищен этой работой и стараюсь передать её с помощью своих докладов. Не менее важно, чтобы мы заботились о своих внутренних детях и не бросали их». ■

Проекты Комитета по работе с молодыми специалистами ЕАРПП

Проект «Литературный клуб»

Онлайн пространство, где есть возможность обсуждать разные точки зрения, идеи, чувства и ощущения, возникающие при знакомстве с психоаналитическими текстами.

<https://groupanalysischool.timepad.ru/event/1539329/>

Проект «Группа рефлексии для начинающих аналитиков. Поиск клиентов: этические и неэтические способы продвижения»

Встречи группы — это возможность поделиться своими переживаниями, связанными с началом практики, получить обратную связь от коллег, поучаствовать в групповой дискуссии на актуальные практические темы. Встречи группы проходят в онлайн формате с периодичностью 1 раз в месяц. Обязательно предварительное собеседование.

<https://groupanalysischool.timepad.ru/event/1659202/>

Проект «Группа интервью»

Интервизионная группа позволяющая расширить профессиональные возможности, выработать новое видение и получить квалифицированную помощь через разбор практических случаев, что особенно важно тем, кто только начинает свою практику. Встречи группы в онлайн формате, ежемесячно. Обязательно предварительное собеседование.

<https://groupanalysischool.timepad.ru/event/1529188/>

Проект «Личный бренд и продвижение психоаналитика в соцсетях. «Этика психолога в виртуальном пространстве для начинающих»»

Доклады и дискуссии на тему использования социальных сетей для собственного продвижения. Этика психолога в виртуальном пространстве и формирование профессиональной идентичности психолога в социальных сетях.

<https://groupanalysischool.timepad.ru/event/1539338/>

ИЗ МИРА НАУКИ

Дар психоанализа состоит в возможности осознавать себя, время и смыслы. На данный момент мы не можем в полной мере постичь значимость происходящих в нашем мире событий. Тем не менее, задача психоанализа — отзываться на любые социальные трансформации и изменения.

Мы собрали для вас несколько взглядов и позиций — актуальные статьи психоаналитиков из Великобритании, США, Италии. Авторы по-разному осмысливают ситуацию пандемии и изоляции, онлайн практики и той нагрузки, которую мы, как специалисты помогающих профессий, несём на плечах своей души в это непростое время. И в то же время обнаруживается много общего в восприятии событий новой реальности у представителей разных западных культур. Все мы независимо от страны проживания оказались перед лицом бессознательного целого мира.

Знаменитый советский психолог и ученый Л. С. Выготский, опираясь на идеи философии,

представлял развитие человека как чередование периодов накопления и резких качественных скачков. Развитие — философская категория, которая всегда определяется как качественные изменения. Количественные изменения — просто накопление и наращивание всего того, что уже есть. А развитие человека определяется качественными преобразованиями.

Развитие общества, как и развитие человека, происходит скачками и через кризисы. Пандемия продолжает сталкивать нас с кризисами психической, социальной, политической, экономической и других сфер, тем самым выталкивая мир в новую эпоху.

Тема пандемии, социального дистанцирования, глобального изменения «мира, который никогда уже не будет прежним» не может быть переработана в короткий срок и мы еще не раз будем возвращаться к ней в наших публикациях, стараясь раз за разом раскрывать новые смыслы.

Что день грядущий нам готовит...

*Куда, куда вы удалились,
Весны моей златые дни?
Что день грядущий мне готовит?
Его мой взор напрасно ловит,
В глубокой мгле таится он.
Нет нужды; прав судьбы закон.
Паду ли я, стрелой пронзённый,
Иль мимо пролетит она,
Всё благо: бдения и сна
Приходит час определённый;
Благословен и день забот,
Благословен и тьмы приход!*

А. С. Пушкин, «Евгений Онегин»

Сможем ли мы исцелить прошлое посредством его нового понимания? Куда приведет нас текущая ситуация? Как это откликнется в истории человечества через год, десятилетие, сотню лет? Что означает практиковать психоанализ в мире глобального кризиса? Этими вопросами задаётся Альфред Маргулис (Alfred Margulies), тренинговый аналитик из Бостона в своей статье «Трансформация психоаналитического опыта и практики в эпоху Ковид-19». Мысли автора простираются от античных мифов и историй о потерянном рае до потерянности чувства «дома» у человека эпохи соцсетей и мира глобализации.

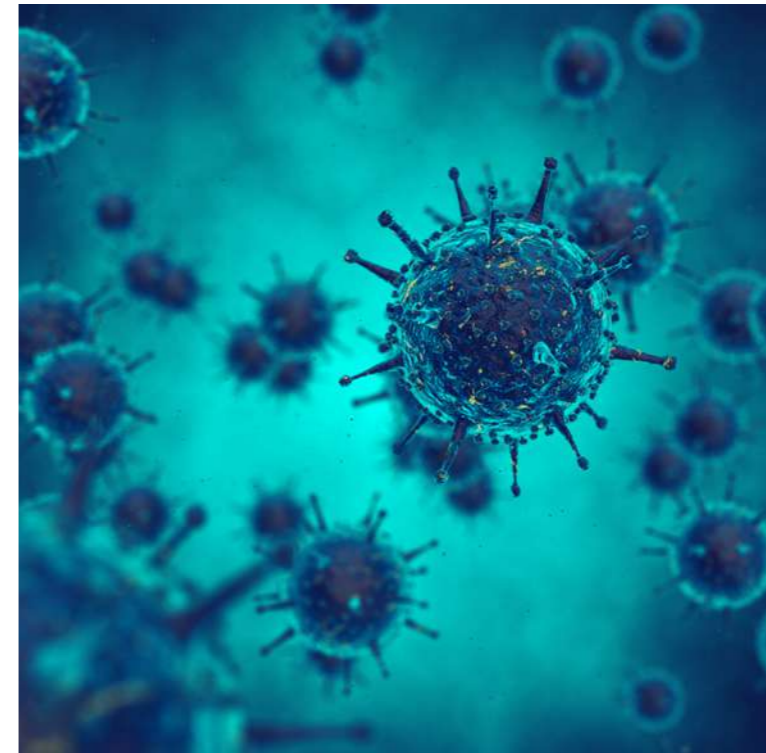
Во время пандемии линии социального разлома вновь раскрылись и не могут остаться незамеченными. Наша этика человечности проходит проверку в том, как в период катастрофы мы сохраняем человеческую способность откликаться на зов Другого.

Маргулис размышляет об этике не как научной дисциплине, а как психоаналитик, отсылая нас к понятию Любви к ближнему и к тому, что значит концепция Будущего и бытия-к-смерти для человека.

Сможет ли человеческое общество, пройдя горнило пандемии, стать «чем-то большим» и как это может быть сделано. Будет ли голос

психоанализа, сегодня, к сожалению, тихий, услышан. В период пандемии технологии и их развитие позволили психоаналитикам и аналитидам сохранить работу по исследованию бессознательного. Впустив друг друга в свой реальный мир — квартиры, дома, кухни и автомобили — мы стали ближе. При этом диссоциация души и тела в условиях угрозы жизни оказалась воплощённой в реальность.

Особенно остро социальное дистанцирование воспринимается в культурах, в которых ежедневное личное общение и телесность являются значимыми. Рикардо Ломбарди (Riccardo Lombardi) итальянский психоаналитик и теоретик психоанализа делится своими клиническими впечатлениями об анализе в период самоизоляции в статье «Коронавирус, социальное дистанцирование и тело в психоанализе». Ломбарди цитирует швейцарского художника Пауля Кле (Paul Klee): «Наполовину окрыленный, наполовину заключенный, вот, что есть человек!». Он обращает внимание на уникальную возможность, которую даёт нам пандемия: исследовать отношения анализандов с реальностью; и на то, как катастрофа создаёт возможности для активизации психического развития пациента, развития его терпимости к фрустрации и ос-

вобождения от принципа удовольствия. Этот психический прогресс берет начало в теле человека, которое становится полем для противостояния сознательного и бессознательного перед лицом осознания человеком своей смертности.

Трагический контекст пандемии поместил отношения тела и души в центр психоаналитического внимания. В статье приведены заслуживающие внимание клинические примеры взаимодействия и взаимной вовлеченности аналитика и анализанта, отражающие различные аспекты особенностей переживания человеком в анализе реальной ситуации катастрофы, угрозы смерти тела, и вместе с тем творческих возможностей и новых перспектив, которые открываются нам в неизбежных кризисах и неопределенности.

По мнению Ховарда Левина (Howard B. Levine), доктора медицины, сооснователя Группы по изучению психоаналитического процесса и Бостонской группы по психоаналитическим исследованиям, коронавирус разоблачил и внес свой вклад в «неприкрытую жестокость нашего времени». В своей статье «Предварительные размышления о кризисе, вызванном пандемией COVID-19» он отмечает, что вслед за Фрейдом современные

психоаналитики должны направить свой уникальный специфический опыт и способность иметь дело с человеческими эмоциями на помощь обществу. Особенно в тех проблемных областях, которые обнажились и стали очевидными в период пандемии.

Левин использует для своих размышлений метафору военных действий, столь близкую истокам психоанализа и языку Фрейда, а также отсылает нас к жизни и взглядам Биона, командира танкового взвода.

Аналитик в пандемию поставлен перед задачей сохранить спокойствие и пространство для своего ясного мышления и помочь в этом пациентам. Это касается и внутреннего психического пространства, и внешнего пространства кабинета, которые теперь для многих стал виртуальным.

Для европейских психоаналитиков переход на дистанционный формат терапии стал новым опытом, неожиданно раздвигающим границы и даже нарушающим привычные нормы и традиции. Интерес представляют особенности отношения к подобному вынужденному эксперименту и подход, свойственный той или иной культуре, к их восприятию и осмыслению.

Джанет Саерз (Janet Sayers) психоаналитик из Великобритании исследует различные точки зрения на онлайн терапию, ее возможности и ограничения, и размышляет о будущем традиционного психоаналитического взаимодействия в своей работе «Онлайн психотерапия: перенос и контрперенос». Она отмечает проблемы, связанные с установкой сеттинга при терапии онлайн, а также способы, с помощью которых эта форма лечения может препятствовать эмпатическому отражению и возможности контейнировать переживания пациента. Сайерс также отмечает ограничения собственного исследования, связанные с тем, что оно полностью основано на мнениях ее и ее коллег, а не на интервью с пациентами об их опыте этого перехода и не на изучении относительной эффективности онлайн-терапии по сравнению с психотерапией в клинике. ■

Коронавирус, социальное дистанцирование и тело в психоанализе

Риккардо Ломбарди (Riccardo Lombardi)

- психоаналитик, психиатр и доктор медицины
- тренинг-аналитик и супервизор Итальянского психоаналитического сообщества (Società Psicoanalitica Italiana, SPI) и Международной психоаналитической ассоциации (International Psychoanalytical Association, IPA)
- ведет частную практику в Риме и преподает в Римском психоаналитическом институте (IPA)

Перевод с англ. Фостиропуло Х.Г.

*Теперь весь воздух чарами кишит,
И этих чар никто не избежит.*

Гёте, «Фауст» Часть 2

Призраки, вызванные Фрейдом (1901), по видимому, стали реальностью с появлением вируса Covid-19, который заразен даже на расстоянии нескольких метров и долгое время сохраняется в воздухе и на предметах. Пандемия оказала чрезвычайное эмоциональное воздействие на каждого из нас и наших пациентов. Ситуация, в которой мы оказались сегодня, дает особую возможность дистанционной интерактивности и развитым технологиям помочь нам поддерживать психоаналитическую работу и исследования. Взаимодействие с нашими анализандами в непривычных для нормального психоаналитического контекста местах — дома, в офисе, в транспортных средствах — позволяет нам «с головой» погрузиться в их самые сокровенные тревоги: погружение, которое обычно могло произойти только в самые удачные и продуктивные моменты анализа. Поэтому сегодня, больше, чем когда-либо мы способны получить доступ к пульсирующему ядру бессознательного, непосредственно входя в самую эмоциональную гущу жизни. Диссоциация души и тела, сегодня намного больше угрожает корням психической жизни, чем в прошлом (Lombardi, 2017). И становится еще более тяжелой в нынешнем контексте, когда тело и его состояние благополучия постоянно

ставятся под сомнение, а развитие способности заботиться о теле необходимо для нашего личного выживания (Lombardi, 2018, 2019).

Как заметил один из моих пациентов, если бы мы приостановили наши сеансы, вместо того, чтобы продолжать их дистанционно, мы потеряли бы эту уникальную возможность перевести анализ на более глубокий уровень и в то же время рисковали бы потерять все, что было достигнуто до этого момента, учитывая перспективу начать анализ с самого начала, как только пандемия пройдет.

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА

Некоторые аналитики обеспокоены тем, насколько психоаналитично они работают в этот период: как встретиться с тем, что мы называем «бессознательным» (фантазмом, идеей, желанием), когда реальность кажется такой неизменной и настойчивой? Вероятно, необходимо прояснить мой теоретический взгляд, согласно которому внешняя реальность представляет собой особенный аналог бессознательного.

Размышляя об утрате контакта с реальностью, Фрейд пишет:

«Крайним типом подобного отвращения от действительности являются особые случаи галлюцинаторного психоза, в ко-

торых подвергается отрицанию событие, вызвавшее безумие... Собственно говоря, именно так поступает каждый невротик по отношению к какой-либо части действительности. Перед нами встает теперь задача исследовать развитие отношения к реальности невротика и человека вообще и таким образом включить психологическое значение реального внешнего мира в состав нашего учения».

Таким образом, сегодня как никогда перед нами стоит задача исследования развития отношения наших пациентов с реальностью.

Обнаружение первичного процесса в онейроидном мышлении позволило Фрейду (1900) детально проработать искажения между линейным мышлением и реальностью (Arieti 1955; Matte Blanco 1975), которые характеризуют область бессознательного. Выделяя форму бессознательного и пространственно-временное нарушение нормальных параметров сознания, я делаю акцент на *структурно-катастрофической природе* психоаналитической концепции сознания (Bion, 1970), соответствующей катастрофе, с которой мы сталкиваемся сегодня.

Бюн (1962) суммирует деформации, наложенные бессознательным на сознание,

в своей теории дефекта мышления, в которой каждый пациент является резервуаром личных теорий, которые под влиянием принципа удовольствия (Freud, 1911) нарушают или изменяют различными способами восприятие самой реальности. Наша работа, несмотря на бессознательное, заключается в эмоциональной и когнитивной перестройке теорий пациента, чтобы приблизить его к реальности. Выбор пациента «между модификацией фрустрации и уклонением от нее» (Bion 1962, р. 4) выходит на первый план: терпимость к фрустрации позволяет освободиться от принципа удовольствия, активизируя психическое развитие.

Одним из аспектов реальности, играющим определяющую роль в функциях Эго, являются отношения с телом, где «Эго является, прежде всего, телесным Эго» (Freud, 1923, с.). Эти отношения сами по себе подвержены искажениям, вызванным тревогами, в частности страхом смерти. В рамках наиболее известной теории влечения к смерти (Freud 1920), Фрейд (1914) рассматривал осознание человеком своей смертности как слабое звено в нарциссической структуре психики и средство содействия психическому прогрессу (Lombardi, 2013). Тело, вместе с болезнью и страхом смерти, становится ареной в противостоянии бессознательного и сознания в трагическом контексте пандемии, помещая отношения тела и души в центр психоаналитического внимания.

ЛИЧНАЯ ВОВЛЕЧЕННОСТЬ АНАЛИТИКА

*Покоя нет, душа скорбит.
Мой бедный ум смущён, молчит,
Мой бедный дух сражён, разбит.*

Гёте, «Фауст» Часть 2

Что касается внутренних тревог, то я считаю, что вовлеченность терапевта не отличается от вовлеченности пациента, даже если аналитик обладает большей эмоциональной сдержанностью. Рассмотрим клинические примеры.

Джорджио начинает сеанс спокойно, говоря мне, что он начинает осознавать ошибочность своего убеждения в том, что он единственный человек с проблемами: это оспаривается теку-

щей ситуацией, в которой никто не освобожден от проблем и опасностей. В этот момент пациент останавливается и спрашивает меня: «Как вы справляетесь с этим?»

Слегка сбитый с толку, я понимаю, что мы все в дерьме, и отвечаю: «Это, очевидно, трагедия. Я пытаюсь справиться с серьезными трудностями и ограничениями, как и любой другой».

ДЖОРДЖИО: Вы знаете, я всегда думал, что вы идеальны и невосприимчивы к трудностям. ЛОМБАРДИ: Теперь вы видите, что это не так, поскольку я борюсь с той же опасностью, которая затрагивает всех. Вы создали образ моего совершенства точно так же, как вы создали образ своего собственного «совершенства в негативе».

ДЖОРДЖИО: Совершенно невероятно, что вы способны справляться с трудностями, потому что вы способны сохранять самообладание, чтобы противостоять им. Я всегда думал, что это происходит автоматически.

ЛОМБАРДИ: Если вы ждете, что все произойдет автоматически, вы никогда не будете использовать свои собственные ресурсы и, что более важно, вы не получите удовлетворения от того, что смогли их использовать.

ВОСПРИЯТИЕ ПАНДЕМИИ И СМЕРТИ

Как только Эльвира, женщина 55 лет, ложится на диван, она рассказывает сон: «Вы приехали ко мне и моему мужу на велосипеде, и вы сидели в гостиной у окна. В какой-то момент монстр, похожий на Франкенштейна, спускается сверху и мчится к вам. Вам удается выбраться через окно, хотя Франкенштейн схватил вас за лодыжку. Вы уезжаете на велосипеде». Эльвира пугается этого сна и связывает его с первыми новостями о коронавирусе, который после Китая распространяется в Северной Италии.

В настоящее время и она, и ее муж страдают от проблем с иммунной системой, которые делают вирусную инфекцию чрезвычайно опасной для них. Я говорю ей: «Смерть, от которой я спасаюсь в вашем сне, кажется, представляет опасность смерти в вашем собственном доме, предположительно из-за этой пандемии. И это угроза, от которой можно защититься, как видно из моего побега от Франкенштейна».

Бион (1962) суммирует деформации, наложенные бессознательным на сознание, в своей теории дефекта мышления, в которой каждый пациент является резервуаром личных теорий, которые под влиянием принципа удовольствия (Freud, 1911) нарушают или изменяют различными способами восприятие самой реальности

Эльвира просит меня продолжить сеансы дистанционно, на что я даю согласие. Сразу же после этого она принимает дальнейшие практические меры, чтобы защитить себя и свою семью. Эльвира — первая из моих пациенток подняла на сессии настоящую тревогу из-за распространения пандемии в период, когда итальянское правительство еще не предприняло никаких действий. Этот эпизод послужил первым стимулом для перевода всех моих пациентов на дистанционную терапию.

ОБЛЕГЧЕНИЕ ИЛИ ОТЯГОЩЕНИЕ ТРЕВОГ

У всех моих пациентов при анализе был отмечен рост тревожности в период пандемии и мы обсудили, как лучше справиться со своими страхами: например, создавая своего рода защитный фильтр от бомбардировки трагическими новостями в СМИ, что включало в себя ограничение доступа к ежедневным новостям и выборочное чтение, избегание статей, которые могут быть восприняты слишком печально и мучительно.

Один пациент сказал мне: «Я смотрел ужасное телешоу, в котором искали виновных

в эпидемии, виновных, которые не сделали достаточно, чтобы предотвратить ее: машину, которая только порождает ужас и ненависть. Мне пришлось выключить его, чтобы защитить себя от собственной тревоги». Прежде всего, у пациентов, наиболее подверженных чувству вины и паранойе, воздействие трагических новостей о пандемии привело к необходимости раскрытия (Matte Blanco 1988; Lombardi 2009, 2015) различий между душой и телом, между внешней и внутренней реальностью, между объективной трагедией и воображаемым страхом нападения преступника. Там, где «симметрия» (Matte Blanco, 1975) бессознательного стремится «как кислота» растворить различия, психоаналитическая задача состоит в том, чтобы поощрять те их них, которые способствуют разграничению, мышлению и эмоциональному сдерживанию.

Проблема «отягощения» реальности, и без того непростой, возникла на сеансе с 40-летней Анной, страдавшей острыми психозами, которые в прошлом требовали госпитализации. Наряду с сеансами, проводимыми три раза в неделю, она также получала фармакологическую психиатрическую помощь. В начале эпидемии Анна выразила сомнение в том, сможет ли она продолжать свои сеансы удаленно, она опасалась, что не сможет этого сделать. Теперь, на удаленном сеансе, Анна описывает, как она сделала несколько блинов, добавив яичного желтка больше, чем требовалось по рецепту, потому что она думала, что тесто было слишком «легким». Возникшая тяжесть была разочарованием. Я предлагаю Анне идею того, что она боится, своей «легкости» и непоследовательности, отсутствия ресурсов, и это заставляет ее перегружаться чрезмерными требованиями и тревогами. В результате она становится парализованной или даже теряет рассудок, как это случалось в прошлом. Тут она вспоминает, что видела во сне своего отца, который умер, и который сказал ей во сне, что ей следует принять во внимание свои собственные ошибки. Анна замечает, что она счастлива, что ей приснился отец, так как во сне он ободрил ее. Она добавляет, что могла бы предложить своему психиатру заменить инъекции галоперидола на капли, что дало бы большую гибкость в постепенном снижении дозы ее лекарств. Она добавляет, что подумывает о том, чтобы

принять предложение о работе, которое сделало бы ее более оптимистичной в отношении будущего. Я отмечаю, что, когда она не обременяет себя тревогами, она способна обнаружить «легкий» подход, который подразумевает больше доверия, чем она обычно себе позволяет.

САМОИЗОЛЯЦИЯ И НЕНАВИСТЬ К ОГРАНИЧЕНИЯМ

Для наиболее проблемных пациентов самоизоляция с ее ограничениями и разочарованиями была особо тяжелым опытом.

Роналду 25 лет и сейчас после трех нервных срывов и нескольких неудачных попыток психотерапии проходит со мной сеансы четыре раза в неделю. Требование оставаться в изоляции дома может привести к насилию, которое внезапно взрывается в виде попыток самоубийства.

На удаленном сеансе у Роналду появляется упрямое убеждение, что есть жизнь после смерти. Перспектива самоубийства открыла бы ему доступ к новой жизни без неудобств и ограничений его нынешней жизни. Мысленно он представляет себе эпизод из фильма «Гладиатор» (2000), в котором протагонист пересекает летний луг, символизирующий Елисейские поля, в которые, по мнению Роналду, он войдет после смерти. Я говорю ему, что, пытаясь убежать от разочарований, он создает еще большее разочарование, принимая смерть, поскольку смерть в действительности — это то, из чего никто не может вернуться.

В последующие дни ненависть Роналду выплескивается на его родителей: он угрожает убить их, а затем и себя. Этот эпизод создает панику в семье, которая полагается на поддержку психиатра и аналитика.

Роналду пропускает последнюю сессию недели, пишет, что не может прийти, и не отвечает на мои попытки связаться с ним. В следующий понедельник он грозно заявляет, что хочет отныне отменить занятия по четвергам. Я обсуждаю с ним его склонность нападать на анализ и на меня, как он сделал это в прошлый четверг; точно так же он склонен нападать на своих родителей и на самого себя, вместо того чтобы думать и размышлять о своей ненависти. Он отвечает, что не может терпеть самоизоляцию и попросит у своего

Борьба с ограничениями тела и острыми тревогами, таким образом, стала trampлином для творчества

психиатра официальную справку, разрешающую ему переехать в свой пляжный домик. Я говорю ему, что он идет против реальности, когда вместо того, чтобы признать свою фрустрационную ненависть, он отыгрывает ее, чтобы избежать ограничений. Роналду, кажется, успокаивается и замечает, что теперь он может понять, почему не может оставаться на одном месте в течение долгого времени. Он смог согласиться остаться в Риме и подождать до следующего месяца, когда погода позволит поехать на пляж. На следующей сессии он показывает мне книгу стихов о приморском городе, где у него есть дом; размышления о пляже через поэзию, говорит он, успокоили его.

СОЦИАЛЬНОЕ ДИСТАНЦИРОВАНИЕ И ИНДИВИДУАЛЬНОЕ ВРЕМЯПРЕПРОВОЖДЕНИЕ

Элиза, пациентка, 45 лет, начинает сессию со слов: «Позвольте мне рассказать вам парадокс: я боюсь, что самоизоляция закончится. В этот период я больше, чем когда-либо, обнаружила свою потребность в собственном личном пространстве, не испорченном социальными взаимодействиями». Как и Элиза, некоторые другие пациенты использовали изоляцию как возможность сохранить свое личное пространство в отличие от быстрого темпа их обычной жизни. Особенно поразили меня три пациента, никогда раньше не готовившие еду, сделавшие самостоятельно домашнюю пасту: тальятелле, клецки, равиоли. При обсуждении они признали, что в будущем им потребуется более тщательно и бережно обдумывать и относиться к осознанию своего личного пространства и времени.

Привязка к личному пространству-времени, соотнесенная с открытием внутренней

тишины, также была важным trampлином для моих анализандов — врачей и специалистов, занимающих ответственные посты в национальном управлении по чрезвычайным ситуациям: сосредоточенность на своих собственных пространственно-временных потребностях позволила им повысить свою социальную вовлеченность в профессию и улучшить отношения.

ТВОРЧЕСТВО

Итальянское правительство потребовало обязательной формы саморегистрации, загружаемой в интернете, для тех, кто покидает пределы своего дома: разрешение, в котором указывается причина перемещения. Его формы несколько раз обновлялись, накапливались устаревшие бланки.

Тридцатипятилетний Маттео — художник, который почти завершил анализ. Он ловит себя на том, что спонтанно рисует на устаревших бланках. Затем он публикует эти рисунки в Instagram, вдохновляя других загружать свои собственные изрисованные бланки саморегистрации. Инициатива растет. В течение нескольких дней появляется тысяча, затем пять тысяч разрисованных бланков, сотни из которых являются произведениями, имеющими художественную и социальную ценность. Его сайт (<https://www.autocertificazioniillustrate.it/>) начинается с четкой творческой программы: «Здесь формы государственной саморегистрации превращаются в картины. Не оставляйте наши идеи и творчество взаперти в период карантина». Борьба с ограничениями тела и острыми тревогами, таким образом, стала trampлином для творчества. «Контраст между идеологической способностью человека произвольно перемещаться в материальном и метафизическом пространствах и его физическими ограничениями является источником всей человеческой трагедии. Наполовину окрыленный, наполовину заключенный — вот, что есть человек!» (Paul Klee, 1925). ■

БИБЛИОГРАФИЯ

1. ARIETI, S. (1955). Interpretation of Schizophrenia. New York, Basic Books.
2. BION, W.R. (1962). Learning from Experience. London: Karnac Books, 1984.
3. BION, W.R. (1970). Attention and Interpretation. London: Karnac Books, 1984.
4. FREUD, S. (1900). The interpretation of dreams. Standard Edition 4/5.
5. FREUD, S. (1901). The psychopathology of everyday life. Standard Edition 6.
6. FREUD, S. (1911). Formulations on the two principles of mental functioning. Standard Edition 12:218–226.
7. FREUD, S. (1914). On narcissism. An introduction. Standard Edition 14:73–102.
8. FREUD, S. (1920). Beyond the pleasure principle. Standard Edition 18:7–64.
9. FREUD, S. (1923). The ego and the id. Standard Edition 19:12–66.
10. GOETHE, J.W. VON (1832). Faust, A Tragedy: The Second Part, transl B. Taylor. Boston: James R. Osgood, 1875.
11. KLEE, P. (1925). Pedagogical Sketchbook, transl. S. Moholy-Nagy. London: Faber & Faber, 1968.
12. LOMBARDI, R. (2009). Through the eye of the needle: The unfolding of the unconscious body. Journal of the American Psychoanalytic Association 57:61–94.
13. LOMBARDI, R. (2013). Death, time, and psychosis. Journal of the American Psychoanalytic Association 61:691–726.
14. LOMBARDI, R. (2015). Formless Infinity. Clinical Explorations of Matte Blanco and Bion. New York: Routledge.
15. LOMBARDI, R. (2017). Body-Mind Dissociation in Psychoanalysis: Development after Bion. New York: Routledge.
16. LOMBARDI, R. (2018). Entering one's own life as an aim of clinical psychoanalysis. Journal of the American Psychoanalytic Association 66:883–911.
17. LOMBARDI, R. (2019). Developing a capacity for bodily concern: Antonio Damasio and the psychoanalysis of body-mind relationship. Psychoanalytic Inquiry 39:534–544.
18. MATTE BLANCO, I. (1975). The Unconscious as Infinite Sets: An Essay in Bi-logic. London: Karnac Books, 1998.
19. MATTE BLANCO, I. (1988). Thinking, Feeling, and Being: Clinical Reflections on the Fundamental Antinomy of Human Beings and World. New York: Routledge.

Выпадая из мира — и тоскуя по дому¹

Альфред Маргулис
(Alfred Margulies)

- психоаналитик, доктор медицины (MD)
- тренинг-аналитик и супервизор Бостонского психоаналитического общества и института (Boston Psychoanalytic Society and Institute, BPSI)
- заведующий кафедры психиатрии в Медицинской школе Гарварда (Harvard Medical School)

Перевод с англ. Тармогиной Т. А.

¹ Часть этой статьи была представлена на пленарной панели «Трансформация психоаналитического опыта и практики в эпоху Ковид-19», Американская Ассоциация Психоанализа, ежегодное собрание, онлайн формат, 19 июня 2020. Переведено и издано в разрешения автора. Все права защищены.

Центр не удерживается. Почва расшатывается и мы падаем, теряемся. Древние знали об изменении порядка вещей: слово «катастрофа» происходит от греческих слов «вниз» и «переворачивать». Мы теряем мир, который казался нам само собой разумеющимся, и знакомое становится чуждым. Слово «знакомый» происходит от слова «семья»².

На заре западной литературы Гомер воспевал Одиссея, тоскующего по своей семье, дому, Пенелопе. Все двадцать лет, которые храбрый воин провел на чужих берегах, он оплакивал свой дом. Библия тоже начинается с потери Эдема, совершенного сада невинности, существовавшего за пределами познания. Дом, не как нечто, находящееся в пространстве, но как состояние бытия; тоска, застрявшая в самых ранних фантазиях: о любви, осязании, телесности. И конечно, именно потому, что эта тоска вызревает в фантазиях, на самом деле такого дома никогда и не существовало, он всегда был лишь фантазийным воспоминанием о доме. Возможно, эта фантазия является первобытной иллюзией, рожденной в самый ранний, предсознательный момент, перед тем, как быть

² Familiar (англ.) — знакомый, family (англ.) — семья

вытолкнутыми в мир, который мы не выбрали. Дом, как метафора тоски о чем-то недостижимом и невысказанном. Как выразился Боб Дилан (1985), герой документального фильма Скорсезе «Нет пути назад», вышедшего на PBS: «Я родился очень далеко от того места, где мне суждено было оказаться, и сейчас я на пути к моему дому». Дом, как тоска по правильному, идеальному миру. И сегодня это наша общая, коллективная тоска, которую, однако, каждый из нас переживает по-своему.

МИР РАЗРУШЕН: ПЕРЕВОРОТ ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВА

Сегодняшний день можно назвать историческим моментом — что-то совершенно фундаментальное переживается как потерянное. Сегодня мы чувствуем, как будто бы наш дом в этом мире разрушен, он ощущается сюрреалистичным, ненастоящим. И мы сбиты с тол-

ку, испуганы, раздражены, сокрушены, очень измучены и опечалены. Как будто бы мы выпали из нашего привычного мира или этот привычный мир выпал из нас.

Словно во сне, мир, который всегда был одинаковым и знакомым, теперь кажется разрушенным и чужим, и я, кажется, не могу найти путь к своему дому. Тот вчерашний мир теперь такой далекий, нереальный, сверхъестественный. Понимание сверхъестественного всегда интересовало меня и вот почему: «сверхъестественное» глазами Фрейда — это «жуткое, ужасное» (нем. «unheimlich», работа З. Фрейда «Unheimlich» в русском переводе «Жуткое», 1919). На немецком слово Umheimlichkeit буквально означает «не дома, не домашний». Для Фрейда зловещими предвестниками *возвращения вытесненного* являются чувства дежавю: как будто я уже был здесь когда-то однажды. Фрейд цитирует Шеллинга: сверхъестественное, жуткое — это

то, что «должно оставаться скрытым и тайным, но выходит на свет» (р.224). Меня особенно интересует этот феномен, потому что Хайдеггер (1927) и другие экзистенциальные феноменологи также использовали этот термин для исследования понятия «пребывание-в-мире» (в английском языке написание этого выражения буквально изрезано многочисленными дефисами «being-in-the-world» словно для того, чтобы подчеркнуть, что пребывать в мире — это быть, словно вплетенным в него и неразрывно связанным с ним).

Это жуткое, тревожное чувство «пребывания в мире, но не дома» раскрывает нам, как будто со стороны, понимание нашего обычного, привычного способа жить. Показываясь на мгновение, мы видим отблеск нормальной жизни: как будто бы мир, играя в кости, случайно выкинул кубики не того бытия. Удивительно, как мы все это время принимали мир как должное, он казался нам абсолютно незыблемым; когда речь шла о повседневной жизни, мы были полностью уверены в завтрашнем дне. И лишь чувство жуткого и сверхъестественного иногда указывало на хрупкость и мимолетность жизни. А сейчас сошлись вместе два регистра повышенной осознанности — *пребывание в мире и возвращение вытесненного* — сошлись вместе, как им и положено.

Смешалось экзистенциальное с интрапсихическим, бессознательное встретилось с «*пребывающим в мире*» и проявило себя на множественных уровнях в виде хрупкости и тоски. Сегодня, в этот исторический период, мы чувствуем себя странниками, затерявшимися на чужой земле.

ТРАВМА КАТАСТРОФЫ

Катастрофа отрицает ассимиляцию в наших чувствах, так как она навсегда подрывает устои привычного. И позвольте мне определить травму сегодняшней катастрофы как травму, разрушающую мир: нечто, в чем мы сейчас совершенно не способны ассимилироваться, а может быть, и не сможем никогда (см. Margulies 2018a). То, что невозможно принять, усвоить является для нас невыносимым, разрушающим, ведущим к фрагментации привычного уклада; непереносимая чрезмерность, вызывающая чувство экзистенциального смещения, потери ос-

нов, ощущение выпадения из мира, который казался таким устойчивым. Мощь этой травмы такова, что она заставляет ее принимать, даже если мы всячески сопротивляемся принятию. Травма в ее безжалостной, нежеланной, разрушающей новизне захватывает нас и запирает привычный, знакомый мир, требуя немедленных изменений. Сверх того, помимо переживаний, вызываемых необходимостью принятия новой реальности, от нас также требуется приспособиться к ней. Эффект от травмы, между тем, опережает ее понимание, тем более, когда речь идет о новом виде понимания. Новое понимание глазами этой травмы означает конкретно то, что мир, знакомый и незыблемый, более таковым не является. Теперь нам приходится ходить по зыбучим пескам: травма рассыпает основу, на которой мы ранее стояли.

И, словно вторя множественным дефисам в выражении «пребывание-в-мире» («being-in-the-world»), новая реальность так же распадается на фрагменты. В ней спутываются времена: прошлое–настоящее–будущее как слова «родитель» и «ребенок», соединяясь ключевым смыслом, определяют и вмещают друг друга. Травма по-настоящему раскрывается *après coup* — постфактум³, задним числом. Французское выражение *après coup* буквально означает «после удара», и именно поэтому серьезная травма всегда имеет посттравматический эффект: травма раскрывается позже, она мутирует, меняется. Травма атакует привычное понимание повседневности, воздействует как на прошлое, так и на будущее, работая в двух направлениях одновременно и подрывая их оба. Ставки в такие моменты не могут быть выше: институты, законодательство и даже монументы оказываются низвергнутыми. Мы видим попытку переписать историю прошлого и попытку взять под контроль наше будущее: прошлое-настоящее-будущее перепутываются.

Сегодня мы вклиниваемся в историю, сраженные пандемией. Но эпидемия — лишь часть мирового процесса крушения. Она обнажила несовершенства, которые уже были

³ Французское «*après coup*» на немецком языке — один из переводов слова «*nachtraeglich*», означающего «запоздалый, прошедший», см. Laplanche and Pontalis 1967

Это жуткое, тревожное чувство «пребывания в мире, но не дома» раскрывает нам, как будто со стороны, понимание нашего обычного, привычного способа жить

в мире и лишь ждали подходящего момента для проявления. Попробуем расширить фрейдистское понятие «жуткого, сверхъестественного» до отрицаемого, непризнаваемого бессознательного целой нации, до возвращения вытесненного в таком масштабе. Мы имеем повсюду мобильные телефоны и нас теперь зовут стать свидетелями убийств, и дальше больше. Возвращаясь к Шеллингу (Schelling): сверхъестественное, жуткое — это то, что «должно оставаться скрытым и тайным, но выходит на свет». Наши тайны сейчас все выставлены напоказ, и мир раскалывается на части у самых своих основ, приводя в движение тектонические плиты, а мы едва понимаем происходящие сдвиги. Наши города буквально находятся под обстрелом. Многие из нас уже жили в мире, который ощущался сломленным, в мире, в котором они чувствовали себя на краю. Но сейчас мы все в огне, и пандемия подожгла этот фитиль.

Нас трясет сверху донизу, словно под натиском колена, стоящего на шее афроамериканца, кричащего, задыхающегося. Мы сотрясаемся от взгляда детей, оторванных от родителей на наших границах, на наших глазах. Мы содрогаемся от безжалостного разрушения окружающей среды; от экспоненциального роста социального неравенства и постоянного нарушения общественного договора; от нарастающей ядерной угрозы; от терроризма; от сокрушительности новейшего оружия недоступной раннее мощи.

Нас трясет от побитой, сломленной демократии; от безумия и подлости наших лидеров; от краха объективности публичного дискурса и злонамеренного конструирования

того, что принято называть «правдой». Из-за такого, ставшего ироничным, понятия «внутренней безопасности» подорвано само понятие «дома»: от его политических измерений до национального самоопределения, индивидуального чувства безопасности, до понимания, кто мы, что есть Америка и что есть мир вообще для каждого из нас.

ЧТО ЭТО ОЗНАЧАЕТ ПРАКТИКОВАТЬ ПСИХОАНАЛИЗ В МИРЕ, КОТОРЫЙ НАХОДИТСЯ ПОД ОБСТРЕЛОМ?

Мы ждем, когда все это закончится, ждем этого «после». *Après-coup*: дар психоанализа состоит в возможности осознавать себя, время, смыслы. Ровно так наше бессознательное обнаруживает себя после, задним числом: по прошествии времени мы понимаем, как мы мыслили, как обрабатывали бессознательные процессы. С этим новым осознанием значимости прошлого, *après-coup* представляет собой печальную попытку исцелить прошлое посредством его нового понимания.

Мы — странники в чужой стране, падающие в жуткое, зловещее будущее. Мы не осознаем значимость событий, происходящих сейчас. Земля содрогается — и для каждого своим отдельным способом — и мы задаемся вопросом: когда и на какой земле мы в итоге окажемся? Что этот исторический момент будет для нас значить через год? Через 10 лет? Через сотню лет? Как дети наших детей будут его понимать? Мы в смятении по поводу нашего будущего. Ждем, чтобы понять, кем мы были и, главное, кем мы могли бы быть? Бессознательное, на самом деле, бессознательное целого мира — это то, что ожидает нас, потому что в текущем моменте прошлое-настоящее-будущее: все спутано. *Après-coup* — не более чем перезапись значимости прошлого. Это, как тосковать, выражаясь словами Г. Левальда, по «чему-то большему» в каждом из нас, по нереализованному потенциалу. Это про исцеление будущего: в томлении по дороге домой в правильный, привычный мир.

В ОЖИДАНИИ «ПОСЛЕ»

Вместо того, чтобы продолжать развивать тему, изложенную выше, я решаю оставить ее так, более не трогая, целостной в своих

неспособных к повторению мыслей, в разгар хаоса, незаконченности, неопределённости⁴.

Быть свидетелем: зов и ответ. Во время пандемии линии разлома нашего общества раскрылись очень широко, и нас призвали быть свидетелями того, что на самом деле никогда особо и не было спрятано, однако оставалось под прикрытием и не признавалось, будучи у всех на виду. Убийцы души: мы все сейчас — свидетели, призванные выступить и объявить себя ответственными. В работе «Наблюдательность и инаковость аналитика» (Warren Poland, 2020) Варен Поланд

⁴ Большая часть этого материала взята из более емкой основной работы (см. Margulies 1989, 2014, 2018b) и особенно из неопубликованной работы «Выпадая из этого мира: шок, чуждость — что после» (2018a), которую я планирую включить в качестве отдельной главы в одноименную книгу, перерабатываемую сейчас в свете происходящих изменений.

говорит о присоединении к другому через переживание боли другого, существующей вне слов. Поланд обращается к Эммануэлю Левинасу (Emmanuel Levinas, 1987), пережившему холокост, потерявшему семью и с ужасающей ясностью постигшему смысл зова, остающегося без ответа: в сердце человеческого бытия должна существовать некая основополагающая этика откликаться на зов другого. Этика, однако — не как приложение к науке о бытии, а как нечто, похожее на время, вплетенное в метафизическое полотно человеческого существования. И то, что мы осознаем в течение этой пандемии, отражает априори как раз это: мы слышим зов — первобытный, резонансный — живущий в каждом из нас и призывающий к ответу. Наши первые виртуальные собрания будут долго оставаться в памяти за их невероятные, тревожные, нравственно-мечущиеся заявления об истории системного расизма, обнародованного д-ром Беверли Стаут (Beverly Stoute,

Мы — странники в чужой стране, падающие в жуткое, зловещее будущее. Мы не осознаём значимость событий, происходящих сейчас. Земля содрогается — и для каждого своим отдельным способом — и мы задаёмся вопросом: когда и на какой земле мы в итоге окажемся?

2020). Мы не можем вернуться к тому состоянию вещей, которым оно было раньше. Мы обязаны меняться, если мы намерены сохранить наши ценности, стремление к осознанности и верность принципам гуманизма. И вместе с тем, мы должны слушать.

И еще кое-что: быть человеком — значит заботиться о будущем. И такая забота о будущем укрепляется в понимании, часто на периферии сознания того, что быть человеком — это еще и осознавать, что человек смертен. «Бытие-к-смерти» описывает удержание этой области будущего на заднем плане огромной арки человеческого бытия⁵. К счастью, в обычной жизни мы поглощены ее повседневностью, плывем в общем потоке и принимаем за должное наше пребывание в мире. Синтезируя инсайты Хайдеггера с Фрейдом и расширяя их до классической рамки нашего времени, Ганс Левальд (американский психиатр немецкого происхождения, 1906–1993, работы 1960, 1972) относит нас к этому вектору заботы: «бытию-к-будущему» как к «чему-то большему». Но, понимая, что может принести это новое будущее, мы движемся пока не туда, куда бы следовало стремиться. С лег-

⁵ «Бытие-к-смерти» — термин, введенный немецкий философ М. Хайдеггером, 1927

кой элегантностью Левальд сводит параметры текущего времени к психоаналитическим отношениям, делая явным то, что перенос как таковой выкристаллизовывает спутанность времени во всех его направлениях — прошлое–настоящее–будущее — и привносит ту самую связь между аналитиком и пациентом, бессознательными процессами, проявляющимися здесь и сейчас, а также высвечивая все движения туда и обратно во всех их проявлениях.

Далее, работая в перспективе перемешанного прошлого–настоящего–будущего, именно аналитику поручается выдерживать этот неопознанный потенциал. Косвенным образом, философские обобщения Левальда выдвигают на передний план «нечто большее», чем пациент стремится стать⁶. Аналитик мягко удерживает эту возможность возможностей как неотъемлемую часть аналитического процесса, замещая собой потенциал роста — даже и особенно тогда, когда пациент к этому еще не способен. Предложенный Левальдом синтез укрепляет действие терапевтических отношений, способствует развитию инсайтов, осознанности и пониманию перспектив. Теперь, полагаясь на теорию Левальда, который в свою очередь объединил Хайдеггера и Фрейда, мы можем говорить о гораздо более широкой группе процессов, способствующих видению перспектив, так как они раскрываются в континууме в нашу коллективную культуральную осознанность — прямо перед нами и с огромной жадностью в общественном дискурсе этого исторического момента. Ставки повышаются на глазах, так как наша судьба определяется прямо здесь и сейчас.

Общественные и политические речи, раздающиеся в период пандемии, только усиливают глубокую и непреходящую тревогу, скрывающуюся в социальных разломах, специально адаптированных для того, чтобы персонализировать и придавать форму их метафорам. Риторика стен и границ

⁶ Конечно, существует много способов, при которых удержание воображаемого потенциала может пойти не так. Это происходит, потому что трансферентные-контртрансферные представления насыщаются бессознательными фантазиями в рамках некоего нормативного потенциала: чье это будущее, которое мы удерживаем?

сужает понятие дома до чего-то осязаемого и плотного: поскольку в их «красивых стенах», усиленных действиями министерства внутренней безопасности, четко обозначается позиция «мы», упрощенная до тех, кто остается в контуре ограничений, а кто-то — за их пределами. На фоне вездесущей, но невидимой инфекции пандемия ускоряет необходимость определения дома, оправдывая, как это всегда происходило в истории, всколыхнувшуюся ксенофобию, убийства, массовый карантин, гетто, выселения и вынужденную эмиграцию в поисках нового дома⁷.

Сегодняшние предписания изобилуют требованиями того, что мы должны и не должны делать во время передвижений на короткие или длинные расстояния. Многие покинули города, провоцируя тем самым усиление государственного контроля за границами, сопровождающегося приказами держаться подальше от границ и бесконечными проверками документов по всему периметру страны: *путешественники, знайте, мы вас не хотим*. Страх вторжения постоянно подогревается; загородные дома становятся полем воинствующих дискуссий; продажи оружия растут. В нашей новой реальности мы вынуждены становиться очень осторожными и рассчитывать любой риск, реализовывая этот новый концепт жизни — определяя, кому дозволено оставаться в контуре присутствия и одновременно осуждая любого, посмеявшегося его нарушить — кто в итоге внутри, а кто вовне. У нас появляется новый язык как «безопасная капсула» — производная от дома в его новом понимании, приводимая в действие через физическую, телесную сохранность — своего рода перифраз «не существует ребенка без матери» Винникотта, матери, как первой капсулы безопасности. Это распространяется также и на наши «преобразившиеся» сессии с пациентами: они стали виртуальными, лишившись своей естественной

⁷ Постоянно преследуемые, евреи стали народом Священного Писания — в отличие от страны, слово обладает мобильностью и возможностью к распространению — и Шабат, будучи Храмом, обращенным во время, представляет новый прочный дом, выстроенный в новых измерениях времени и пространства.

Границы привычного мира быстро отступают, превращаясь в далекое прошлое и ностальгию. Где-то на горизонте нас ожидает новое понимание границ нормальности. Похоже, время будет раскрывать себя волнами, с мутными намеками на безопасность — коллективный иммунитет, постоянная сдача тестов, лечение, вакцинации — нововведения, призванные вырвать нас из ковидного заточения. Мы ждем...

среды. Мы не можем более проводить очные встречи, но в безопасности ли мы?

Время и пространство приобрели пороговые значения: наша обычная жизнь прервана, мы поставлены на паузу между прошлым и будущим. Обратите внимание на значение термина «пороговый, лиминальный» (англ. liminal) — промежуточный между двумя состояниями, еле различимый, относящийся к порогу восприятия, например: «Во время операции жизнь человека висит на волоске между жизнью и смертью». Как и ковидные больные, которые лежат в больницах, находясь в подвешенном состоянии между жизнью и смертью, мы все сейчас точно так же подвешены. Уже сама смерть приобретает новое понимание — «до н.э.» — до Ковида⁸ — слова, пойманные в прошлом, в другой стране, в другом мире, они понятия не име-

⁸ Игра слов: в английском языке «д.н.э.» обозначается «b.c.» — «before Christ», автор предлагает новое прочтение — «before Covid». *Прим. переводчика*

ли, что будут означать в будущем. В памяти они существуют в совершенно другом времени и пространстве, и мы удивляемся, как бы отреагировал на них любимый учитель, друг, родственник. Границы привычного мира быстро отступают, превращаясь в далекое прошлое и ностальгию. И как это и должно было случиться, теперь мы знаем слишком много о том, что однажды было скрыто. Где-то на горизонте нас ожидает новое понимание границ нормальности. Похоже, время будет раскрывать себя волнами, с мутными намеками на безопасность — коллективный иммунитет, постоянная сдача тестов, лечение, вакцинации — нововведения, призванные вырвать нас из ковидного заточения. Мы ждем...

Пандемия не только определит это время — будут написаны книги — но и задаст новую форму ощущениям этого периода, тому, как мы его переживаем. Эти странные ощущения кажутся эластичными и ригидными одновременно, одномоментно расширяющимися и распространяющимися (заразными), дни и недели, словно в тумане, стянутые клаустрофобией домашних пространств, иногда слегка ослабевающие хватку, благодаря кажущемуся почти волшебному, спасительному цифровому эфиру — «зуму» (Zoom). Мы чувствуем себя загнанными в угол, запертыми в ловушке между весомостью прошлого и неопределенностью будущего, и мы ждем, ждем... Когда мы наконец сможем сойти с этого кренящегося поезда пандемии, где мы окажемся? Как будет выглядеть наша земля? Кем мы в ней станем?

Во что превратится чувство дома с психоаналитической перспективы? Новые «расширенные рамки» выдвинутся вперед, на этот раз образованные, в первую очередь, врачами и их клиническим сеттингом, оспаривающим разнообразие, разницу как таковую. Кем в этом случае станем мы, психоаналитики?

БУДУЩЕЕ ПСИХОАНАЛИЗА: УВЯДАНИЕ?⁹ ДОМ В ПОНИМАНИИ ПСИХОАНАЛИЗА

Во время пандемии мы наблюдаем явное смещение ракурса в сторону медикалистского подхода, усиливающегося на фоне вопию-

⁹ Игра слов: автор пишет W (h)ither?, где wither (англ.) — увядать, засохнуть; whither (англ.) — куда. *Прим. переводчика*

ще низкого присутствия психоаналитического мнения; проводится огромное количество экспериментов в области телемедицины, вторгающейся в личное пространство пациентов; мы открываем наши новые цифровые глаза там, где оказались заточенными наши пациенты — в их домах. Эти новые глаза требуют новой психоаналитической феноменологии, новых стилей повествования. Это вызов языку гиперреалистичности, сюрреализма, где при этом становится почти невозможным описать настоящую ускользящую реальность. Эти прорастающие аналитические пространства требуют скорейшей разработки новых правил работы: жизнь меняется, как ей и положено, и наши правила должны меняться вместе с ней. Новые формы организации аналитического пространства уже здесь — и они, безусловно, провоцируют появление новых клинических теорий.

Но изменения в психоаналитическом сеттинге начались задолго до пандемии. Большой частью из-за студентов, которые уже давно требуют от психоанализа принятия их современного стиля жизни и соответствующей адаптации под них. Пандемия лишь ускорила реализацию этих изменений. Постоянно увеличивающееся количество желающих стучат в наши двери, ожидая от психоанализа соответствия с их представлениями о нем как о «чем-то большем», чем традиционный психоаналитический подход исследования бессознательных импульсов, проявляющихся внутри и вокруг нас. Они стремятся к психоаналитическому способу понимания жизни и ее проживания, и они хотят, чтобы мы их этому научили.

Находясь под безжалостным давлением финансистов, требующих от терапии все большей эффективности и клинической обоснованности и следующим за этим отходом от персонализированного, индивидуального подхода к работе с пациентом, их стремление становится все более и более актуальным. Усиливающаяся индустриализация медицины уравнивает человека со стоимостью приемного часа. И появляется антиутопичный силлогизм: если бытие есть время (согласно М. Хайдеггера), а время есть деньги (согласно концепции индустриализации), тогда «жить» в терминах текущей реальности значит «монетизироваться». Сокращение времени работы с пациентом

вытесняет глубину этой работы, выражающейся в невозможности вовлечения во внутренний мир человека и его смыслообразование. И это, в свою очередь, ведет к повсеместному профессиональному истощению и, в результате, недобросовестному, халатному отношению к работе. В последних исследованиях, сделанных еще до пандемии (Summers 2020), 80% психиатров из более 2000 опрошенных признались в профессиональном выгорании. Чувствующие себя чужими и ненужными студенты медицинских институтов, тем не менее, хотят большего и самостоятельно ищут глубину и связность, исконно присущие профессии, в психоаналитических институтах. Они приходят в поисках основного объединяющего фермента профессии; в поисках дома, исчезающего в современном, трещащем по швам сообществе со всеми их научными школами.

С психоаналитической перспективы наша концепция изначально призвана отзываться на любые социальные трансформации, продираться сквозь любые изменения, выдерживать самые нелепые перенастройки, но при этом сохранять частицы фундаментального истинного знания. Процесс психоанализа в своей основе способен работать с любыми проявлениями новой культуральной реальности и привносить в нее ясность, тонкость и глубину. Да, мы уже видим волны изменений; но будут и другие, и с ними придет «что-то большее». ■

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Freud, S. (1919). The «uncanny» Standard Edition 17:219–256.
2. Heidegger, M. (1927). Being and Time, transl. J. Macquarrie & E. Robinson. New York: Harper & Row, 1962.
3. Laplanche, J., & Pontalis, J. — B. (1967). The Language of Psycho-Analysis, transl. D. Nicholson-Smith. New York: Norton, 1973.
4. Alfred Margulies. One could see this coming a decade or two back (see Margulies 2000), 1136
5. Lévinas, E. (1987). Collected Philosophical Papers, transl. A. Lingis. Dordrecht: Nijhoff.
6. Loewald, H.W. (1960). On the therapeutic action of psychoanalysis. In Papers on Psychoanalysis. New Haven: Yale University Press, 1980, pp. 221–256.
7. Loewald, H.W. (1972). The experience of time. In The Essential Loewald: Collected Papers and Monographs. Hagerstown, MD: University Publishing Group, 2000, pp.138–147.
8. Margulies, A. (1989). The Empathic Imagination. New York: Norton.
9. Margulies, A. (2000). Our psychoanalytic legacy: The relevance of psychoanalysis to psychotherapy. In The Real World Guide to Psychotherapy Practice, ed. A. N. Sabo & L. Havens. Cambridge: Harvard University Press, 2000, pp. 292–316.
10. Margulies, A. (2014). After the storm: Living and dying in psychoanalysis. Journal of the American Psychoanalytic Association 62:863–905.
11. Margulies, A. (2018a). Falling out of the world: shock, strangeness — and after. Spring Academic Lecture, Boston Psychoanalytic Society and Institute, April 5.
12. Margulies, A. (2018b). Illusionment and disillusionment: Foundational illusions and the loss of a world. Journal of the American Psychoanalytic Association 66:289–303.
13. Mukherjee, S. (2020). What the coronavirus crisis reveals about American medicine. The New Yorker, May 4, 2020.
14. Poland, W.S. (2000). The analyst's witnessing and otherness. Journal of the American Psychoanalytic Association 48:17–35.
15. Rosen, J. (2000). The Talmud and the Internet: A Journey between Worlds. New York, Farrar Straus & Giroux.
16. Stoute, B. (2020). Plenary panel: Psychoanalysis in a Broken World: Part 2. The Psychoanalyst's Anxieties: When the Bough Breaks. American Psychoanalytic Association Virtual Annual Meeting, June 20.
17. Summers, R.F., Gorrindo, T., Hwang, S., Aggarwal, R., & Guille, C. (2020). Well-being, burnout, and depression among North American psychiatrists: The state of our profession. American Journal of Psychiatry 177 (10):955–964.

Предварительные размышления о кризисе, вызванном пандемией COVID-19

Ховард Б. Левин
(Howard B. Levine)

- психоаналитик
- супервизор Массачусетского института психоанализа (Massachusetts Institute for Psychoanalysis)
- сооснователь Группы по изучению психоаналитического процесса и Бостонской группы психоаналитических исследований (Group for the Study of Psychoanalytic Process and the Boston Group for Psychoanalytic Studies)

Перевод с англ. Поповой А. А.

Пандемия COVID-19 обнаружила и поставила под угрозу наше «привычное» отрицание хрупкости жизни. Некоторые, в том числе многие авторитетные политические лидеры, предпочли проигнорировать опасность или найти вымышленных «врагов», чтобы свалить на них вину за наступивший кризис. Другим пандемия принесла осознание смертности, чувство тревоги и страха, сопровождаемое депрессивным осознанием уязвимости и мимолетности жизни. Все это способствовало усилению чувства беспокойства, напряжения и усталости, о чем сообщали очень многие пациенты и аналитики.

Кроме того, что пандемия принесла телесные болезни и смерть, она выявила существование давних проблем социального и психического здоровья, вторичных по отношению к экономическим трудностям, равнодушию властей и социальному неравенству. Хотя эти проблемы и не входят в круг привычных предметов психоаналитического интереса, они тоже требуют признания, изучения, понимания и решения со стороны нашей профессии. Вызывает потрясение и уныние тот факт, насколько поверхностны идеалы прогрессивной либеральной демократии по сравнению с расизмом, классицизмом, ксенофобией, ненавистью, пренебрежением и жадностью,

которые скрываются за видимым социальным благополучием многих западных стран. Перефразируя высказывание Фрейда (1920b) о разрушительности эпидемии испанского гриппа 1918 года, вспыхнувшей вслед за кровопролитными сражениями Первой мировой войны, можно сказать, что коронавирус разоблачил и внес свой вклад в «неприкрытую жестокость нашего времени».

Вследствие того, что доля смертности и заболеваемости оказалась выше среди работающих бедняков и небелокожего населения, пандемия вскрыла часто отрицаемые проблемы расизма, классицизма и бездушного эксплуатирования, которые существуют во всем мире. Именно к таким социальным проблемам обращался Фрейд в своих работах «Размышления о войне и смерти» (1915), «Почему война?» (1933), «Недовольство культурой» (1930) и др. К сожалению, представители нашей профессии не направили наше уникальное, обусловленное опытом и спецификой работы, видение человеческих эмоций и поведения на то, чтобы понять, объяснить и решить эти проблемы. Возможно, благодаря кризису, мы сможем перенаправить на это наши усилия.

Когда я приступил к написанию настоящей статьи весной 2020 года, эти проблемы болезненно проявились в США, где в правительстве царили разногласия, а необоснованное убийство афроамериканцев полицейскими вызвало огромный всплеск протестного движения. Мы больше не могли отрицать зависимость состоятельных граждан и верхушки среднего класса от цепочек поставок услуг, предоставляемых рабочим классом и бедными, и ярко выраженное неравенство в доступе к качественной медицинской помощи, комфортным условиям жизни и распределению богатства. Кроме того, мы не могли и дальше отрицать ущерб, наносимый ксенофобией, изоляционизмом и параноидальным обвинением «других» перед лицом такого масштабного международного кризиса общественного здравоохранения. Надеемся, что, размышляя о последствиях пандемии, мы станем больше ценить ту жизнь, которая у нас есть, и признаем, что все мы взаимосвязаны и взаимозависимы, что жизнь каждого человека имеет равную ценность, и предпримем попытку решить давно назревшие проблемы

глобального потепления, управления климатом, гонки ядерных вооружений и других экзистенциальных угроз продолжению жизни на Земле.

На мой взгляд, первый урок, который нужно усвоить в условиях пандемии, заключается в том, что жизнь ценна, потому что она преходящая. Об этом говорил Фрейд (1916) в своем эссе «Преходящее». Даже при самых благоприятных обстоятельствах жизнь — это игра случая, к которой мы приспосабливаемся разными путями, включая некоторую степень нормативного отрицания. У. Р. Бион (W. R. Bion, 1962) говорил об «обучении из опыта», но, как командующий танковым взводом во время Первой мировой войны, он знал, что сначала нужно пережить этот опыт, и что выживание часто является делом случая. Отказавшись принять такую высокую награду как медаль за героизм, проявленный в бою, он сказал, что единственная разница между теми, кто получил медаль, и теми, кто был осужден как дезертир, — это направление, в котором они бежали, когда их объял ужас.

Я был в Барселоне на Международной Бионической конференции [International Bion Conference] в начале февраля 2020 года. Новости о коронавирусе только начали распространяться и совершенно случайно на конференции присутствовали лишь несколько коллег из Северной Италии, первой из европейских стран, где была зафиксирована вспышка заболевания, которая принесла самые разрушительные последствия. Вспоминая об этом сегодня, можно сказать, что некоторые из наших итальянских коллег могли бы быть носителями коронавируса, и, как мы, к сожалению, теперь знаем, штамм COVID-19, который процветал в Ломбардии, был крайне злокачественным.

Реальность повторного распространения вируса и сила его разрушающего воздействия пробили нашу иллюзорную защиту. Психическое пространство наших пациентов и нас самих сжалось и переполнилось тревогами и страхами, которые сопровождалось и усиливались постоянным навязчивым поиском новостей и информации. В этих обстоятельствах первое, что должен сделать аналитик — попытаться помочь нашим пациентам и нам самим очистить пространство для ясного мышления. С этим, вероятно, согласился бы

и капитан Бион. Прежде чем командир (или аналитик) успешно поведет свои войска в бой, ему, возможно, придется сначала помочь им успокоиться и начать ясно мыслить.

Помочь перегруженному пациенту успокоиться и начать ясно мыслить — такая задача не противоречит проведению анализа. Скорее, это — обязательное условие. При использовании широкой аналитической техники необходима гибкость, учитывающая особенности работы с пациентом в зависимости от уровня его возможностей и экзистенциальных потребностей в данный момент времени. Как только психическое пространство появится вновь, мы сможем увидеть, каким образом психика каждого человека, если исходить из того, что она обладает такой способностью, начинает создавать значения и оттенки и придавать их более общей и универсальной угрозе пандемии в соответствии со своими личными конфликтами и индивидуальными особенностями. Появление этого пространства вполне может служить своего рода диагностической функцией, указывая на то, что потенциально травматичный «лесной пожар» пандемии берется под контроль и интегрируется в более привычный набор конфликтов и проблем конкретного человека.

Одна пациентка, находившаяся на карантине и тяжело переживавшая трагическую преждевременную смерть супруга, проходила терапию отчасти для того, чтобы справиться

Отказавшись принять такую высокую награду как медаль за героизм, проявленный в бою, он сказал, что единственная разница между теми, кто получил медаль, и теми, кто был осужден как дезертир, — это направление, в котором они бежали, когда их объял ужас

с последствиями подавленной реакции горя. Глядя в окно на когда-то оживленный, а теперь застывший город, она заметила: «Как на кладбище». Другой пациент, отец которого жил в постоянном страхе быть арестованным, заметил, что социальная изоляция — «это как тюрьма». Эти бессознательно выбранные метафоры были «сигналами поля» (Ferro, 2002), которые показывают, как каждый пациент начинает сдерживать и перерабатывать последствия угрозы и изоляции своим собственным особым способом. Они создавали и приписывали личностный и субъективный смысл жестокому и обезличенному хаосу пандемии; начинали бессознательно придавать символическое значение через ретроактивный эффект [*apres coup*] событиям, связанным с действительной травмой пандемии, вплетая то, что теперь становилось символическими и значимыми событиями, в ассоциативную ткань своей жизни.

У многих из нас первые недели и месяцы пандемии вызвали то, что я бы назвал *травматическим актуальным неврозом* (Traumatic Actual Neurosis), отмеченным тревогой, напряжением и усталостью, за которыми следуют ипохондрия, нарушения сна и питания и незначительные соматические расстройства. Для некоторых это состояние психологической травмы продолжается и становится хроническим. Реальные невротические симптомы изначально не имеют символического значения. Хотя Фрейд (1916–1917) использовал этот термин только для описания расстройств сексуального происхождения (застой либидо, чрезмерная мастурбация), есть основания распространить его на несексуальные события, которые атакуют и разрушают наши психические регуляторные способности — то, что Фрейд (1920a) назвал «защитным щитом» Эго.

Травма в психоанализе — это всегда экономический вопрос: баланса или дисбаланса между отрицательным стимулом и способностью мозга сдерживать, перерабатывать и обезвреживать его воздействие и последствия. В случае пандемии стимулом стал невидимый, меняющий жизнь и угрожающий жизни патоген, о котором мало что известно и против которого нет ни адекватного лечения, ни вакцинации. Отсутствие четкого представления о том, с чем мы сталкиваемся

У многих из нас первые недели и месяцы пандемии вызвали то, что я бы назвал травматическим актуальным неврозом (Traumatic Actual Neurosis), отмеченным тревогой, напряжением и усталостью, за которыми следуют ипохондрия, нарушения сна и питания и незначительные соматические расстройства

или как с этим бороться, усиливает ужас и напряжение, которые все мы испытываем, и побуждает нас прибегать к паническим покупкам и другим способам, которые «как по волшебству» помогут решить эту проблему. В свете этой неопределенности отрицание, позерство и антинаучная риторика правительственных лидеров только усилили смятение и усугубили ситуацию. Кому и чему мы верим? Кому мы доверяем?

Из-за недостатка знаний, отсутствия грамотного руководства, а также ввиду «неуловимости» распространения вируса, локализовать угрозу COVID-19 почти невозможно. Нельзя с уверенностью сказать, что «здесь вирус есть», а «там его нет» и тем самым получить преимущество в борьбе с ним. Мы с трудом можем найти пространство, в котором бы почувствовали себя по-настоящему в безопасности. Самое лучшее, к чему привели наши поиски — это почти полная изоляция и нахождение дома на карантине. Возможно, эти меры помогут нам успокоиться и прийти в себя, но они дорого обойдутся в плане как экономических, так и эмоциональных затрат.

Тот факт, что коронавирус передается от человека к человеку, спровоцировал рост

подозрительности, избегания и паранойи. Кому-то вследствие социальной изоляции пришлось вести одинокий образ жизни; для других она стала версией пьесы Сартра «За закрытыми дверями»; третьи словно оказались в ситуации, чем-то напоминающей сенсорную депривацию. Изнуряющее воздействие социальной изоляции напоминает нам о том, какую значительную психологическую и эмоциональную поддержку мы обычно получаем от самых простых социальных контактов: пара слов с работником химчистки; рассуждения о погоде с продавцом газет возле моего офиса; советы о том, какой фильм посмотреть, и шутки, которыми мы с тренером обмениваемся в спортзале... Все эти контакты и многое другое составляют важную часть обычной ткани нашей жизни, и мы едва ли обращаем на них внимание, пока вдруг это все не пресекается необходимостью сидеть дома.

В одной из работ (Levine, 1990) я предположил, что при нормальном развитии маленький ребенок приобретает интернализированное чувство бессознательной неуязвимости, основанное на том, что родители его защищают, любят, кормят, одевают и предоставляют ему кров. Надлежащее выполнение родителями своих обязанностей по отношению к ребенку способствует формированию у него бессознательного, всемогущего защитного внутреннего объекта, который способствует развитию бессознательных (всемогущих) ожиданий безопасности¹. Более поздние разновидности этого ожидания проявляются в «неуязвимости» подросткового возраста; в предположении, что «это не произойдет/не может произойти со мной» в молодом возрасте; в идее о том, что смерть — это то, что происходит только с поколением родителей или бабушек и дедушек; и в общем отрицании смерти как части жизни, что мы наблюдаем у многих, казалось бы, благополучных взрослых до тех пор, пока они не испытают потерю одного или обоих родителей или другого близкого и значимого человека. Даже тогда, хотя неизбежность смерти можно признать на интеллектуальном уровне, она, возможно, лишь намного позже, если вообще

¹ См. также: Sandler, J. (1960). The Background of Safety. Int. J. Psycho-Anal., 41:352–356.

когда-либо, перестанет восприниматься как что-то «немыслимое» и станет, в какой бы ограниченной степени это ни было возможно, реальностью, с которой следует считаться.

Большое количество размышлений и дискуссий посвящено проблеме сеттинга и переходу от непосредственного контакта с пациентом к телефонным или онлайн-сессиям. Для классических аналитиков Блегер (2012) исследовал сеттинг или рамку и особые бессознательные технические роли, исполняемые им помимо обычных установок времени, места, оплаты и т.д.

Когда Фрейд в своей работе начал использовать кушетку, она уже была привычным предметом в кабинетах многих венских врачей. Утвердившись в остальном мире как психоаналитическая норма, она начала приобретать набор значений и мистический смысл,

наряду с другими аспектами офисного сеттинга терапии, и стала частью ритуала психоанализа. Заслонила ли эта «нормализация» тот факт, что в случае с пациентами, которые терпимо относятся к использованию кушетки, она помогает им глубже сконцентрироваться на внутреннем мире и добиться большей свободы ассоциаций? Кушетка может помочь некоторым пациентам не заострять внимание на лице аналитика и на том, что оно выражает в данный момент. У других пациентов, использующих кушетку, потеря зрительного контакта с аналитиком может спровоцировать чрезмерную травматическую тревогу или абстиненцию, что затрудняет процесс лечения и не может рассматриваться как механизм защиты, «доступный анализу» (т.е. устранимый). Ее необходимо признать как патологическое состояние и слабое место,

которое нужно уважать, с которым необходимо считаться на его же условиях и которое необходимо преодолевать в ходе длительного лечения при непосредственном личном общении пациента и аналитика.

В условиях смены сеттинга, каким пациентам необходимо видеть наше лицо во время дистанционной сессии? Кому из них мы это предложили? Было интересно узнать, что некоторые аналитики, использовавшие кушетку до наступления пандемии, во время удаленных сессий просили своих пациентов улечься и расположить свои компьютеры так, чтобы аналитик мог видеть пациента в таком ракурсе, как если бы он находился на кушетке в его кабинете. Полагаю, что для этого есть много причин, но мне интересно, является ли такое действие необходимым и есть ли от него польза, особенно если об этом просит сам аналитик, или данная просьба представляет собой попытку воссоздать привычные условия ритуализированного прошлого и отрицать масштабность кризиса и перемен?

Смена сеттинга показала, насколько мы в целом надеемся, что с помощью ритуала сможем упорядочить самих себя и свою жизнь и, возможно, обрести некую стабильность. Один пациент, который в очень раннем возрасте испытывал материнскую нечувствительность, что привело к тому, что ему приходилось бороться с мощными бессознательными силами, направленными на слияние со своим объектом и поглощение им, говорил о том, что испытывал чувство потери ориентации и связи с окружающими объектами вследствие потери времени и пространства между окончанием аналитической сессии и началом работы; это чувство он начал испытывать, когда сессии стали проводиться на дому дистанционно с помощью Zoom. Он испытывал назойливое чувство потери периода, следующего сразу за окончанием сессии; раньше это чувство было размыто и не осознавалось им благодаря поездке обратно на работу.

Другой пациент, испытывавший сходные проблемы, но защищавшийся от своих сильных желаний слияния путем ухода в еще более сильное и устойчивое шизоидное убежище, длительное время занимал довольно скучную и однообразную позицию во время очных сессий с использованием кушетки.

Смена сеттинга показала, насколько мы в целом надеемся, что с помощью ритуала сможем упорядочить самих себя и свою жизнь и, возможно, обрести некую стабильность

Увеличение дистанции, благодаря телефонным сессиям, с самого начала словно бы способствовало снятию напряжения. Пациент перестал хронически опаздывать на сессии, его внимание, до этого занятое проблемами на работе и тем, как дела у жены и детей, стало направляться все глубже внутрь и сосредоточиваться на личных эмоциональных проблемах. Неожиданно лечение начало углубляться. В течение нескольких недель удалось проникнуть в самое ядро некоторых угрожающих и неприятных чувств, и речь пациента стала тревожной, затем осторожной, сбивчивой, рассудительной и, наконец, невыразительной. Наблюдая смену состояний от вовлеченности к тревожности и к новому уходу, и аналитик, и пациент получили более ясное представление о глубине фобического избегания пациентом потенциально дестабилизирующего материала.

В заключение я бы хотел отметить, что уже идет множество дискуссий о том, что дистанционные формы лечения останутся нормой даже после окончания пандемии. Необходимость помешать распространению вируса потребовала перехода к работе с пациентом на расстоянии с целью соблюдения требований самоизоляции. Сейчас еще преждевременно говорить о последствиях смены сеттинга и отделять их от других последствий пандемии, таких как социальная изоляция, экономические кризисы, угроза смерти и т.д. Тем не менее, я полагаю, что большинство терапевтов поняли, что с помощью компьютера или по телефону можно продолжить

выполнять работу, участвовать в супервизиях и заниматься самообразованием. Еще предстоит определить, окажутся ли глубина и охват удаленной работы такими же, как в ходе анализа и терапии, проходящих в очной форме, подходит ли такая работа для целей обучения и для каких пар «терапевт-пациент» ее можно использовать.

Непрерывность и эффективность, которые возможно получить в условиях смены сеттинга в этой кризисной ситуации, поддерживаются и той степенью, в которой аналитическая функция существует или может развиваться в пациенте или в аналитике. В моей работе о лечении пациентов, которые находятся в пределе или рядом с пределом доступности анализу, я подчеркнул, что аналитический процесс часто начинается в уме аналитика и должен быть выдержан в нем длительное время (Levine, 2010). Это утверждение верно вне зависимости от того, проводится ли анализ в офисе или удаленно. Только тогда, когда аналитическая функция интернализируется пациентом, мы можем признать существование того, что мы называем аналитическим процессом, в общении, происходящем в паре «аналитик-пациент».

Ответ на кризисную ситуацию часто содержит предпосылки для прогресса и инноваций. Пандемия COVID-19 и те изменения, которые она вызвала, дали нам богатую пищу для размышлений и изучения и много того, что нам еще предстоит узнать. Подводя итог своим

размышлениям, я призываю не спешить с выводами, а приложить усилия для более глубокого изучения плюсов и минусов того, что было необходимо сделать; это поможет нам продолжать развивать нашу профессию и развиваться самим с помощью ответственных, эффективных и конструктивных решений. ■

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Bion, W.R. (1962). Learning From Experience. London: Heinemann.
2. Bleger, J. (2012). Symbiosis and Ambiguity. London: Routledge.
3. Ferro, A. (2002). In the Analyst's Consulting Room. London: Karnac.
4. Freud, S. (1915). Thoughts for the Times on War and Death. S.E. 14
5. Freud, S. (1916). On Transience. S.E. 14.
6. Freud, S. (1916–1917). Introductory Lectures on Psycho-Analysis. S.E. 16.
7. Freud, S. (1920a). Beyond the Pleasure Principle. S.E. 18.
8. Freud, S. (1920b). Letter to Oscar Pfister. Cited in The Guardian, June 9, 2020.
9. Freud, S. (1930). Civilization and Its Discontents. S.E. 21.
10. Freud, S. (1931). Why War? S.E. 21.
11. Levine, H.B. (1990). Adult Analysis and Childhood Sexual Abuse. New York: The Analytic Press.
12. Levine, H.B. (2010). Creating analysts, creating analytic patients. IJPA 91:1385–1404.
13. Sandler, J. (1960). The Background of Safety. Int. J. Psycho-Anal., 41:352–356.

Психотерапия онлайн: проблемы переноса и контрпереноса¹

Джанет Сайерс (Janet Sayers)

- психоаналитик, клинический психолог
- почетный профессор психоаналитической психологии в Кентском университете (University of Kent).
- автор ряда книг по психоанализу

Перевод с англ. Щепкиной Е. В.

В связи с вводом локдауна из-за пандемии коронавируса в марте 2020 в Великобритании в отделении Национальной службы здравоохранения (НСЗ), где я работаю, немедленно последовала замена психотерапии в клинике на онлайн терапию. В последующие недели мой старший коллега попросил меня написать статью о проблемах переноса и контрпереноса, связанных с этой новой формой лечения, уделив особое внимание «терапевтическим отношениям» (Shedler, 2010, p. 104).

Первоначальный обзор литературы показал, что ранее некоторые врачи частной практики более или менее поддерживали психотерапию онлайн. Например, психоаналитик Алессандра Лемма (2017), писавшая о своем опыте предоставления онлайн лечения пациентам, которые по работе или по другим причинам временно или более постоянно не могли продолжать приемы в офисе. С тех пор Гили Агар, клинический психолог и основатель службы онлайн-психотерапии для израильтян, проживающих за границей, цитировал выводы Вагнера, Хорна и Меркера (2014) и Мизрахи (2017) как доказательства того, что результаты психотерапии онлайн так же хороши, как и при личных встречах (Agar, 2020, p. 66).

Другие психоаналитики в прошлом были гораздо менее восторженными. Среди них —

¹ © 2021 The Author. British Journal of Psychotherapy published by BPF and John Wiley & Sons Ltd. Данная статья размещена в открытом доступе в соответствии с условиями лицензии Creative Commons Attribution License. Подробнее об авторе: <https://www.kent.ac.uk/psychology/people/260/sayers-janet>

клинический психолог и психоаналитик из Нью-Йорка Тодд Эссиг. Он выразил сожаление по поводу компьютерного онлайн психоанализа. «Компьютеры — это «декартовы устройства» для обмена «мыслями на расстоянии», — заявил он, памятуя о максиме Декарта *cogito ergo sum* (я так думаю). Таким образом, компьютеры являются «менее подходящим каналом для переноса и контрпереноса», поскольку, как настаивал Эссиг, «мы больше, чем просто то, что мы думаем» (Essig, 2015, p. Xv). «На данный момент мы застряли на телетерапии, потому что меры вирусной безопасности подрывают психологическую безопасность психотерапии». «Однако, — неохотно признал Эссиг через несколько недель после начала пандемии коронавируса — практически для всех телездравоохранение на основе видео или аудио останется лучшим выбором, чем личные встречи за экранами, защитными масками, дезинфицирующими средствами, физическим расстоянием, вентиляцией, мониторингом симптомов, отслеживанием контактов и т.д.» (Essig, 2020, n.p.).

К июню 2020 года, в ответ на просьбу моего вышеупомянутого коллеги, я начала дальнейшее изучение опубликованной литературы по онлайн психотерапии. К этому исследованию я добавила свои собственные размышле-

ния и размышления коллег психотерапевтов из Национальной Службы Здравоохранения о противопоставлении сеттинга или рамок очной и онлайн психотерапии, а также их соответствующего воздействия на проблемы переноса, контрпереноса, эмпатии и контейнирования, некоторые из которых ранее упоминались в обзоре Диего де Битенкур Мачадо и его коллег (2016) и теоретически обсуждались Лусио Гутьерресом (2017).

СЕТТИНГ ИЛИ РАМКА

«Пациент исцеляется, находя в аналитическом сеттинге то, что должно было быть доступно раньше в его жизни: поддерживающая среда, которая выдерживает и контейнирует», — утверждала психоаналитик Джиллиан Айзекс Рассел, в предисловии к своим наблюдениям об онлайн терапии в рамках частной платной практики (Russell, 2015, с. 13). Вскоре после начала пандемии коронавируса психиатр из США Диба Ашраф и ее коллеги психиатры выразили тревогу по поводу того, что в их онлайн консультациях с пациентами не хватало выдерживающей и контейнирующей «рамки» (Ashraf, Shenoj & Moukaddam, 2020, n.p.).

В этом контексте они одобрительно процитировали работу психоаналитика Мэрион Милнер, которая описала успокаивающий

эффект сеттинга или рамки, посредством которых «даже хаос, получивший название, становится менее хаотичным» (Milner, 1950, p. 75). Ученые хорошо осознают важность сохранения стабильного сеттинга или рамок своих экспериментов как средства изучения влияния различных составляющих или переменных. Психотерапевты также заинтересованы в обеспечении стабильного сеттинга, не в последнюю очередь потому, что она обеспечивает надежную привязанность — термин, заимствованный из работы психоаналитика и основателя теории привязанности Джона Боулби (John Bowlby, 1988) для обозначения сеттинга, в котором нуждаются пациенты, чтобы исследовать тревожные факторы, вызывающие их психологические проблемы.

Надежная привязанность или сеттинг в психоаналитических или психодинамических приемах как для Национальной Службы Здравоохранения, так и, частных приемов, включает в себя то, что они должны длиться 50 минут каждый и проводиться по возможности в одно и то же время или одинаковое количество раз в неделю. В настоящее время в службе НСЗ, в которой я работаю, пациентам предлагается курс из минимум 24 сеансов психотерапии раз в неделю, не считая отмены, например, из-за физического заболевания или перерывов на отпуск. Время в пути также является частью сеттинга в офисе или в клинике. Это дает пациентам возможность поразмышлять о содержании этих посещений. Или, как сказал коллега психотерапевт по когнитивно-поведенческой терапии из НСЗ об одной из своих пациенток, дорога в клинику и обратно давала этой пациентке передышку от домашних проблем.

Для онлайн встреч, напротив, время в пути практически равно нулю. Пациенты могут прийти к ним сразу после загрузки стиральной машины или разгрузки покупок. Указывая на это, коллега упомянул пациента, одинокую мать четверых детей, которая жаловалась на то, что, во время поездки домой с предыдущих посещений в клинику у нее было время подумать над обсуждаемыми проблемами, а теперь ей приходилось немедленно возвращаться в «режим мамы» после того, как эти встречи перешли в онлайн. Поездки на прием в клинику и обратно влечет за собой переодевание в одежду более или

«Язык тела, выражение лица и феромоны, необходимые для установления человеческих отношений», «полностью отсутствуют» в онлайн психотерапии

менее по погоде. Кроме того, пациенты часто считают, что на эти приемы они должны прийти в приличной одежде. Пациенты, посещающие сеансы онлайн психотерапии, не всегда чувствуют себя обязанными выглядеть прилично. Это, по-видимому, верно в отношении нескольких пациентов, которые приходят на свои онлайн встречи в ночном белье с растрепанными волосами, как если бы они только что встали с постели.

Еще одно важное различие между посещениями психотерапевтов в клинике и онлайн службой НСЗ заключается в том, что первые обычно начинаются с того, что психотерапевт забирает пациента из места ожидания и ведет его в комнату, укомплектованную стульями и носовыми платками, где психотерапевт и пациент более или менее сидят напротив друг друга и разговаривают, возможно, время от времени молчат, пока 50-минутная встреча не закончится, тогда терапевт и пациент встанут, и терапевт откроет дверь, чтобы пациент мог уйти. Эта комната и ее носовые платки были настолько важны для одной пациентки, что она увековечила память о своей терапии в кабинете, создав произведение искусства «Атишу, Атишу», (a tissue — носовой платок), чтобы символизировать их.

Кроме того, что НСЗ не предоставляет пациентам, проходящим онлайн терапию, место ожидания, туалет и комнату с салфетками и стульями, пациенты, не получают необходимое интернет оборудование. У некоторых пациентов нет этого оборудования. Или им трудно получить его даже на временной основе. «Один пациент полагался на доступ к смартфону родственника, и его дважды

подводили в последнюю минуту», — сказал мне коллега. Поэтому у НСЗ есть веская причина предоставить пациентам компьютерное оборудование, необходимое для онлайн терапии, если оно отсутствует, точно так же, как НСЗ предоставляет своим сотрудникам такое оборудование для приемов онлайн из дома. В то время как психотерапевты НСЗ во многих случаях могут обеспечить относительно нейтральную, постоянную, стабильную и приватную обстановку для проведения онлайн психотерапии, это часто не относится к их пациентам. Одна пациентка встречалась со своим психотерапевтом онлайн из своей супружеской спальни. Другой проводил встречу со своим психотерапевтом с веранды своего дома, где онлайн соединение было далеко не надежным. Еще одна пациентка изменила сеттинг своей онлайн терапии: иногда она встречалась со своим терапевтом онлайн из той или иной комнаты своего дома, в другой раз она встретила со своим терапевтом из дома друга. Для этого пациента уединение не было проблемой. Не так как для других пациентов. «Это остается большой проблемой для пары пациентов. Им приходится сидеть в машине, что далеко от идеала, особенно для пациента, которому приходится делать это на общественной автостоянке», — заметил один коллега. Еще одна пациентка, добавил он, «после трех сеансов онлайн психотерапии поняла, что ее муж на самом деле подслушивал, что сделало ее более уязвимой в и без того эмоционально оскорбительных отношениях».

В отличие от психотерапии в клинике, которую можно относительно легко защитить от вторжений, в онлайн психотерапии это не всегда возможно. «Звонили дверные звонки и телефоны», — жалуется коллега. «Хотя я обнаружила, что можно договориться с людьми о том, чтобы их партнеры выводили детей на прогулку во время сеанса терапии, погода, усталость и т.д. могут воспрепятствовать, делая ситуацию ненадежной», — заметила другая коллега психотерапевт. Кроме того, она добавляет, говоря об онлайн терапии: «Для меня самое неприятное из всех прерываний — это когда у вас есть клиент, которому потребовалось много времени, чтобы открыться и поговорить о чем-то очень сложном, а затем изображение

замирает, или распадается, и вы не можете быть с ними в этом трудном переживании. Это может поколебать желание пациента пойти туда снова».

Один из способов нейтрализовать тревожное влияние таких прерываний, а также «размытое сенсорное восприятие, присущее общению экрана с экраном» для психотерапевта — очень сильная концентрация на экране. Это влечет за собой принесение в жертву «свободно плавающего» внимания, рекомендованного Фрейдом в качестве позиции, которой психоаналитик должен придерживаться при лечении своих пациентов (Russell, 2015, p. 23). Другие различия между психотерапией онлайн и психотерапией в клинике или кабинете включают большую трудность терпеть молчание при коммуникации в онлайн. Кроме того, прямоугольная форма, обрамляющая пациента на таких приемах, поскольку она перекликается с прямоугольной формой экрана кинотеатра или театральной сцены, может вызвать ощущение представления, которого не возникает в психотерапии в клинике или кабинете.

Прежде всего, в очной психотерапии психотерапевт и пациент встречаются телесно в одном и том же общем физическом пространстве. Это, конечно, не относится к онлайн психотерапии. Несовершенство технологии, которое может привести к «задержкам и искажениям, подрывающим уверенность обоих участников процесса и лишению возможности воспользоваться ценными подсказками», например, тоном голоса или выражением их лиц. В более общем плане «язык тела, выражение лица и феромоны [химические вещества, выделяемые при личном общении], необходимые для установления человеческих отношений», «полностью отсутствуют» в онлайн психотерапии (Lemna, 2017, p. 91).

ПЕРЕНОС

Фрейд не обращал особого внимания на роль языка тела в психоаналитическом лечении. Тем не менее, язык тела влияет на передачу пациентом терапевту опыта общения с другими значимыми людьми в их жизни — этот аспект психоаналитического лечения Фрейд считал важным. Недавние примеры переноса пациента включают 60-летнего пациента

Джона, истерзанного тревогой, связанной с тем, что он был объектом низкой оценки своих родителей по сравнению с очень высокой оценкой его старшего брата, которая поддерживалась родителями. Опасаясь, что мое лицо выдаст такой же низкий уровень уважения к нему, он избегал зрительного контакта, вместо этого глядя в угол комнаты, в которой мы встречались во время его лечения в клинике. Если бы это лечение проводилось онлайн, это телесное выражение его страха переноса передо мной было бы невозможным, поскольку тогда мы бы не встретились в одной комнате.

Другой пример переноса в клинической психотерапии связан с пациенткой Дженни, которая передала мне свой подавленный страх, гнев и обиду на мужчину, который физически и сексуально насиловал ее в течение нескольких лет, когда она была ребенком. Это было очевидно в страхе, гневе и негодовании, которые выражались телесно во время встреч со мной, например, в напряженно сжимаемых и заламываемых руках. Если бы ее лечение проводилось онлайн, я бы не увидела этого телесного выражения ее чувств. И, конечно же, физический страх пациента перед психотерапевтом телесно коренится в психотерапии в кабинете, поскольку

ку в рамках этой формы лечения терапевт действительно может атаковать пациента телесно. Напротив, как говорит психотерапевт Лу Агоста, пациенты, проходящие онлайн лечение, могут заниматься «раскованным» и «провокационным» самовыражением без риска физического возмездия со стороны терапевта (Agosta, 2020, p. 41). Соответствующие примеры психотерапии на базе НСЗ, включают 19-летнюю пациентку. В отличие от своей жизнерадостной и сексуально одетой матери, она приходила на прием в клинику в очень неряшливой одежде. Психоаналитический психотерапевт был впечатлен ее переносом страха, что мужчины увидят в ней что-то очень дефектное и поэтому отвергнут ее. Вероятно, однако, ее безвкусная одежда также служила защитой от признания ее собственных сексуальных чувств. Они стали очевидными, когда на последующих онлайн сеансах пациентка была одета в открытую одежду с глубоким вырезом. Возможно, она осмелилась сделать это, потому что во время онлайн встреч терапевт физически не мог реагировать так, как в ее опасениях, на сексуальную провокацию, предполагаемую ее тогдашней одеждой.

Тем не менее, как указывает Лемма, ускоряя одновременно «растормаживание» и «ми-

Выбор пациентом места для встречи со своим психотерапевтом в онлайн-терапии дает подсказки психотерапевту об опыте переноса, таким образом «раскрывая элементы» «раннего эмоционального опыта пациента»

нимизацию» «эротических желаний», онлайн лечение может, если его не остановить, «исказить направление терапии» (Lemma, 2017, p. 107). Обобщая такие примеры, некоторые психоаналитические терапевты предполагают, что «проблемы и фантазии, которые могут не возникать очно, могут быть более доступны через технологически опосредованное общение». Возможно, это связано с «безопасностью расстояния» в психотерапии онлайн, позволяющей возникать ранее вытесненным «аффективным состояниям». Кроме того, выбор пациентом места для встречи со своим психотерапевтом в онлайн-терапии дает подсказки психотерапевту об опыте переноса, таким образом «раскрывая элементы» «раннего эмоционального опыта пациента» (Russell, 2015, p. 47).

КОНТРПЕРЕНОС

Но что можно сказать о контрпереносном опыте, вызванном пациентом у психотерапевта? «Иногда меня переполняют глубокие реакции контрпереноса, такие как ужас или горе», — говорит психотерапевт, имея в виду свою офисную работу с пациентами. «В Skype проще: они [пациенты] могут причинить вам меньше вреда. Я называю это «облегченные отношения», — отмечает она. «Внутренняя «защита» экрана рассеивает потенциальное влияние пациента на терапевта», — комментирует другой психотерапевт частной практики (Russell, 2015, p. 27, 38).

Примеры контрпереносных реакций в психотерапии в клинике на базе НСЗ включают в себя пример коллеги консультанта, который, увидев плачущего пациента, почувствовал, что тот не может позаботиться о себе, используя предоставленные носовые платки. Возможно, интерпретация терапевта, способствовала тому, что пациент взял носовые платки, когда плакал во время последующей онлайн встречи. Но для того, чтобы найти платки, пациент покинул экран, тем самым вызвав у психотерапевта контрпереносную тревогу, что пациент покинул встречу — тревогу, которая уменьшилась после того, как он снова появился через несколько минут.

Другая проблема контрпереноса возникла у психоаналитического психотерапевта НСЗ, который обнаружил, что осуждает пациентку, которая тайком налила себе бокал вина во время прерывания связи на онлайн-встрече. Для него это был обман, который менее возможен в общем пространстве лечения в клинике. Обман также является проблемой, способствующей полемике об опасностях онлайн-знакомств.

Что касается проблем контрпереноса в онлайн-терапии, финансируемой из частных источников, Лемма приводит пример из своей работы с успешной бизнес-леди Мала, которой за тридцать, и о которой она говорит: «изначально Мала обратилась за помощью из-за очень сложных отношений с матерью, которые она воспринимала как навязчивые для ее тела и ума. Первые девять месяцев терапии она провела в долгих периодах молчания, которые, как я чувствовала, были предназначены для того, чтобы держать меня на расстоянии и защитить себя от моего ожидаемого вторжения. Поскольку Мала говорила не так много, мои вмешательства часто основывались на собственном соматическом контрпереносе. Когда Мала входила в мою комнату и выходила из нее, она, низко склонив голову, пожимала мне руку. Рукопожатие, которое в культурном отношении соответствовало происхождению Малы, заставило увидеть ее неизменно вспотевшие ладони. Любопытно, что когда мы в первый раз пожали руку — и это произвело неизгладимое впечатление — у меня возникла ассоциация, будто она втирает в меня свой пот, как будто желая проникнуть в меня. В это время было сильное желание вымыть

руки» (Lemna, 2017, p. 101). Этот пример иллюстрирует тот факт, что на сознательное или бессознательное контрпереносное переживание психотерапевта влияют не только слова, но и «жесты, запахи и феромоны» пациента (Russell, 2015, p. 99). И, возможно, именно химические составляющие коронавируса мало чем отличаются от веществ феромонов, от которых психотерапевты и их пациенты защищены, переходя из офиса или клиники в онлайн терапию. Лемма представляет собой пример такого перехода, произошедшего после того, как ее пациентка Мала, описанная выше, уехала жить и работать из Лондона за границу. Об этом переходе Лемма говорит: «когда мы работали через Skype, я осознавала, что мне нужно приложить много усилий, чтобы представить [Малу] в моем сознании лежащей на диване и вспомнить привычные движения ее тела. Когда я снова погрузилась в свою соматическую память о ней, то почувствовала себя более настроенной. Это был не просто внутренний процесс. Я часто проверяла с Малой, как она себя чувствует (чаще, чем при личной встрече), и просила описать свой телесный отклик, чтобы укоренить ее в моем телесном опыте» (Lemna, 2017, p. 103).

Таким образом, Лемма указывает на важную проблему в онлайн психотерапии, а именно на важность признать свои ограничения, проверяя, чаще, чем в терапии в офисе или клинике, как пациенты себя чувствуют, поскольку онлайн телесное выражение чувств менее заметно. Кроме того, стоит отметить наблюдение Леммы о том, что ей пришлось приложить усилия, чтобы представить Малу — работа, которая, возможно, включает в себя больше «воображения, желания и внимания», чем в психотерапии в офисе или клинике (Russell, 2015, p.57). Вероятно, учитывая этот пример, и не удивительно, что и Лемма, и Рассел утверждают, что проблемы, возникающие при онлайн терапии, смягчаются тем, что им предшествуют приемы в кабинете или клинике, которые позволили психотерапевту и пациенту быть вместе в одной комнате, получать и запоминать телесные переживания.

ЭМПАТИЧЕСКОЕ ОТЗЕРКАЛИВАНИЕ

С аспектом контрпереноса в психотерапии связана проблема бессознательной эмпатии или *emföhlung* (сочувствие), как ее назы-

вал Фрейд. Однако он не особо много говорил об эмпатии, за исключением своей книги об остроумии, в которой описал ее как «вовлечение себя в «разум другого» и, как существенный аспект «комического» (Freud, 1905, p.187). В отличие от Фрейда, психоаналитик и педиатр Дональд Винникотт в ответ французскому психоаналитику Жаку Лакану (1953) об увлечении ребенка его зеркальным отображением подчеркнул межличностный и эмпатический характер отзеркаливания. «Что видит ребенок, когда смотрит на материнское лицо?» — спросил Винникотт. «Я предполагаю, что обычно ребенок видит сам себя или саму себя. Другими словами, мать смотрит на ребенка, и то, как она выглядит, связано с тем, что она видит» (Winnicott, 1967, p. 131).

Позже исследователи заметили, что этот «зеркальный ответ» (*mirroring response*), как его еще называют, возникает на очень раннем этапе развития ребенка. Очевидно, через несколько часов после рождения ребенок повторяет движения рта матери, когда находится с ней лицом к лицу. Это, по-видимому, неврологически укоренено в зеркальных нейронах, которые срабатывают в ответ на наблюдение за действиями другого человека, как если бы человек делал это сам. «Вы знаете, что я чувствую, потому что вы буквально чувствуете то, что чувствую я», — говорит Рассел об этих открытиях. Он описывает зеркальные нейроны как аспект «функций правого полушария», заложенный во время раннего развития «процессов привязанности» (Russell, 2015, стр. 83, 97).

Эти процессы игнорировались Фрейдом, поскольку он сосредоточился на аспекте психоаналитического лечения с помощью разговора — аспекта, который обычно опосредуется левым полушарием мозга у людей, у которых эта часть мозга является доминирующей для речи. Телесное выражение проблем пациента, возникающих в результате искажения процессов привязанности в его раннем детстве, вполне может быть отражено в реакции психотерапевта. Например, вероятно, я отражаю на лице и в своем теле контрпереносную реакцию на вышеупомянутую пациентку, Дженни, выражая ее страх, гнев и негодование на меня, коренящиеся в ее раннем опыте сексуального насилия, через напряженное сжимание и заламывание рук. Такие

жесты не видны на онлайн сеансах, поскольку можно увидеть только лицо и плечи пациента.

Это стало особенно очевидно во время такого сеанса психотерапевта с другой пациенткой, Трейси. Во время своих первоначальных посещений в клинике она говорила о жестоком обращении в общих чертах, которому она, как и Дженни, подверглась в детстве. Воспоминания о нашем телесном взаимодействии во время этих встреч, возможно, побудили меня проверить, как она себя чувствовала, подробно рассказывая мне об этом насилии во время следующей онлайн встречи. На это она ответила мне, сказав, что ее физически трясет от беспокойства, после чего я заметила, что кое-что из этого увидела в легком движении ее плеч, но не рук, которых я видеть не могла. Возможно, что обеднение телесных сигналов, необходимых для эмпатического отражения и интерсубъективного общения в целом, а также отсутствие физического опыта встречи с пациентом в одной комнате делает онлайн общение «легко забываемым» (Russell, 2015, p. 87). Обеднение телесных сигналов также влияет на способность психотерапевта «сфокусироваться и по-настоящему сосредоточиться на клиентах на время онлайн встречи», — отмечает коллега психоаналитический психотерапевт НСЗ. «Это также означает, что мы должны более тщательно продумывать интервалы между клиентами, учитывая «время восстановления», что потенциально снижает

Проблемы, возникающие при онлайн терапии, смягчаются тем, что им предшествуют приемы в кабинете или клинике, которые позволили психотерапевту и пациенту быть вместе в одной комнате, получать и запоминать телесные переживания

нашу способность принимать столько же людей», — добавил он.

К этому аспекту онлайн психотерапии относится следующее наблюдение из статьи, в которой автор отмечает: «во время личного разговора мозг частично фокусируется на произносимых словах, но он также получает дополнительные смыслы из десятков невербальных сигналов, например, пациент лицом к вам или слегка отвернулся. Ерзает, пока вы разговариваете, или вдыхает быстро, готовясь прервать. Восприятие этих сигналов является естественным для большинства из нас, требует небольшого сознательного усилия для анализа и может заложить основу для эмоциональной близости. Однако типичный видео-звонок ослабляет эти укоренившиеся способности и требует постоянного и интенсивного внимания к словам. Если человек обрамлен только с плеч и вверх, исключается возможность видеть жесты рук или другой языка тела. Если качество видео низкое, всякая надежда уловить что-то из мелких выражений лица рушится». (Sklar, 2020, n.p.). Эмпатическому отзеркаливанию не помогает и тот факт, что в психотерапии онлайн терапевт или пациент не могут следить за направлением взглядов друг друга и извлекать из этого информацию об их «душевном состоянии» (Russell, 2015, p. 107).

КОНТЕЙНИРОВАНИЕ

С эмпатическим отзеркаливанием связана проблема контейнирования. Уилфред Бион (1962), например, сравнил работу психоаналитика в этом отношении с тем, как мать принимает, контейнирует и преобразует проецируемый чувственный опыт своего ребенка в смысл. Он указал, что мать через возникающую в результате телесную реакцию позволяет своему ребенку переживать свой иначе проецируемый чувственный опыт как нечто, о чем он тоже может узнавать, фантазировать и размышлять. Точно так же, как утверждал Бион, если пациент в качестве защиты проецирует свой чувственный опыт на психоаналитика, последний может быть в состоянии сконтейнировать его и преобразовывать в осмысленную форму и, благодаря отклику, позволить пациенту восстановить свою способность узнавать, фантазировать и размышлять, в противном случае пациент в качестве защиты отрицает и проецирует стрессовый

Эмпатическому отзеркаливанию не помогает и тот факт, что в психотерапии онлайн терапевт или пациент не могут следить за направлением взглядов друг друга и извлекать из этого информацию об их «душевном состоянии»

опыт на себя. Этого труднее добиться в онлайн психотерапии.

Лемма утверждает, что из-за значительного сокращения телесных сигналов в этой форме лечения пациент может чувствовать себя «менее сконтейнированным» и более «забытым или непонятым», чем в психотерапии в клинике или кабинете (Lemma, 2017, р. 93). Связанная с этим проблема, на которую жаловались психотерапевты НСЗ, заключается в том, что из-за перехода к онлайн работе, они не чувствуют психологической помощи и поддержки, поскольку до локдауна терапевты были сконтейнированы рамками клиники и встречами с коллегами. «Онлайн психотерапия менее сконтейнирована без команды; работая дома, не оставляешь работу в клинике; забираешь ее домой», — жаловался психотерапевт НСЗ. По сравнению с очными групповыми встречами их онлайн версия далеко не удовлетворительна, замечает один автор: «участники группы менее склонны к сотрудничеству и больше похожи на разрозненные панели, на которых одновременно разговаривают только два человека, а остальные слушают. Поскольку каждый участник использует один аудио поток и знает все остальные голоса, параллельные разговоры невозможны. Если вы смотрите на одного выступающего, вы не можете распознать, как ведут себя неактивные участники — это то, что вы обычно улавливаете периферическим зрением» (Sklar, 2020, n.p.). Какой же тогда вывод из всего этого?

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

«Достаточно хорошо читать друг друга — это новый навык в терапевтическом кабинете для обоих», — заметила лондонский психотерапевт Сьюзи Орбах вскоре после того, как в Великобритании в марте 2020 года началась изоляция из-за коронавируса. «Мы видим интерьер — кабинет, спальню, сарай или кухню, и нас удивляет ребенок, который случайно заходит внутрь», — добавила она, рассказывая о своем опыте предоставления пациентам онлайн психотерапии. «Мы слышим внезапно приглушенный голос человека, который не хочет, чтобы его партнер вникал в разговор, который мы ведем. Он освещает аспекты, которых мы раньше не видели. Это лучше? Нет. Это хуже? Незначительно. Я скажу по тому, как люди входят в терапевтическую комнату — тонкое отличие от предыдущего сеанса или то, как они могут держать свое лицо и тело; прежде всего, живое тело в комнате. Я подозреваю, что я более оживлена онлайн, чтобы восполнить потерю этой драгоценной телесности» (Orbach, 2020, n.p.).

С тех пор, как я собрала представленные здесь данные срезов, было проведено исследование на основе интервью и анкет, финансируемое Национальной Службой Здравоохранения, для изучения опыта не только психотерапевтов НСЗ, но и опыта их пациентов в онлайн психотерапии. В этом исследовании также использовались данные анкетирования для оценки эффективности формы лечения в клинике. Что бы ни показало это исследование, оно явно связано с переносом, контрпереносом и другими проблемами. Они не могут быть непреодолимыми. Но они, безусловно, существуют, и, возможно, их нужно учитывать сейчас, когда онлайн психотерапия в НСЗ никуда не денется, по крайней мере, для тех, кто по какой-либо причине не может попасть на прием в клинике. ■

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Agar, G. (2020) The clinic offers no advantage over the screen, for relationship is everything: Video psychotherapy and its dynamics. In: Weinberg, H. & Rolnick, A. (eds), *Theory and Practice of Online Therapy*, pp. 66–78. London and New York: Routledge.
2. Agosta, L. (2020) Empathy in cyberspace. In: Weinberg, H. & Rolnick, A. (eds), *Theory and Practice*

- of Online Therapy, pp. 34–46. London and New York: Routledge.
3. Ashraf, D., Sheno, N. & Moukaddam, N. (2020) Tumbling into telepsychiatry in the COVID-19 era: Challenges and hope. *Psychiatric Times* 24 June. Available at: <https://www.psychiatristimes.com/view/tumbling-into-telepsychiatry-in-the-covid-19-era-challengesand-hope>
4. Bion, W. (1962) A theory of thinking. In: *Second Thoughts*, pp. 110–19. London: Heinemann, 1967.
5. Bitencourt Machado, D., Braga Laskowski, P., Trelles Severo, C. et al. (2016) A psychodynamic perspective on a systematic review of online psychotherapy for adults. *British Journal of Psychotherapy* 32: 79–108.
6. Bowlby, J. (1988) *A Secure Base*. London: Routledge.
7. Essig, T. (2015) Foreword to *Screen Relations* by Gillian Isaacs Russell, pp. xiii–xvi. London and New York: Routledge.
8. Essig, T. (2020) Want to see your therapist in-person mid-pandemic? Think again. Available at: <https://www.forbes.com/sites/toddesig/2020/06/27/want-to-see-your-therapist-in-person-midpandemic-think-again/#2861635f624f>
9. Freud, S. (1905) Jokes and their relation to the unconscious. SE 8.
10. Gutiérrez, L. (2017) Silicon in “pure gold”? Theoretical contributions and observations on teleanalysis by video conference. *International Journal of Psychoanalysis* 98: 1097–120.
11. Lacan, J. (1953) Some reflections on the ego. *International Journal of Psychoanalysis* 34: 11–17.
12. Lemma, A. (2017) *The Digital Age on the Couch: Psychoanalytic Practice and New Media*. London and New York: Routledge.
13. Milner, M. (1950) *On not Being able to Paint*. London: Heinemann
14. Mizrahi, C. (2017) The analyst’s closeness in long-distance psychoanalysis. In: Scharf, J.S. (ed.) *Psychoanalysis Online* 3, pp. 65–83. London: Karnac.
15. Orbach, S. (2020) Patterns of pain: What Covid-19 can teach us about how to be human. *The Guardian* 7 May.
16. Russell, G.I. (2015) *Screen Relations: The Limits of Computer-Mediated Psychoanalysis and Psychotherapy*. London and New York: Routledge.
17. Shedler, J. (2010) The efficacy of psychodynamic psychotherapy. *American Psychologist* 65:98–109.
18. Sklar, J. (2020) “Zoom fatigue” is taxing the brain. *National Geographic* 24 April. Available at: <https://www.nationalgeographic.co.uk/science-and-technology/2020/04/zoomfatigueis-taxing-the-brain-heres-why-that-happens>
19. Wagner, B., Horn, A. & Maercker, A. (2014) Internet-based versus face-to-face cognitive behavioural intervention for depression: A randomized controlled non-inferiority trial. *Journal of Affective Disorders* 152: 113–21.
20. Winnicott, D.W. (1967) *Mirror-role of mother and family in child development. Playing and Reality*, pp. 130–8. Harmondsworth: Penguin Books, 1974.

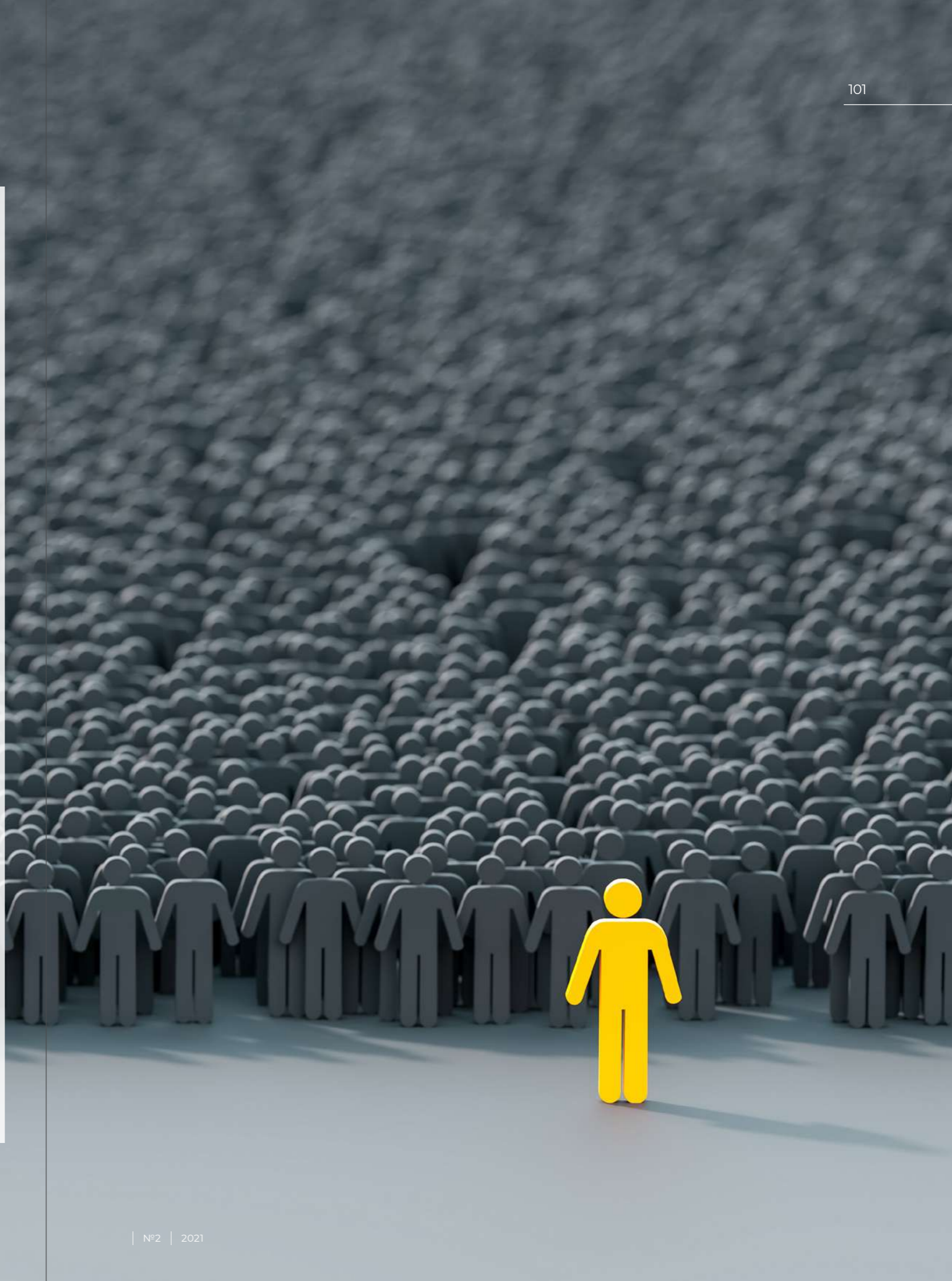
ЛЮДЯМ ПРО ЛЮДЕЙ

Мы продолжаем знакомить читателей с нашими коллегами из региональных отделений ЕАРПП. В первом номере мы опубликовали интервью с Екатериной Львовной Умной, председателем РО-Пенза. Сегодня мы с вами отправимся в Ярославль и побеседуем с Юлией Сергеевной Метельской.

Ярославль — это город с более чем тысячелетней историей, основанный Ярославом Мудрым в месте впадения реки Которосль в Волгу. Это один из древнейших русских городов на Волге, входящий в знаменитый туристический маршрут «Золотое кольцо России». Исторический центр города является объектом всемирного наследия ЮНЕСКО. В городе много православных храмов и различных достопримечательностей, жители города любят его и гордятся своей историей. Ярославль — город академический, с серьезными научными школами и мощными традициями. Ярославский государственный университет им. Демидова, а именно, психологический

факультет этого университета — то место, где зародился интерес к психоанализу в регионе. Тысячелетняя история города, классическая академическая среда, близость к Москве — эти факторы, безусловно, повлияли на то, каким образом в регионе развивался психоанализ.

История и география во многом определили и профессиональную биографию нашей сегодняшней гостьи — Юлии Сергеевны Метельской — психолога, психоаналитика, специалиста и тренинг-аналитика ЕАРПП (Россия) и ЕСРР (Vienna, Austria), председателя РО-Ярославль ЕАРПП. Академичность, стройность научного мышления, широта культурологических взглядов и желание узнавать новое, научная смелость — вот отличительные черты Ярославского отделения ЕАРПП. Кроме интервью, в этом номере нашего журнала вы можете познакомиться со статьей Ю. С. Метельской «Символика ритуала перехода в сновидениях».

«Психоаналитик — это «место»

— **Расскажите, когда образовалось Ярославское региональное отделение и как это произошло.**

— Начнем с того, что факультет психологии в Ярославле появился одним из первых в стране. В СССР было всего три ВУЗа, где готовили психологов: Москва, Ленинград и Ярославль, и у каждого была своя специфика. Факультет психологии МГУ занимался фундаментальными исследованиями, в ЛГУ пошли в сторону «психометрии» — все измерить и посчитать корреляции. Ярославль, лавируя между Москвой и Ленинградом (это особенность Ярославля), развивал практико-ориентированный подход — из Ярославля всегда выходили хорошие психологи-практики. Студенты съезжались со всей страны.

Когда открывался факультет, многие преподаватели пришли из физики, то есть это были люди, занимающиеся точными науками и экспериментами, с соответствующим мышлением. Хорошо работала кафедра инженерной психологии, качественно преподавалась психодиагностика, экспериментальная психология, были лаборатории, исследования и так далее. Это одна линия, она и сейчас остается. И применительно к факультету психологии Демидовского университета, это, скорее, было противопоказанием к развитию психоанализа. Поясню. В некоторых городах психоанализ развивается при кафедрах университетов, когда сам заведующий кафедрой и преподаватели интересуются психоанализом и его продвигают. А в Ярославле такого нет. И на нашем факультете психологии психоанализ как таковой никогда никем не поддерживался и не приветствовался. В какой-то степени так остается и сейчас.

При этом интерес к психоанализу у меня лично возник именно во время обучения в ЯрГУ. Один наш преподаватель, Павел Николаевич Иванов, сейчас он живет и работает практикующим психологом в Канаде, любил психоанализ и когнитивный подход, читал иностранную литературу, в том числе Ральфа

Метельская Юлия Сергеевна

- психолог, психоаналитик
- сертифицированный специалист и тренинг-аналитик ЕАРПП (Россия, РО-Ярославль) и ЕСРРР (Vienna, Austria)
- член Правления ЕАРПП
- председатель РО-Ярославль (ЕАРПП)

Гринсона, учился (повышал квалификацию) в институте имени В. М. Бехтерева, а «Бехтеревка» всегда была оплотом психодинамического подхода. Ему очень нравилось психоаналитическое направление, и в своих лекциях по консультированию он явно или неявно обозначал, что самая глубокая и интересная работа с клиентом ведется именно в психоанализе. Он отсылал нас к книге Р. Урсано и С. Зонненберга «Психодинамическая психотерапия», к работам З. Фрейда. Считалось хорошим тоном интересоваться психоанализом. Я думаю,

есть люди, у которых мозги «заточены» под психоаналитическое понимание, и Павел Николаевич как раз такой человек, он транслировал уважение к этому подходу. Не помню точно, но скорее всего, от него, я и узнала, что в Санкт-Петербурге открылся новый институт — Восточно-Европейский Институт Психоанализа (ВЕИП).

Сразу после окончания университета я поехала туда учиться, и со мной вместе поехали еще несколько человек, которые после начали практиковать психоанализ. Работали мы все в психолого-педагогическом центре со сложными детьми и их родителями. На этой базе закрепилась команда специалистов, которая практикует психоаналитический подход. Тот коллектив и стал ядром сообщества. У нас была достаточно сильная команда.

Про учебу в ВЕИПе: я училась в одном из первых наборов слушателей. Тогда все было внове, все были в равном положении. Иностранцы специалисты стали приезжать не сразу, и мы получили возможность обучаться психоанализу у них намного позже. То есть в девяностые годы подготовленных по западным стандартам специалистов там попросту не было. Потом мои сокурсники по ВЕИПу стали преподавать в этом ВУЗе (ВЕИПе). Мы, выпускники факультета психологии, выглядели неплохо благодаря качественному базовому образованию.

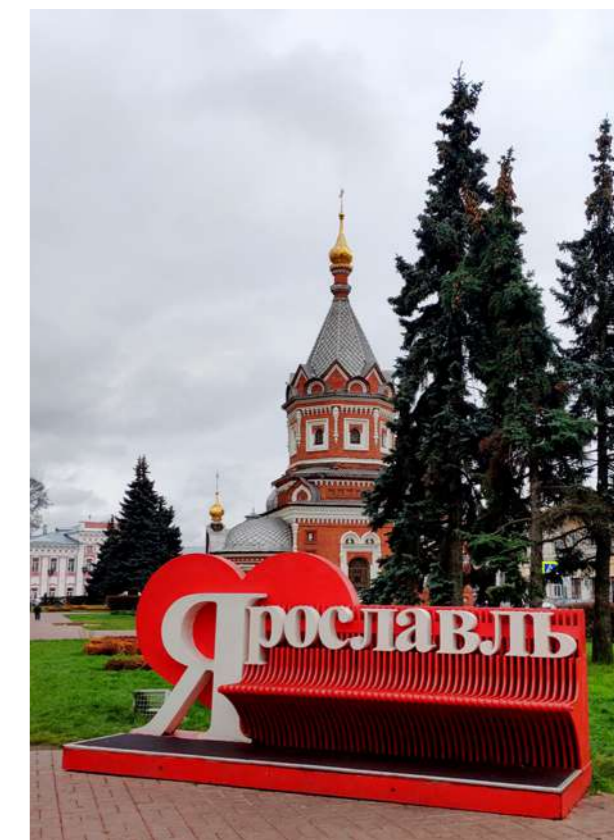
В 2000 году Летняя школа ЕКПП проходила в Ярославле по инициативе ВЕИП, так как была идея проводить Летние школы в регионах, чтобы психоаналитики из крупных городов получили представление том, что происходит в глубинке.

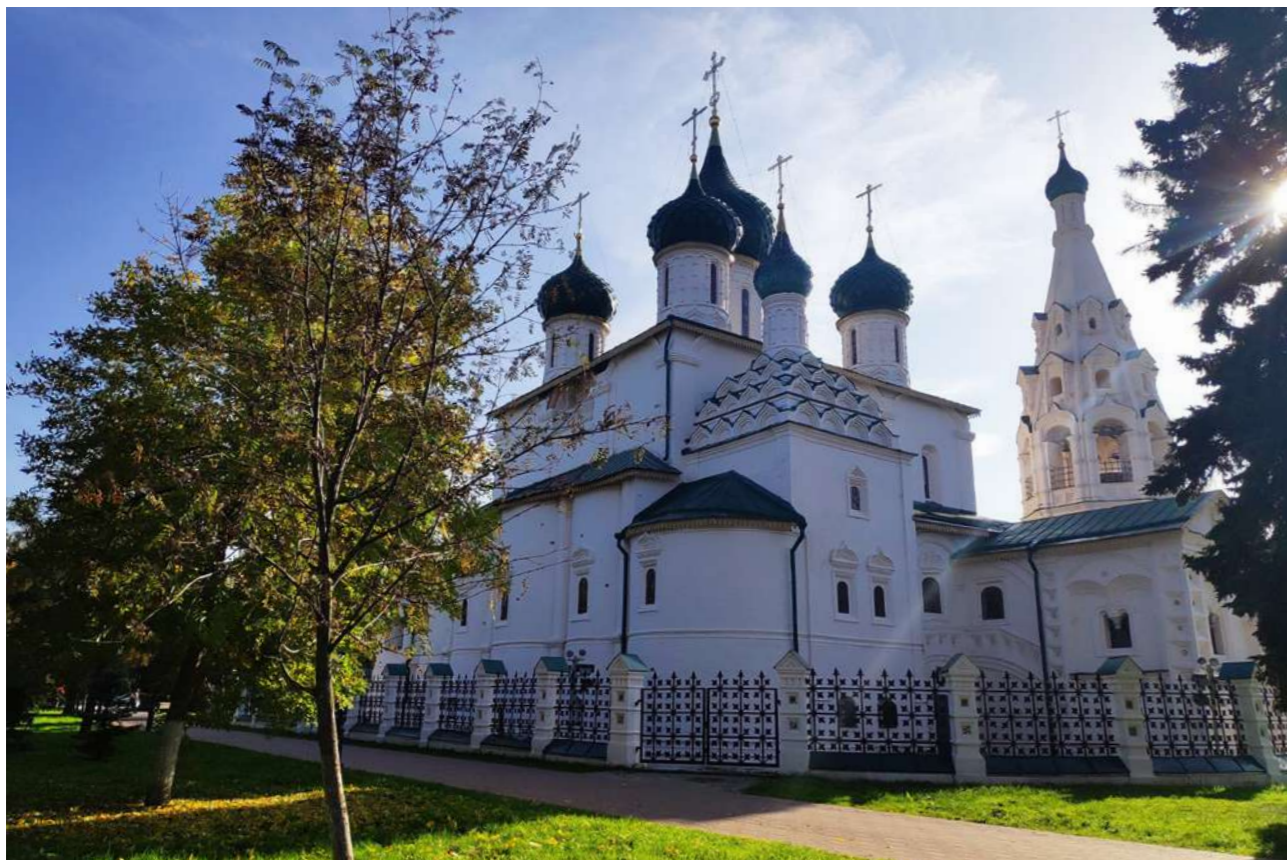
Светлана Викторовна Волкова и Людмила Александровна Коновалова из Ярославля представили опыт групповой работы с трудными подростками, исходя из психоаналитической позиции. Групповой анализ еще не был распространен так, как сейчас, а коллеги уже тогда вели серьезную работу с трудными подростками в группах и индивидуально.

Сейчас у нас сейчас есть психоаналитический центр «Инсайт», где работают детские психоаналитики. Психоаналитиков у нас немного, но они всегда востребованы, к ним всегда большой поток клиентов. По моему мнению, если со взрослыми, кроме психоанализа, хорошо работают и другие направ-

ления — экзистенциальная психотерапия, гештальт-терапия, КБТ, то с детьми хорошо работает только психоанализ. Особенно с маленькими детьми — психоаналитическую игровую терапию, психоаналитическую работу с родителями просто нечем заменить. В терапии детей у психоанализа конкурентов нет. Психоанализ полностью, активно, продуктивно и плодотворно освоил территорию детства и детско-родительских отношений.

Дальше было трудно, в любом сообществе возникают внутренние проблемы. Эти трудности пересекаются у меня и с личной историей — в 2000 году у меня родился ребенок и, по разным причинам, я потеряла отношения и перестала сотрудничать с психоаналитическими сообществами. Очень сложно разделить личную историю и историю нашего сообщества. Да, группа коллег оставалась в центре, в котором я работала, но у меня в тот период не было внешних связей ни с Москвой, ни с Санкт-Петербургом. При этом я продолжала идентифицировать себя как психоаналитически ориентированного специалиста. Я читала все книги, которые выходили по психоанализу, но не общалась с коллегами

фактически 12 лет, не ездила ни на какие мероприятия. У меня был период лиминальной¹ фазы, когда я была изолирована от сообщества. Я развивалась сама. Поскольку в 90-е годы я преподавала в нашем Ярославском университете и читала несколько курсов, в том числе «Основы психоанализа» и «Психоанализ социальных процессов», то выпустилось несколько моих студентов, которые заинтересовались психоанализом. Одна из них, Ксения Павлюк, закончила ВЕИП, переехала в Европу и организовала в Белграде с командой специалистов сообщество «Другой путь».

— В эти 12 лет в сообществе проходили регулярные встречи, семинары?

— Конечно, специалисты проводили работу: встречались, проводили семинары, читали

книги. Внешние отношения были: Людмила Коновалова, Римма Джузенова выезжали на семинары, у кого-то продолжался личный анализ, но формально организованного сообщества в этот период не было.

В это же время в поле психоанализа происходили различные перемены: НФП менялось на ЕКПП и прочее. Ксения Павлюк закончила ВЕИП, уехала в Москву, вернулась в Ярославль, нашла меня и предложила создать отделение ЕКПП.

В 2012 году мы организовали региональное отделение. Таким образом, мы влились в ЕКПП, стали посещать Летние школы, семинары, обучаться, привлекли к сотрудничеству супервизора — Андрея Ивановича Куликова, который провел цикл обучающих семинаров. Вокруг нас стали объединяться люди и началась организованная работа.

Мы начали проводить семинары с приглашенными специалистами из Санкт-Петербурга, из Москвы. Приезжали Татьяна Владимировна Мизинова, Александр Георгиевич Попов, Владимир Александрович Медведев и другие.

¹ Лиминальность — физиологический, неврологический или метафизический термин, обозначающий «пороговое» или переходное состояние между двумя стадиями развития человека или сообщества. (Прим.ред.)

Я старалась приглашать специалистов из разных направлений психоанализа: Олег Владимирович Аксиненко рассказывал о клянианском подходе, Дмитрий Александрович Ольшанский о лаканианском, Елена Валериевна Змановская о психодинамическом подходе в парной терапии. Задача была показать весь спектр подходов, теорий, направлений, в которых можно развиваться, чтобы люди нашли «свое». Я считаю, что при знакомстве с психоанализом важно услышать какую-то свою близкую концепцию. Если человек слышит «не своё», это может вызвать отторжение, неприятие — психоаналитические теории иногда травмируют своей идеей детерминизма, тотального влияния бессознательного, инфантильных переживаний. Люди хотят верить, что они свободны и могут в любой момент изменить свою жизнь, свою судьбу.

Наше сообщество начало активно развиваться, сначала Ксения Павлюк открыла центр, в котором принимали наши специалисты. Потом мы с другой моей коллегой Натальей Емельяновой стали соучредителями центра «Инсайт». Таким образом, мы «встали на рельсы» более формально организованной жизни сообщества: обучение, семинары, сертификация, получение статусов. Фактически, начала формироваться некоторая структура.

— Получается, формирование общественной структуры шло параллельно с организацией стабильной клинической практики?

— Практики у всех наших специалистов было много всегда. Например, моя практика идет с 1993 года и не прекращалась никогда, как и у моих коллег. Просто появилось пространство, где смогли вести прием пациентов на одной территории.

Возможно, когда люди объединяются в какое-то сообщество, возникает идея организации совместного пространства для ведения практики.

Я исходила немного из других соображений: предоставить людям информацию, в рамках нашего центра они смогут получить качественную психоаналитическую помощь. Хотя, есть специалисты, существующие отдельно, они никак не объединяются, предпочитают иметь частные кабинеты и сами занимаются рекламой. Думаю, что в русской

ментальности, и не только в русской, больше доверия к формальным организациям. Когда люди слышат про какой-то центр, это вызывает изначально большее доверие. Структура сама по себе говорит о встроенности в социальный порядок, а большинство людей социальный порядок склонны поддерживать.

— Я думаю, что структура и социальный порядок нас упорядочивают. Это очень важно в плане профессиональной идентичности: кто я есть, кем я себя ощущаю, как я себя позиционирую.

— Я бы сформулировала это так: важно иметь свой дом, в том числе и для социальной структуры. В крупных городах это если не центр, то психологический институт, при котором есть свой центр. В любом случае, какой-то дом у всего должен быть.

Если говорить о том, что у нас происходит сейчас, то сейчас у нас продолжается семинарская деятельность, привлечение людей в психоанализ.

С одной стороны, это хорошо, когда люди понимают, что психоанализ — это серьезно, требуется теоретическая подготовка, личный анализ, супервизии. С другой стороны, такое серьезное отношение и понимание трудоемкости, длительности процесса может отпугивать людей. Надо вкладываться временем, финансами, силами; серьезная теоретическая база тоже не всегда проста для понимания. Но, когда люди приходят на семинары по конкретным темам, они понимают, что дорогу осилит идущий! Можно присоединиться к сообществу, поехать учиться или обучаться дистанционно, пойти в личный анализ. То есть прорисовывается некая картина, как и какими путями можно развивать свой профессионализм.

— Путь становится понятным. Человек думает иногда: «быть психоаналитиком, это так сложно, так долго учиться — я точно не смогу. Где я, и где психоанализ». А здесь становятся ясными и понятными этапы развития.

— Важно иметь профессиональное сообщество, где все общаются и взаимодействуют. У нас продолжается традиция приглашать специалистов из других регионов. В 2016 году Александр Георгиевич Попов

провел обучающий цикл «Основы и техника психоанализа». Александр Георгиевич хорошо дает теоретическую базу на таком уровне, чтобы человек, имеющий интерес к психоанализу, начал на нее опираться. Сейчас он начал читать второй цикл. Для меня он привлекателен тем, что начинается с истории психоанализа, с основы, с самых базовых вещей и, тем не менее, материал не дается упрощенно. Александр Георгиевич, в силу своей качественной теоретической подготовленности, дает сложные вещи, соотносит разные теории: З. Фрейда, У. Биона, Ж. Лакана и др. понятным для слушателей образом. Мне, с моим академическим психологическим образованием, нравится такой хороший теоретический уровень, с примерами, с иллюстрациями.

Сейчас мы проводим и внутренние семинары по отдельным темам. С 2016 г. у нас работает группа по толкованию сновидений, которая называется «Королевская дорога к бессознательному». Начали мы с подробного разбора «Толкования сновидений» З. Фрейда. Сейчас группа занимается толкованием сновидений своих и клиентских (с согласия клиентов). Символическое толкование сновидений требует хорошей подготовки в культурно-антропологических темах. Я взяла на себя риск и сформировала список литературы для чтения, предварительно изучив, кто занимался мифами, символикой и ритуалами. Мы с коллегами распределили этот список между собой, и каждая встреча по толкованию сновидений у нас начинается с разбора книги, или главы из книги.

— Прекрасная идея!

— Мы серьезно работаем, мы зашли на поле исследования мифологии, на поле культурной антропологии, социальной антропологии, психолингвистики. Эти области знаний занимают, в том числе исследование мифов, символов, ритуалов. А сон во многом соткан из символики. З. Фрейд указывал, что использование символов — один из механизмов формирования ткани сновидений.

У дизайнеров, например, существует такое понятие, как «насмотренность». У психоаналитика тоже должно быть «насмотрены» мифы, истории, сказки, чтобы он видел образы, понимал, как они реализованы в разных

культурах. И, когда психоаналитик начинает читать такую литературу, у него формируется навык видения, понимания, считывания символики, понимания её многослойности, многозначности, то, что юнгианцы называют амплификацией. Сновидение видится по-другому, когда много смыслов вокруг одного и того же символа, когда идет мощное расширение смыслового контекста.

Здесь я новичок, я иду вместе с группой, осваиваю, читаю литературу. Этот интерес определил тему нашей второй конференции — тему лиминальности, которая рассматривается в социальной антропологии. Хотя и первая конференция у нас была с культурологическим подтекстом. Мы разбирали качества и свойства лиминальности и поняли, что психоанализ по своей сути лиминален. На конференции, в своем докладе великолепный социальный аналитик Андрей Андреевич Игнатъев сформулировал, что «психоанализ — это способ сделать ситуацию транзита (переноса) штатной». По его мнению, психоанализ — это новый ритуал.

— Очень интересно. Получается, такой культурологический подход позволяет расширить клинический взгляд?

— Да! И мне это очень близко потому, что я заканчивала кафедру социально-политической психологии в университете, а в ВЕИПе в период моего обучения Владимир Александрович Медведев преподавал прикладной психоанализ. Во многом мой интерес сформировался под его влиянием. Мы продолжаем сотрудничество с В. А. Медведевым, он принимал участие в обеих наших конференциях. Да, это не клинический подход. Но здесь я присоединяюсь к мнению Владимира Александровича, что психоанализ — это не раздел клинической психологии, психиатрии и медицины. Психоанализ — это мировоззрение, способ анализа любой человеческой действительности. Везде, где есть человек, там есть место психоанализу.

По аналогии с оптикой, можно говорить об оптике психоанализа. Это значит, что когда мы смотрим через психоаналитическую оптику, мы видим такие детали и аспекты, которые обычным взглядом не рассмотреть. Мы видим дальше, детальней, объемней, более выпуклым, видим связи, которые до этого были не видны. Я считаю, что задача психоанали-

тика, цель профессионала — это формирование у себя такой психоаналитической оптики.

— Интересно, откуда взялось столь оригинальное название конференции «Что сказал бы Фрейд?».

— Идею названия придумала и предложила Татьяна Владимировна Мизинова. Думаю, это название достаточно универсальное и в дальнейшем останется нашей «фишкой», брендом. Вообще, роль Татьяны Владимировны в организации наших конференций велика. Именно она подтолкнула нас к созданию собственной конференции. Она знала наших участников, знала наш уровень и потенциал и посчитала, что мы организационно и содержательно «потянем».

— Вообще, Татьяна Владимировна универсальный «двигатель», она умеет запускать подобные процессы. Ее влияние срабатывает как катализатор.

— Нам важно, когда руководитель подталкивает сделать первый шаг, поддерживает. Выполняет функцию родительской поддержки.

— Задам еще вопрос по работе со сновидениями. Ваша группа работает постоянно? Она закрытая или вы открыты для новых участников?

— Группа закрытая, поскольку люди приносят свои сны и затрагивается очень личный материал. Мы держим формат не терапевтической группы, она постоянно действует с регулярностью два раза в месяц. В группе только коллеги, в том числе ведущие свою практику. По отзывам участников, работа в группе помогает сформировать психоаналитическую оптику. Люди начинают по-другому слышать то, что говорит клиент во время сессии. Образно выражаясь, ухо аналитика «затачивается» на вычленение определенных тем, понимание текста пациента, нахождение других смыслов.

— Что еще у вас есть интересного?

— Есть детская интервизионная группа. Регулярно собираются люди, практики, которые работают с детьми для обсуждения случаев.

У нас появляются новые члены сообщества, и, что меня радует — активные! Они хорошо развиваются, сами обучаются, проходят анализ, супервизию.

— Как они вас находят?

— Я веду в Ярославском университете курс, отсюда приходят в сообщество студенты и выпускники. Также это коллеги, которые, развиваясь в другом направлении, в какой-то момент понимают, что им нужны еще знания для решения вопросов, которые не решаются в рамках других модальностей. И вообще, сейчас некий такой тренд, который я наблюдаю — мощный дрейф разных модальностей в сторону психодинамического направления. Недавно мы обсуждали в фейсбуке с автором психо-комиксов Денисом Дмитриевым причины успешности первой волны когнитивно-бихевиоральных терапевтов. Вероятно, секрет их успеха в базовой психоаналитической подготовке. И вторая волна специалистов, не имеющих психоаналитической подготовки, уже не показывала таких результатов. Третья волна — это возвращение к психоаналитическим истокам. Это версия Дениса, но мне она показалась правдоподобной. Многие коллеги из других модальностей, например, из гештальт-сообщества, интересуются, читают, посещают наши семинары.

— Один мой коллега сформулировал: «Психоанализ огромен, его очень сложно освоить весь. Можно взять из него одну идею, развить её, и получится целое направление».

— Психоанализ оказал влияние на всю культуру, в том числе на социальную и культурную антропологию, есть даже раздел «психоаналитическая антропология», когда используются психоаналитические интерпретации для объяснения явлений и процессов, происходящих в социальной и культурной жизни сообществ разного уровня организации.

Необходимо расширять свое видение, чтобы понимать, как другие не психоаналитические подходы, существующие в рамках других наук, видят и объясняют то или иное событие, и соотносить с психоаналитическим взглядом.

Например, Виктор Тэрнер вроде бы спорит с Зигмундом Фрейдом. Но, когда он анализирует появление цветовой символики, он дает абсолютно фрейдовскую психоаналитическую интерпретацию: первая цветовая символика связана с проявлениями человеческого тела. Белый цвет, красный, черный — как

Конференция «Что сказал бы Фрейд? Практика и техника психоанализа и психотерапии в современных условиях», октябрь 2019 г.

молоко, сперма, кровь, экскременты. И вся символика крутится вокруг жизненных проявлений человека, связанных с зачатием, деторождением, смертью, убийством, вокруг актов, связанных с максимальным эмоциональным, аффективным напряжением.

— **Как так случилось, что вы пришли именно в психологию и потом в психоанализ?**
— Интерес к психологии связан с моей личной историей. Мне важно было понять, почему что-то происходит в моей жизни, в моей семье. Здесь я не оригинальна, путь универсальный и довольно стандартный. А интерес к психоанализу возник во время учебы на факультете психологии, на лекциях Павла Николаевича Иванова. Мы подробно разбирали разные психологические направления, и я слышала несколько вариантов объяснения: одни сводили все к психофизиологии, другие к социальному (влияние коллектива, социума) и т. д. Но такие объяснения мне казались недостаточными. И, когда я слышала психоаналитические интерпретации, исходя из концепции бессознательного и влияния инфантильных ранних переживаний, мне они казались более убедительными, все вставало на свои места. Остальные объяснения мне казались поверхностными. Таким образом сформировались мои предпочтения.

— **Полагаю, есть ключевое отличие психоаналитического мышления и предпосылок к психоаналитическому мышлению. Есть**

люди, которые мыслят психоаналитически, даже, если они не учились (пока). Это вопрос «почему?», вопрос причинно-следственных связей, вопрос детерминизма. И есть люди, которые мыслят по-другому, они уходят в плоскость описания феноменологии, им не интересно идти вглубь. Это тоже важный подход, но с таким типом мышления психоаналитиком не стать.

— Отвечая на вопрос «почему?», психоанализ ищет ответы в личной истории индивида, конкретно в его раннем инфантильном опыте. Кроме индивидуального бессознательного есть еще коллективное бессознательное, некий универсальный опыт, который определяет психическую жизнь человека. Это более широкое понимание, выведение за рамки индивидуальной истории к истории всего человечества, потому что все человечество (или отдельные группы/сообщества) объединены некоторым универсальным опытом психической жизни.

Сам З. Фрейд писал о влиянии бессознательного не только в индивидуальной жизни. В массовых процессах мы наблюдаем коллективный регресс, где актуализируется содержание бессознательного. В культуре это содержание представлено в образно-мифологической форме. Когда масса регрессирует, эти мифы всплывают, актуализируются и начинают структурировать её активность. Важно видеть, понимать, знать эти мифы, которые начинают структурировать и направлять активность больших групп людей.

Например, информация о том, что Илон Маск готовит летательные аппараты для освоения Марса, где будет построено новое общество, которое будет жить по другим законам. Это красноречивый пример возрождения миллениаристского мифа: старый мир будет разрушен и человечество (не все, только некоторые избранные) построит Царство божие, но уже не на Земле. Некая группа людей совершит Исход, пройдет через пустыню-космос и организует справедливый мир. Это старая мифология, которая «облачается в новые одежды».

Что происходило с мифами во время пандемии? Андрей Андреевич Игнатъев в своем докладе на нашей конференции «Что сказал бы Фрейд? Эра лиминальности» говорил об актуализации темы «скверны», со всеми

элементами этой мифологии, которая абсолютно не рациональна. Можно много аналогий приводить, но, по сути дела, это массовые процессы, когда всплывает бессознательный материал и людей захватывает миф. Когда нарратив начинает определять, что будут делать люди на каждом этапе. То есть миф структурирует и направляет активность. Люди попадают в эту мифологию и все, их движение задано и результат, в общем-то, предсказуем.

Индивидуальная история — это история отношений с ранними значимыми объектами, которые затем повторяются во всех других отношениях. Истории, касающиеся больших групп людей, так же возобновляются, повторяются и представлены в социальных мифах. Знание этой мифологии приводит к пониманию дальнейшего пути. Таковы законы жанра.

— **Когда началась пандемия, у меня и у многих других было ощущение, что мы все попали в антиутопию и, то, что написано в книжках — вот оно и происходит прямо сейчас.**

— Как создается антиутопия. Берется определенная мифологическая фабула, которая имеет

разные детали, соотносимые с современным обществом. Если изучать ритуалы примитивных народов, то все эти элементы присутствуют. Ничто не ново под луной. В. Тэрнер выделяет две фазы существования социума: структуру и антиструктуру («коммунитас»). Эти фазы можно наблюдать на разных этапах развития человечества, они повторяются, чередуются. Есть ограниченный набор позиций, сменяющих друг друга. Позиционный подход психоаналитикам знаком по теории М. Кляйн, где так же говорится, что нет этапов развития, но есть две позиции, сменяющие друг друга: шизоидно-параноидная и депрессивная.

— **Прогресса на самом деле нет?**

— Есть прогресс в научно-технических областях, но направленного развития истории с какой-то конечной фазой нет. То, что мы принимаем за конечную фазу — это одна из позиций.

— **Что, по вашему мнению, нас, как специалистов, может поддержать в эти нелегкие времена? На что мы можем опираться?**

— Как ни парадоксально, способность оставаться в лиминальной позиции и удерживать

Семинар Е.В. Змановской «Практика супружеского консультирования и парной терапии», март 2016 г.

эту лиминальность. Я вижу две противоречивые вещи. С одной стороны, работа аналитика требует огромной внутренней стабильности — наша жизнь структурирована ежедневным приемом пациентов. Когда приходит пациент, мы понимаем, что он пришел на 3–5 лет, будет ходить два-три раза в неделю долгий период времени. И я эти два-три часа в неделю должна быть в кабинете обязательно. Так построена вся жизнь психоаналитика. Требуется огромная стабильность на длительной дистанции, это, образно говоря, вечная жизнь «кормления грудью по расписанию». То, что в психоанализе обозначается как рамка, кадр, сеттинг. С другой стороны, требуется постоянная готовность психоаналитика находиться в состоянии неопределенности, неструктурированности. Как говорил на нашей конференции Ярослав Игоревич Коряков, пациент все время пытается «втянуть» аналитика в свою структуру привычных для него отношений. А аналитик все время «выскальзывает», и через это обнаруживается перенос, во многом благодаря способности психоаналитика не встраиваться ни в какую схему. Задача аналитика — не воспроизводить знакомую и понятную структуру социальных отношений, в которой живут люди вне аналитической ситуации. Аналитик вне структуры, это лиминальные отношения.

— Очень интересная тема про внутренний и внешний сеттинг. Про то, что такая жесткая стабильность и рамка нам нужна для того, чтобы внутри можно было себе позволить быть максимально чувствительным к неопределенности, к изменениям.

— Способность не встраиваться в структуру привычных социальных отношений. Лаканисты часто используют понятие «место». Психоаналитик — это «место»... Я сначала не понимала этого, пока на семинарах мы в суждениях не разобрались. Аналитику платят не за выполненную работу, не за то, чтобы он делал какие-то определенные вещи. Аналитику платят за то, чтобы он занял определенное место в психической жизни человека,

в его внутренней реальности, там находился и удерживался в этой позиции.

— Я для себя формулировала, что психоаналитику платят за время. То есть, у меня покупают не результат, а мое время. А вы говорите, по сути, это время необходимо для того, чтобы сформировалось место. Но есть же пациенты, у которых это место не может сформироваться? Я сейчас говорю об объектном и функциональном переносе.

— Все равно мы занимаем определенное место в их психической реальности, функция — это тоже место.

Еще хочется сказать вот о чем. К концу 2000 года я выпала из всех процессов в сообществе частично потому, что ощутила некоторую «нездоровость» процессов, происходивших в профессиональном сообществе в то время. И, когда я в 2012 году вернулась, фактически я попала в начало нового процесса, в начало «оздоровления» сообщества. Я рада тому, как все организовано сейчас, как существует сейчас сообщество.

Мне нравится то, что сейчас происходит в ЕАРПП, как развиваются регионы, как руководство относится к нам, как помогает, поддерживает.

— И мой последний вопрос. Расскажите о вашей профессиональной активности в соцсетях. У вас такая интересная страница в Фейсбуке!

— Да, у нашего РО есть своя группа в соцсетях (<https://www.facebook.com/groups/317353941797614>), в которой мы размещаем информацию о наших мероприятиях и мероприятиях других профессиональных сообществ, а также интересные статьи по психоанализу, информацию о новых изданиях. На большее, к сожалению, нет времени, так как, к счастью, много работы с клиентами.

— Спасибо за интересный и содержательный разговор! п

Беседовала Гридаева Галина Витальевна

Символика ритуала перехода в сновидениях

Метельская
Юлия Сергеевна

Исследование сновидческого материала имеет в психоанализе давнюю традицию. С 1896 г. Фрейд регулярно исследует собственные сновидения с целью лучше понять причины, инфантильные истоки своих симптомов. Такой самоанализ позволил в результате в 1899 г. появиться его фундаментальному труду «Толкование сновидений» (1895–1899) [5]. Понимание механизмов формирования сновидений позволило З. Фрейду прийти к пониманию механизмов функционирования психического аппарата в целом, заложить основы метапсихологии и обнаружить, что у бессознательного есть своя логика — логика свободных ассоциаций. Именно свободные ассоциации дают возможность подойти к скрытому, или латентному содержанию сновидения и выявить желание, галлюцинаторное исполнение которого (1900) или, как позднее заметил Фрейд, «попытка исполнения желания» (1925), и является механизмом формирования сновидения.

Явное содержание сновидения формируется в результате действия следующих описанных З. Фрейдом механизмов: сгущение, смещение, образительность (образность), использование символов, вторичная переработка. Толкование сновидений есть дешифровка явного содержания сновидения и обнаружения того самого вытесненного желания.

Благодаря ассоциациям сновидец обретает способность проводить параллели между весьма отдаленными друг от друга предметами. По существу, сновидение можно назвать гипер-ассоциативным состоянием.

В результате сгущения сжимается материал сновидения, позволяя одним элементом продемонстрировать несколько скрытых мыслей, а так же представлять одну мысль несколькими элементами явного содержания. Следующий механизм — смещение, замена одного на другое. В результате механизма символизации происходит замена некоторых индивидуально значимых конкретных представлений на универсальные символы, известные из мифов, ритуалов, легенд и относящихся к типичным переживаниям, общим для всех людей. Эти символы связаны с основными телесными ощущениями и восприятиями, сексуальными чувствами и переживаниями раннего детства. Фрейд выделил и перечислил основные символы и их значения, его символизм очень телесен и сексуален.

При толковании сновидений З. Фрейд использует два пути: ассоциативный и символический. Понимание элементов сновидения заключается в том, что они не являются собственными содержаниями, а заместителями чего-то другого, не известного видевшему сон, заместителями чего-то, о чем видевший сон знает, но это знание ему недоступно. Техника свободных ассоциаций состоит в том, чтобы проявить эти замещающие представления, а знание символики позволяет раскрывать смыслы через понимание символического значения элементов сновидения.

Эрнест Хартманн (Ernest Hartmann) — американский психоаналитик, профессор Тафтского университета, руководитель центра

по изучению сновидений, сделал сдвиг от эпистемологического (относящегося к знанию и пониманию) толкования сновидений к онтологическому (относящемуся к бытию и становлению) и выделил взгляд на природу сновидения как регулятора психического напряжения, считая, в том числе, что психотерапия не является «открытием», сделанным в ходе лечения различных болезней, а скорее, речь идет об исцелении путем подражания естественным физиологическим и психическим процессам, в частности, сновидению: «Сновидение и психотерапия связаны с освобождением ассоциаций, профилактикой «отреагирования» и построением разнообразных психологических взаимосвязей в безопасной обстановке» [6].

Благодаря ассоциациям сновидец обретает способность проводить параллели между весьма отдаленными друг от друга предметами. По существу, сновидение можно назвать гипер-ассоциативным состоянием или процитировать в этой связи определение терапевта-экзистенциалиста Эрика Крейга (Eric Craig): «Во время сна возможности человека больше, чем наяву; «открытый дом» сновидения почти не охраняется». В течение сновидения возникают более масштабные и «периферийные» взаимосвязи, чем в процессе мышления в состоянии бодрствования; построение взаимосвязей позволяет создавать определенный контекст для доминирующей эмоции сновидца.

Хартманн считает, что построение взаимосвязей в безопасной обстановке — это не просто естественный элемент сновидения, а его базовая функция. На его взгляд, сновидения выполняют квази-терапевтическую функцию в процессе интеграции травмы, адаптации стресса и осмысления новых драматических или неоднозначных событий. Сновидения дают такую возможность, поскольку обладают рядом особенностей, о которых говорилось выше: сверхсвязностью, обусловленной конденсацией; способностью создавать контекст в соответствии с доминирующей эмоцией, совмещать соответствующие контексты и выражать комплекс понятий в одном образе или одной зримой метафорой. Сновидение строится не на последовательности, а скорее на соответствиях. Оно рассматривает «множество вещей одновременно», а не «одну вещь за другой».

Хартманн, предлагая отличную от подхода Фрейда концепцию сновидений, в которой основной акцент ставится не на «интерпретации» сновидений, а на ассоциативной и квази-терапевтической функции процесса сновидения в целом, тем не менее, развивает идеи Фрейда. Гипер-ассоциативное состояние позволяет контекстуализировать актуальные переживания сновидца, устанавливая связи, способствовать переработке аффекта, стоящего за нереализованным желанием.

Кроме сновидения аналогичную функцию выполняет в той, или иной степени культура в целом. Не случайно Фрейд, начав свои исследования с естествознания, медицины и психотерапии постепенно обратился к проблемам культуры. Он предпринял попытку объяснения культурной жизни через открытые им законы психической жизни индивида. Культура с точки зрения психоанализа — это спроецированное вовне содержание индивидуальной психики, представленное в образно-мифологической форме. З. Фрейд в своих работах «Недовольство культурой», «Тотем и табу», «Массовая психология и анализ человеческого я» раскрыл амбивалентную роль культуры как источника и одновременно способа защиты от страданий.

В работе «Навязчивые действия и религиозные отправления» (1907) З. Фрейд разбирает сходство бессознательных механизмов, лежащих в основе религиозного ритуала и невротической церемонии: наличие смысла и значения, угрызения совести при неисполнении, полная изоляция (запрет смешивать определенные явления/предметы/действия), внимание к мелочам. Но он выделяет и различия: большее индивидуальное разнообразие

Культура с точки зрения психоанализа — это спроецированное вовне содержание индивидуальной психики, представленное в образно-мифологической форме.

церемоний в противоположность стереотипности религиозного ритуала (молитвы и т.п.), частный характер первого, публичность и общественный характер второго: «Невроз навязчивости поставляет здесь наполовину комичную, наполовину грустную карикатуру на приватную религию. Между тем именно это самое глубокое различие между невротическим и религиозным церемониатами устраняется, если с помощью психоаналитической техники исследования прийти к пониманию навязчивых действий. В результате такого исследования видимость того, будто навязчивые действия глупы и бессмысленны, полностью разрушается и вскрывается подоплека этой видимости. Из него узнаешь, что навязчивые действия полностью и во всех деталях рациональны, служат важным интересам личности и выражают продолжающиеся действовать переживания, а также катектированные аффектом мысли. Они делают это двояким образом — в виде либо непосредственных, либо символических изображений; стало быть, их следует толковать либо исторически, либо символически» [4, с. 14].

Далее Фрейд продолжает: «После выявления этих соответствий и аналогий можно, пожалуй, взять на себя смелость сказать, что невроз навязчивости следует понимать как патологический эквивалент религиозного образования, невроз — как индивидуальную религиозность, а религию — как всеобщий невроз навязчивости. Самое важное соответствие заключается в том, что в их основе лежит отказ от осуществления конституционально данных влечений; самое главное их отличие — в природе этих влечений, которые при неврозе имеют исключительно сексуальное происхождение, а в религии — эгоистическое» [4, с. 20]. Таким образом, в ритуале, по мнению З. Фрейда, происходит воспроизведение внутреннего конфликта, искупление вины, восстановление внутреннего равновесия, но одновременно ритуал позволяет быть захваченным бессознательными желаниями, проявленными символически. Ритуал, таким образом, есть внешнее разыгрывание внутреннего конфликта и его разрешение на символическом уровне. Но то же самое значение имеет и сновидение, так же точно выполняя функцию галлюцинаторного снятия напряжения на образно-символическом

уровне. Это сходство увидел сначала Фрейд, а вслед за ним, преодолев осторожность в интерпретациях, и некоторые (наиболее смелые) культурные и социальные антропологи, исследующие ритуалы и этнографический материал полудивилизованных народов, и обратившиеся к фрейдовской интерпретации символики. [2, 3].

И действительно, взгляды социальных антропологов на ритуал в некоторых моментах близки взглядам психоаналитиков. Часть из них прямо обращается к психоаналитической терминологии при объяснении смысла ритуала. Так, например, Виктор Тэрнер (Victor W. Turner) в работе «Символ и ритуал» определяет ритуал как стереотипную последовательность действий, которые охватывают жесты, слова и объекты, исполняются на специально подготовленном месте и предназначаются для воздействия на сверхъестественные силы или существа в интересах и целях исполнителей.

Исследуя гадания и ритуалы племени ндембу, Тэрнер и находит их смысл в выявлении скрытых мотивов и чувств у членов семейной группы, явившихся причиной каких-либо проблем (часто болезней). Вообще важная вариация темы в ритуале ндембу в целом: «вынесение на свет того, что скрыто или неведомо». По смыслу, задачи ритуала близки к задачам психоанализа и сновидения как природного психотерапевта — придать видимую форму незнакомым вещам: они выражают в конкретных и привычных понятиях скрытое и непредсказуемое, только в случае полудивилизованных народов под этим скрытым и непредсказуемым понимаются потусторонние силы, а для психоаналитиков — бессознательное.

Говоря о символах в ритуальном процессе, Тернер соглашается с психоаналитическим видением о связи символов с эмоциями. «В публичном ритуале ндембу о символах можно сказать, что они стимулируют эмоции. У обоих видов символов есть множество значений, однако в собственно ритуальных символах те значения/смыслы, которые представляют эмоционально нагруженные явления и процессы, такие, как кровь, молоко, семя и фекалии, смешаны и сконденсированы с *significata*, представляющими аспекты социальных добродетелей — матрилинности, брака, вождества и т.д. — или таких

достоинств, как щедрость, почитание предков, уважение к старшим, мужественная прямота и т.п. Эмоциональные, главным образом физиологические, референты могут передать свои качества этическим и нормативным референтам, добываясь того, что более всего желательно. Кажется, что они, как писал Сэпир, «пускают корни в бессознательное» и, я бы добавил, выносят наверх живительные соки, передавая их сознанию» [3, с. 45].

Анализируя появление цветовой символики, Тэрнер дает абсолютно фрейдовскую психоаналитическую интерпретацию: первая цветовая символика связана с проявлениями человеческого тела. Белый цвет, красный, черный — как молоко, сперма, кровь, экскременты. И вся символика крутится вокруг жизненных проявлений человека, связанных с зачатием, деторождением, смертью, убийством, вокруг актов, связанных с максимальным эмоциональным, аффективным напряжением и осознанием сильных физиологических переживаний. «Цветовая триада белое-красное-черное представляет архетип человека как процесс переживания наслаждения и боли. Восприятие этих цветов и осознание триадных и диадных отношений в космосе и обществе, непосредственное или метафорическое, является производным этого изначального психофизиологического опыта, который может быть полностью приобретен лишь во взаимодействии людей. Для зачатия требуются двое, и двое участвуют также в акте кормления, в борьбе и убийстве (Каин и Авель), а в формировании семьи уже участвуют трое. Множества накладывающихся друг на друга классификаций, образующих системы идеологии, которые контролируют социальные отношения, суть уже производные от этих изначальных двоих и троих, очищенные от их первичного эмоционального фона. [...] Представив эти «силы», или «нити жизни», цветовыми символами в ритуальном контексте, люди приобрели ощущение, что они в состоянии «приручить» эти силы и использовать их в социальных целях» [3, с. 72].

Кроме схожести взглядов на происхождение символики, у антропологов и психоаналитиков схожие идеи относительно понимания ритуала как способа разрядки напряжения в социальной системе. В работе

проф. Эванс-Притчарда (Evans-pritchard E. E.) «Некоторые коллективные выражения скабрёзности в Африке» скабрёзность объясняется следующим образом: 1) снятие обществом его обычных запретов особым образом подчеркивает социальную ценность деятельности; 2) оно также направляет эмоции в периоды кризисных ситуаций по предписанным каналам выражения: «Нерастроченная энергия, высвобождаемая откровенной символикой сексуальности и враждебности между полами, направляется на высокие символы, представляющие структурный порядок, а также ценности и достоинства, которые служат основой этого порядка. Каждая оппозиция преодолевается во вновь обретенном единстве, в том единстве, которое помимо прочего укрепляется теми же самыми силами, что угрожают ему. Эти обряды демонстрируют способность ритуала поставить на службу общественного порядка сами силы беспорядка, присущие складу человека как млекопитающего. Биология и структура поставлены в надлежащие отношения посредством введения в действие упорядоченной последовательности символов, которые имеют двойную функцию: коммуникации и действительности» [3, с. 115]. Общество стремится существовать, избегая разрушительной напряженности, и культуре и ритуалу надо учесть возбуждающие реакции на структурные перемены и переломы. Ритуал подразумевает удовольствие от временного снятия запрета, плюс удовольствие от экстравагантного поведения. Ритуалы усиливают структуру, «щели и бреши» между позициями необходимы для структуры.

Таким образом, сновидения и ритуал выполняют одну и ту же функцию — снятие разрушительной напряженности, только сновидение выполняет эту функцию на уровне индивидуальной психики, а ритуал — на уровне социальной группы, закрывая бреши там, где индивидуальная психика не справляется. Сновидения и культурные ритуалы дополняют друг друга, имеют один и тот же источник формирования образно-символического материала и схожие механизмы функционирования психики, представляя собой социально санкционированную «отдушину», позволяющую отдельным индивидам (в случае сновидения) и подгруппам выражать, преодолевать

По смыслу, задачи ритуала близки к задачам психоанализа и сновидения как природного психотерапевта — придать видимую форму незнакомым вещам: они выражают в конкретных и привычных понятиях скрытое и непредсказуемое, только в случае полудивилизованных народов под этим скрытым и непредсказуемым понимаются потусторонние силы, а для психоаналитиков — бессознательное.

и трансформировать свои подавленные желания, неразрешимые конфликты, сексуальные или агрессивные стремления, страхи. Социальные антропологи, а следом и фольклористы взяли на вооружение объяснительный принцип психоанализа — ритуал/фольклорный материал что-то означает и требует интерпретации. Как правило, при таком подходе особенности интерпретируемого явления сводились к одному и тому же фактору — проявлению бессознательного.

Психоаналитики в свою очередь так же могут использовать некоторые из объяснительных принципов антропологии и предположить, что, если в сновидении используются отдельные символы культуры, то могут использоваться и элементы ритуалов и церемоний, проявляясь в явном содержании сновидения в определенной динамике, последовательности появления определенных символов, повторяя динамику ритуального процесса. Существенный вклад в исследование динамики ритуального процесса внес Ван Геннеп (Arnold van Gennep). Ван Геннеп предложил рассматривать всю жизнь человека как

процесс переходов от одной структурной позиции в социуме к другой. Эти позиции определяются принадлежностью к той или иной возрастной, профессиональной, статусной, гендерной группе и множеству других групп, в зависимости от того, как структурирован социум. Каждый переход сопровождается определенным ритуалом, обрядом и эта традиция сохраняется с древнейших времен по настоящее время, и легко обнаруживается в современном мире.

В работе «Обряды перехода» [2] Ван Геннеп обращает внимание на то, что практически любой ритуал, обряд имеет три выраженные фазы: отделение — фаза лиминальности — воссоединение/включение. Первая фаза (разделение) включает в себя символическое поведение, означающее открепление личности или группы от занимаемого ранее места в социальной структуре или от определенных культурных обстоятельств («состояния») либо от того и другого сразу. Во время промежуточного «лиминального» периода особенности ритуального субъекта («переходящего») двойственны; он проходит через ту область культуры, у которой очень мало или вовсе нет свойств прошлого или будущего состояния. Лиминальная фаза имеет особое значение в ритуалах перехода, так как именно в этой фазе происходят преобразования, трансформации, позволяющие перейти субъекту на новый структурный уровень. Среди характеристик лиминальности можно выделить структурную невидимость неопита (изолируются от сферы повседневной жизни), наличие маски или налагание обета молчания (делают неслышимым), лишение секулярного статуса и прав на собственность, подвергание испытаниям с целью научения смирению. В третьей фазе (восстановления, или воссоединения) переход завершается. Ритуальный субъект — личность или группа — опять обретает сравнительно стабильное состояние и благодаря этому получает vis-a-vis к другим права и обязанности четко определенного и «структурного» типа. Ожидается, что ритуальный субъект будет вести себя здесь в соответствии с определенными обычными нормами и этическими стандартами, регламентирующими поведение тех, кто занимает определенное социальное положение в системе таких положений.

Исследуя сновидения участников группы «Королевская дорога к бессознательному» (проект РО-Ярославль, ЕАРПП), мы обратили внимание на сны, отражающие в символической форме переживание перехода, инициации (по Ван Геннепу, частный вариант обрядов перехода) возникающих в реальной жизни сновидца. Данные сновидения имели в своем содержании, в той или иной степени прозрачности, некую общую динамику, включающую ранее описанные фазы: отделение — лиминальность — включение. На материале предложенных сновидений можно выделить элементы сновидения, символически отражающие особенности каждого этапа. Подчеркнем, что при интерпретации сновидений в группе сновидцы исследовали свои ассоциации, ведущие к содержанию их бессознательного, индивидуальной психической жизни. Но в данном случае, по понятным причинам, мы упускаем и не описываем интерпретации, относящиеся к этому уровню анализа сновидений, концентрируясь на цели нашего исследования: выделение и описание элементов сновидения, отражающих динамику, свойственную ритуалам инициации. При таком подходе мы сосредотачиваемся на выделении не отдельных символов, а темы, как же точно, как мы идентифицируем эдипальную проблематику по определенной конфигурации последовательности событий, действующих лиц и их функций, так и здесь мы можем обнаруживать сюжет, отражающий тему перехода из одного состояния в другое, отделения-включения. Говоря языком психоаналитической терминологии, в данных сновидениях поднималась тема сепарации, являющейся главной темой ритуалов перехода, но знание динамики и символики ритуалов, дает нам расширение взгляда на материал сновидения.

Сновидение 1:

«Мы с L (дочь сновидца) в театре. Ряды партера расположены перпендикулярно сцене, мы сидим у центрального прохода, L на втором ряду, от сцены, я — на третьем. Театр красивый, роспись на стенах, люстры, бархатные кресла. Декорация на сцене состоит из трех частей. Слева квартира, кухня, требующая ремонта, центральную часть не помню, справа — море и галечный пляж. Начинается

представление, я знаю, что это современная постановка и ни чему не удивляюсь. Артисты начинают диалог с залом, публика охотно откликается. Одного зрителя приглашают подняться на сцену. Кто-то из артистов протягивает L руку, она подает руку в ответ, встает и следует за актером. Между ними завязывается диалог — это часть спектакля, я удивляюсь, откуда L знает текст, радуюсь и люблюсь ей. Вдруг на сцене начинается дождь, все радуются и поют, как в мюзикле, и L с ними. В это время со сцены спускаются некоторые актеры. Один из них направляется в мою сторону, у него ноги обмотаны целлофаном, имитирующим рыбацкие сапоги. Он занимает освободившееся рядом со мной место, я узнаю V (мужа). Мне радостно и мы продолжаем смотреть спектакль. L на троне в центральной части сцены, в костюме императрицы, у нее красивая прическа и она по-прежнему знает все реплики. Спектакль заканчивается, артисты выходят на поклон, звучат овации, много света и цветов. Артисты уходят со сцены, держась за руки. L уходит последней. Зрители расходятся, мы остаемся на местах, я жду L. Все зрители ушли, свет погас и V говорит мне, ты не поняла, она не выйдет, ее взяли в труппу».

Белый цвет, красный, черный — как молоко, сперма, кровь, экскременты. И вся символика крутится вокруг жизненных проявлений человека, связанных с зачатием, деторождением, смертью, убийством, вокруг актов, связанных с максимальным эмоциональным, аффективным напряжением и осознанием сильных физиологических переживаний.

Рассмотрим, какие элементы взятых нами сновидений указывают на этапы ритуала инициации.

1. Особое место действия. В данном сновидении в качестве места действия выступает сцена. В реальных ритуалах, как правило, выделяется специально организованное пространство, отделяющее сакральное от профанного. Существуют символические пространства, прямо отсылающие к ритуалу и являющиеся его референтами. Сцена — одно из таких символических пространств. Зарождение театра напрямую связывают с празднествами в честь бога Диониса. Сама сцена в анализируемом нами сновидении так же разделяется на 3 части. Сновидец помнил 2 из них: кухня/ квартира, требующая ремонта и море, галечный пляж. Кухня может рассматриваться как место преобразования, трансформации, приготовления чего-то, где из разрозненных ингредиентов образуется нечто целое, обладающее новыми свойствами. При этом тема преобразования усиливается тем, что сама кухня — «требующая ремонта» — то есть, требует преобразования, трансформации. Море, вода отсылает к пурификационным (очистительным) практикам. Далее тема очищения усиливается появлением дождя и имитацией рыбацких сапог у другого из действующих лица.

2. Отделение. Отделение в сновидении изображено непосредственно через переход главного действующего лица из зрительного зала на сцену. Отделение в данном случае выражается как пространственно (переход из пространства зрительного зала в пространство сцены), так и сменой позиции — с пассивной (зритель) на активную (актер).

3. Лиминальность. В данном сновидении фаза лиминальности соответствует пребыванию непосредственно на сцене в роли актера. Актер сам по себе является лиминальной фигурой, выведенной за границы повседневности и наделенной характеристиками сакральности (напомним, что до определенного времени актеры хоронились за территорией кладбища). Трон, как и любое нахождение на возвышенности так же отражает состояние перехода (нахождение между небом и землей). Костюм, маска так же являются атрибутами лиминальной фазы (за маской скрывается старая идентичность). Дождь

как пурификационный (очистительный) символ так же отражает смысл пребывания в лиминальной фазе как места ритуально-го очищения/преобразования. В лиминальной фазе могут проходить различные испытания. В данном сновидении прохождением испытания является знание роли («знает все реплики»).

4. Включение. «Принятие в труппу» выступает здесь как изменение статуса, включение в какую-то новую группу, успешное прохождение испытаний, кастинга.

Сновидение 2:

«Иду с сыном по торговому центру, заходим в какой-то магазинчик, где полно висит всякой одежды, я в ней роюсь, замечаю, что она какая-то типа секонд-хенд, мятая, немодная... ничего не могу найти хорошего. Рядом с нами ходит какой-то мужик с подозрительной внешностью алкаша, какой-то помятый и не чистый. Вдруг я замечаю, что мой сын куда-то пропал и пропал этот алкаш... Выбегаю из магазинчика в панике, думаю, как найти сына. Вспоминаю, что при торговых центрах есть комната, где могут помочь найти пропавших детей. Я прихожу в эту комнату, там сидит женщина (и вообще все там сотрудницы женщины) я ей рассказываю про пропажу, она начинает меня успокаивать и говорит, что сейчас сделают все возможное... От них пошли какие-то люди на поиски, но сын так все и не находился. Я опять начинаю нервничать, думаю, ну кому я доверилась — женщинам, что они смогут сделать то, и понимаю, что мне надо самой что-то еще предпринять, так как возможно, что тот мужик в магазине похитил его... и каждая секунда дорога. Выбегаю в коридор этого ТЦ и вижу, там висит старый железный телефон-автомат времен СССР, беру трубку и начинаю набирать номер милиции. На том конце провода ответил мужчина-милиционер и я, почувствовав облегчение, что теперь все будет хорошо, стала рассказывать, что у меня похитили сына. В этот момент кто-то кладет мне руку на плечо сзади, я поворачиваюсь и вижу сына, тут же отменяю свой вызов милиции и кладу трубку. Очень рада, что он нашелся и начинаю расспрашивать его «Ну, все ли нормально? Он тебе ничего плохого не сделал тот мужик?» На что сын ведет себя странно,

Таким образом, сновидения и ритуал выполняют одну и ту же функцию — снятие разрушительной напряженности, только сновидение выполняет эту функцию на уровне индивидуальной психики, а ритуал — на уровне социальной группы, закрывая бреши там, где индивидуальная психика не справляется.

не жалуется, сдержан и отводит глаза в сторону при этом вопросе».

Рассмотрим, какие элементы взятых нами сновидений указывают этапы ритуала инициации в этом сновидении.

1. Место действия. Как и в предыдущем сне — это некое публичное пространство, в котором происходит поиск новой идентичности. Выбор одежды, переодевание, раздевание — распространенный мотив обрядов инициации, «рядиться в одежды» имеет смысл примеривания другой социальной роли. Расхожие выражения «переобуться на ходу», «переобуться в воздухе» имеют значение изменения позиции человека по какому-либо вопросу.

2. Отделение. В данном сне отделение представлено как пропажа/похищение. Похищение/кража, по мнению Ван Геннепа, является частью церемоний отделения в различных обрядах перехода. Сам мотив кражи/похищения служит выражением значимости и ценности для группы человека ее покидающую, настолько высокой, что группа не может расстаться с ним добровольно.

3. Лиминальность. Символически представлена в виде нескольких элементов сновидения. Секонд-хенд, «алкаш», нечистота, помятость — атрибуты нахождения вне контекста «социальной нормальности». «Алкаш» выступает как лиминальная фигура, имеющая характеристики нечистоты, моральной и ри-

туальной. Комната, где находят пропавших детей, может быть рассмотрена как переходное, промежуточное пространство временного убежища (нахождение «ни там, ни здесь»), в котором субъект неприкосновенен. Лиминальная фаза так же предполагает подверженность испытаниям, некоторые из которых могут представлять опасность для жизни и здоровья субъекта, что присутствует в данном сне в виде переживания за безопасность сына, восприятие жертвенной позиции сына, страха каких-то опасных манипуляций с ним. Исчезновение сына символизирует его изоляцию, невидимость, молчание — характерные черты неопита. Так же, как и то, что он не жалуется, сдержан — практически требование к неопиту, проходящему испытания.

4. Включение. В конце сна происходит возвращение сына, воссоединение, но в каком-то новом качестве, так как во сне явно присутствует намек на то, что с ним произошли какие-то изменения, скрытые от понимания сновидца. Сновидец понимает, что что-то произошло, какие-то изменения, но они для него неизвестны.

Таким образом, сновидение и ритуал имеют одни и те же психодинамические механизмы:

- снижение психического напряжения (в психическом аппарате/социальной структуре). В одном случае через галлюцинаторное удовлетворение желания, в другом — за счет максимального приближения к сновидческому состоянию работы психики через контролируемую регрессию в ритуале. Ритуал — контролируемая регрессия, стимуляция бессознательного с одновременным приданием структуры через мифы, образы, символы;
- сновидение и ритуал — гипер-ассоциативное состояние, предполагающее расширение структуры в смысле Леви-Стросса;

- удовлетворяется потребность в регрессии. Сон-регрессия к галлюцинаторному функционированию психики. Ритуал — контролируемая регрессия и исполнение желания на символическом уровне;
- как телесный опыт является источником символика, так сновидение является механизмом регуляции напряжения в психике, данным природой и который на уровне культуры трансформируется в ритуал;
- кроме сходства символика в содержании ритуалов и сновидений можно обратить внимание на то, что и там и там может появляться не только один и тот же символический ряд, но, в случае ритуалов перехода, воспроизводится одна и та же динамика процесса, проявляющаяся в определенной последовательности фаз отделение — лиминальная фаза — включение. ■

БИБЛИОГРАФИЯ:

1. Алан Дандес. Фольклор: семиотика и/или психоанализ. — М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2003.
2. Арнольд Ван Геннеп. Обряды перехода. — М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1999.
3. В. Тернер. Символ и ритуал. — М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1983.
4. З. Фрейд. Навязчивость, паранойя и перверсия. — М.: ООО «Фирма СТД», 2006.
5. З. Фрейд. Толкование сновидений. — М.: Эксмо, 2020.
6. Эрнест Хартманн. Построение взаимосвязей в безопасной обстановке: являются ли сновидения психотерапией? (<http://appsib.ru/wp-content/uploads/2020/03/398-Э>). — Хартманн. — Построение-взаимосвязей-в-безопасной-обстановке. — Являются-ли-сновидения-психотерапией.doc).

ПСИХОАНАЛИЗ КУЛЬТУРЫ

Проблема становления культуры является одной из центральных для гуманитарных наук. Обширность исследований о взаимоотношениях между процессами происхождения человека и развития культуры и общества, вопросы о психологическом наполнении культуры и ряд других поражает своей масштабностью. Ллойд Демоз (1931–2020 гг.) — один из основателей научного направления «психоистория» выдвинул гипотезу о шести господствующих моделях (стилях) отношения к детям на протяжении истории, связал их с особенностями развития цивилизации в каждый конкретный исторический период. Наибольшее внимание авторы публикуемой статьи уделяют современному «помогающему» стилю. Из-за сходства структуры этого стиля воспитания со стилем «детоубийства», характерным для VIII в. до н.э. — IV в. н.э., и по аналогии с ним, современный стиль воспитания детей авторы именуют «душеубийственным», детально описывают его.

Именно с появлением этого стиля связаны процессы, названные «возвращением Средневековья». Центральная проблема средневекового воспитания — незавершенная сепарация. В наиболее ярких своих проявлениях это приводит к таким социальным явлениям как кочевой образ жизни, дауншифтинг,

маргинальность, социальный эскапизм, бегство в виртуальную реальность — реализуется защитная фантазия этого стиля воспитания, связанная с отказом от родительских фигур. Определенные параллели между средневековым образом жизни и мысли и современным обществом эпохи постмодерна прослеживаются в современных общественно-культурных явлениях: религиозные шествия, карнавалы, массовые танцевальные психозы в Средневековье и гей-парады, карнавалы секс-меньшинств, массовые психозы (признания жертв изнасилований и сексуальных домогательств, допинговые, шпионские и кибер-скандалы, BLM и ЛГБТ-активизм) современности. В том, что касается искусства, корреляция также прослеживается, где-то довольно прямо, а где-то в завуалированном виде. Осмысление подобных культурных параллелей значимо для понимания современных проблем, характерных для представителей так называемой «западноевропейской» цивилизации, её социально-исторических, политических реалий; бессознательных процессов, скрывающихся за ширмой технического прогресса; ведущих акцентов в межпоколенческих отношениях и воспитании детей; современного контекста культуры и искусства, его форм и символов и множества других.

Психогенез культуры: средневековые эпохи постмодерна

Шлыкова Ирина Юрьевна

- психолог, тренинг-аналитик и супервизор ЕАРПП (Россия) и ЕСРР (Vienna, Austria)

Симонова Анна Вадимовна

- дизайнер-иллюстратор
- психолог

Оформившиеся в настоящее время тенденции в социокультурной жизни современного общества, в основном западного, заставляют некоторых наблюдателей этого процесса говорить о возвращении Средневековья. Психолог располагает подходящим понятийным аппаратом, чтобы рассуждать о причинах и следствиях этих явлений, а также делать ряд прогнозов. Во второй половине прошлого века Ллойд Демоз (Lloyd Demause) сформулировал гипотезу, что социокультурные феномены являются следствиями бессознательных фантазий, которые появляются в социуме в результате трансформации у взрослых их детских страхов и желаний, формирующихся под влиянием воспитания [7]. Эти идеи позволили Демозу построить непротиворечивую картину, описывающую динамику социокультурных процессов на протяжении достаточно длительного периода истории от древности до середины XX века. Такие социокультурные феномены Демоз назвал психогенными стилями воспитания. Психогенные стили определяют предельно достижимый уровень развития личности и создают типичные для каждого исторического периода конфликты и защитные механизмы, которые обуславливают искусство, религию, политику и эконо-

мику своего периода. На основании анализа исторических, социологических фактов и сформулированной теории, Ллойд Демоз выделял следующие стили воспитания детей в Западной Европе:

1. Детоубийство (VIII в. до н.э. — IV в. н.э.).

- желания родителей: мать — «я хочу, чтобы ты умер, тогда я избавлюсь от страха, что меня убьёт моя мать»;
- фантазия бедствия: мать убьёт меня;
- фантазия защиты: отец убьёт меня;
- фантазия желаемого: отец спасет меня от смерти.

2. Отказ (IV–XIII вв.).

- желания родителей: мать — «я должна тебя покинуть, чтобы избежать искушения сделать тебя предметом своих проекций»;
- фантазия бедствия: мать отказалась от меня;
- фантазия защиты: я отказался от отца/матери;
- фантазия желаемого: отец/мать не отказались от меня.

3. Амбивалентный (XIV–XVII вв.).

- желания родителей: мать — «ты плохой, ты должен служить вместилищем моих эротических и агрессивных проекций»;
- фантазия бедствия: мать ненавидит меня;
- фантазия защиты: мать будет любить меня, если я буду хорошим;
- фантазия желаемого: я люблю отца/мать».

4. Навязывающий (XVIII в.).

- желания родителей: мать — «я буду тебя любить при условии полного над тобой контроля»;
- фантазия бедствия: мать контролирует меня;
- фантазия защиты: я приму руководство от матери;
- фантазия желаемого: я — контролирующий отец.

5. Социализирующий (XIX — середина XX вв.).

- желания родителей: мать и отец — «мы будем тебя любить, если ты будешь добиваться наших целей»;
- фантазия бедствия: мать делает меня своим представителем;
- фантазия защиты: я делаю группу своим представителем;
- фантазия желаемого: теперь я свободен.

6. Помогающий (середина XX века — наши дни).

- желания родителей: мать и отец — «мы любим тебя и поможем в достижении твоих целей».

К сожалению, присутствующая в работах Л. Демоза идеализация формирующегося в 50–70-х годах XX века стиля воспитания, которому он дал название «помогающий», не позволила ему сделать достаточно убедительной для сегодняшнего читателя эту успешно развиваемую им теорию. Л. Демоз предполагает, что в каждом последующем стиле воспитания присутствует всё больше эмпатии и взаимопонимания между родителем и ребёнком. При всей привлекательности предложенной схемы она очевидно несовершенна и уязвима для критики. Вызывает сомнения прежде всего идея помогающего стиля как завершающего, идеального и свободного от недостатков. Но если мы говорим о стиле, то речь идёт о ригидности в отношениях, в которых нет места эмпатии и учёту индивидуальных особенностей ребёнка, ведь стиль возникает там, где эмпатия недостаточна. В любом из стилей вместо реального эмпатического взаимодействия есть схема отношений и фантазия о них, то есть проективно-возвратные реакции (обозначенные Л. Демозом как стиль) сосуществуют наряду с эмпатией, восполняя её недостаток. На практике в 50–70-х годах XX века действия родителей в отношении своих детей можно назвать гиперпекающими. Следствием такого отношения является массивное формирование у ребенка ложной самости (false self) с подавлением истинной самости (true self) [18], в результате чего в психике детей закрепляются нарушения, которые могут быть обозначены, как «ребёнок — нарциссическое расширение матери». То есть ребёнок живёт не своей жизнью, а отыгрывает в своей жизни то, что родитель не смог прожить сам. При максимальных усилиях по сохранению телесного здоровья здесь явно страдает психика.

Всё вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что стиль, обозначаемый Л. Демозом как «помогающий» является таковым только по отношению к телу воспитуемого, которое должно остаться живым любой

ценой. Так как желания ребенка могут толкнуть его на действия, несовместимые с сохранением жизни, то задачей стиля является избавление индивидуума от всех потенциально опасных желаний, что фактически ведёт к избавлению от всех желаний вообще. Из-за сходства структуры желаний и страхов этого стиля воспитания с «детоубийственным» и по аналогии с ним этот стиль воспитания можно назвать «душеубийственным» и сформулировать его защитные фантазии следующим образом:

- желания родителей: мы будем любить тебя, если ты будешь тем, кем мы сами хотели бы быть;
- фантазия бедствия: я воплощаю тайные желания родителей вместо самореализации;
- фантазия защиты: я жертвую собой ради спасения родителей;
- фантазия желаемого: отец увидит меня (в глазах матери я не отражаюсь).

В каждом последующем стиле проработка страхов и травм детства происходит быстрее, поэтому жертвы, выросшие в рамках стиля «душеубийства», пытаются оградить своих детей от аналогичных травм, направляя свои воспитательные усилия в другое русло. Боясь навязать детям свои желания, они отказываются что-либо им диктовать, считая, что они (дети) лучше знают, что им надо. Дети таких родителей передоверяются няням, репетиторам, тьюторам, тренерам и учителям. Последние, вместо воспитания, предлагают детям большое разнообразие впечатлений, пытаются понять их предпочтения. Фактически, такие родители отказывают детям в Альфа-функции в понимании У. Биона, не помогая им осмыслить собственный опыт, ментализировать и назвать его [2, с. 37–38]. Формируется стиль воспитания аналогичный стилю «отказа» на предыдущем витке психогенеза — в Средневековье. Родитель предполагает и транслирует ребёнку: «Ты сам знаешь, что тебе нужно», в результате чего ребёнок оказывается в ситуации неопределенности по любому поводу, без каких бы то ни было опор и границ. Практика ювенальной юстиции, позволяющая забрать ребенка у родителей без веских доказательств их родительской несостоятельности — производное именно

этого стиля отношений. Как следствие работы защитной фантазии, характерной для стиля «отказа» в Средние века, можно рассматривать и такие широко распространенные явления современности как погружение детей и подростков в виртуальную реальность компьютерных игр и социальных сетей. На данном этапе мы можем определить фантазию защиты этого стиля как «я отказался от отца/матери», а желания родителей сформулировать следующим образом: «ребёнок сам знает, что ему нужно». Формулирование фантазии желаемого и фантазии бедствия в рамках этого стиля пока не представляется возможным и является задачами будущего исследовательского анализа.

Если вспомнить историю, то массовое бытование стиля «детоубийства» совпало с расцветом культуры Древней Греции и Рима, а стиль «отказа» — с периодом Средневековья. Из-за сходства в структуре желаний и страхов «детоубийственного» и «душеубийственного» стилей, а также «отказа» и «душеотказа», напрашивается вывод о возможности прогнозирования следующего цикла развития стилей воспитания, подобных описанной Л. Демозом последовательности. Если объектом приложения воспитательных усилий в предыдущем цикле (VIII в. до н.э. — середина XX в. н.э.) являлось тело ребенка, то на современном этапе, который только начинает разворачиваться, объектом приложения воспитательных усилий становится эмоциональная жизнь (душа).

Возможно, что описанная Демозом последовательная смена стилей воспитания, является одним из нескольких витков их циклической смены и что существовало ещё несколько предыдущих витков развития, завершившихся примерно к началу II тысячелетия до н.э. Окончание этих циклов сопровождалось серией социальных и экономических потрясений, которые в исторической науке известны как «катастрофа бронзового века». Эти циклы стилей воспитания имели дело с теми явлениями, которые в настоящее время являются наиболее табуированными в рамках нашей культуры: с каннибализмом и с инцестом. Древние греки, например, гордились тем, что они отказались от каннибализма в то время когда их боги все ещё были каннибалами [5, с. 47–49].

В западноевропейской истории с каждым новым стилем на сцену всегда выходил новый психокласс, воздействие которого проявлялось сначала преимущественно в художественной сфере, а затем реализовывалось и в других социальных институтах. Существует значимое соответствие между «большими» стилями, описанными и классифицированными Л. Демозом стилями воспитания.

С практической точки зрения наибольший интерес для нас представляет ближайший к нам стиль «душеотказа», началом формирования которого можно считать конец 1970-х годов. Именно с его появлением связаны процессы, названные «возвращением Средневековья».

Основная проблема средневекового воспитания — незавершенная сепарация. В «душеотказе» практикуется не физическое, но психологическое бросание, перепоручение материнских функций другим людям, которое приводит к подобной же травме. При этом телесной целостности и физическому здоровью современного младенца, в отличие от Средневековья, ничего не угрожает. Вместе с тем, вынужденный опираться на разных людей для формирования устойчивого образа опорной фигуры, младенец остаётся (в случае неудачи) с целым набором незавершенных расщепленных репрезентаций, а вместо поддержки он имеет только разнообразные впечатления, которые получает на основе своих сиюминутных предпочтений. Что в итоге приводит к формированию личности, отрицающей авторитеты и любую иерархию, имеющую коммуникационные проблемы, увлеченную различными эзотерическими (нью-эйдж, астрология, псевдо-буддизм и т.п.), а точнее, колдовскими практиками, аналогичными по своей сути колдовским практикам Средневековья, неспособной к последовательному встраиванию в традиционную корпоративную систему, созданную представителями «социализирующего» и «душеубийственного» стилей воспитания.

В наиболее ярких своих проявлениях это приводит к следующим социальным явлениям: кочевой образ жизни, дауншифтинг, маргинальность и социальный эскапизм, бегство в виртуальную реальность. И именно в виртуале представители этого стиля воспитания

могут формировать связи, аналогичные феодальному оммажу или монашескому братству Средневековья. Таким образом реализуется защитная фантазия этого стиля воспитания «Я отказался от отца/ матери». Определенные параллели между «отказом» и «душеотказом» можно найти и не прибегая к глубокому анализу: религиозные шествия, процессии флагеллантов, карнавалы с переворотом системы ценностей, детские крестовые походы, массовые танцевальные психозы (хореомания, тантангизм) в Средневековье и гей-парады, карнавалы секс-меньшинств, массовые психозы (признания жертв изнасилований и сексуальных домогательств, русофобские истерики, допинговые, шпионские и кибер-скандалы, BLM и ЛГБТ-активизм). В том, что касается искусства, корреляция также прослеживается, где-то довольно прямо, а где-то в более завуалированном виде.

Рассмотрим проявления Средневековья в наши дни на примерах.

АРХИТЕКТУРА

Начать стоит с архитектуры, которая всегда являлась материальным манифестом новых мировоззренческих позиций и осуществляла массивное привнесение этого нового в привычное, освященное традициями старое окружение [8, с. 11].

Говоря о Средневековье, почти всегда подразумевают готику. Готическая архитектура — это, прежде всего, соборы, они совершенно феноменальны по своим размерам и чудовищно не соответствуют параметрам человеческого тела, которые до готики, в том числе в силу чисто функциональных и конструктивных причин, были точкой отсчета любой архитектуры. Если давать стилю краткую характеристику, то готика — это тонкий каменный каркас и очень много стекла и света. Свет в этом стиле служил метафорой нетварного Божественного света, он заливал всё внутренне пространство соборов. Этого удавалось достичь с помощью вынесения конструкции здания на боковые фасады. Распор арок свода передавался не на стены, как прежде, а на систему аркбутанов и контрфорсов [10, с. 27]. Таким образом скелет здания оказывался снаружи, вся постройка получалась как бы вывернутой наизнанку. Особенно стоит отметить чрезвычайную

1. Нотр-Дам-де-Пари. Боковой фасад
2. Собор св. Вита, Прага, Чехия. Фасад
3. Кафедральный собор в Милане, Италия. Аркбутаны
4. «Бионическая» английская готика. Перекрытия сводов
5. Центр им. Ж. Помпиду, Париж, 1977 г. Арх. Р. Пиано, Р. Роджерс, Д. Франчини
6. Башня Лойда, Лондон. Арх. Р. Роджерс, 1986 г.

высоту этих зданий: из десяти самых высоких соборов в мире семь — это готика, их высота достигает до 160 метров (Ульмский собор в Германии). Огромная высота зданий обусловлена общим вертикализмом стиля [16, с. 161]. Стрельчатая готическая арка, надломленная по центру, не имеет в себе такой уравновешенности как полукруглая романская, она устремлена вверх, к небу, как будто его нужно достичь, непременно дотянуться, при этом само небо не нисходит к земле, а отстраняется от неё. В линиях, в пластике и декоре готики ощущается нервность, чрезмерность, скелетность и даже паутиность — нервюры сводов и пучки круглых в сечении колонн её только подчеркивают. Кстати, паутина может вывести нас на образ паучихи — фаллической матери, прячущейся где-то среди этих острых каменных кружев. Поздние варианты готических сводов, особенно в английском варианте готики, настолько сложны и специфичны, что напоминают собой мышечные волокна и сухожилия, то есть поддерживают обусловленный конструкцией эффект вывернутого наизнанку тела, придавая зданиям парадоксальную биоморфность — человек, находясь внутри собора, оказывается в положении младенца в утробе матери.

Современным аналогом готики является зародившийся в начале 1970-х стиль хайтек. Конструктивной основой хай-тека служит тонкий стальной (трубчатый) каркас, на который навешены стеклянные наружные стены. Свет в этом стиле воспринимается как явление положительное и чрезвычайно

одобряемое, как и в готике, но весь божественный смысл из него удален. Теперь свет — это «сияние» спекулятивного финансового капитала и корпоративного могущества, претендующих занять главное место в общественных ценностях. Современные финансы — сфера такая же далекая от реальной жизни, как и диспуты средневековых схоластов. Финансовые спекулянты продают бумагу ради бумаги, получают прибыль из воздуха и не имеют отношения к фактическому производству чего-либо. Конструкции и коммуникации (своеобразные «внутренности» здания) в хай-теке выносятся на фасад [11, с. 142], например, как в Центре Помпиду в Париже или Башне Ллойда в Лондоне. Мы снова видим ту же схему: скелет плюс вывернутость наизнанку. Квинтэссенция хай-тека — это высокие небоскрёбы, стиль деловых и финансовых корпоративных центров (лондонский Сити, американский Манхэттен, Москва-Сити, азиатские финансовые и корпоративные центры). Интересно, что примерно в то же время, когда воцаряется хай-тек, расцветает и культ загара — свет, приобретает квази-религиозный смысл, ему придают значение источника жизни, свойства правильности и полезности для здоровья. Этот культ продержался несколько десятилетий и даже под давлением статистики про рак кожи не отступает до сих пор.

Практически все современные торговые центры возводятся в стиле хай-тек (не всегда с коммуникациями наружу, но лестницы выносят на фасад часто). Их интерьеры всегда светлые и высокие, а фасады украшены красочной рекламой, зачастую они полностью превращены в экраны с меняющимися рекламными картинками. Это самое яркое здание, с которым сталкивается современный рядовой человек в своей повседневной жизни. В современной концепции торговый центр — это замена средневекового храма, который нужно посещать всей семьей в субботу или воскресенье. Это «благочестиво» в современном варианте, т.е. социально одобряемо.

С формальной точки зрения сходство готики и хайтека проявляется главным образом в том, что оба стиля каркасные — вся нагрузка сводов переносится на каркас (причем в случае готики — это каменный каркас круглый

в сечении, а в случае хай-тека — стальной круглый трубчатый), а стены являются просто тонкой оболочкой и никакой нагрузки не несут, кроме того, оба стиля выжимают из материалов конструкции максимум того, что они могут дать, то есть и там, и там материал работает на пределе, и в обоих случаях используется большая площадь остекления. В композиции преобладает вертикальность в своих максимальных значениях: огромной высоты соборы и гигантские современные небоскребы.

КАРНАВАЛЫ

Официальные праздники средневековья и церковные, и феодально-государственные никуда не уводили из существующего миропорядка и не создавали никакой второй жизни. Такие праздники, в сущности, смотрели только назад в прошлое и этим прошлым освящали существующий в настоящем миропорядок. В противоположность официальным праздникам карнавал праздновал временное освобождение от господствующей правды и существующего порядка, временную отмену всех иерархических отношений, привилегий, норм и запретов. Это идеально-реальное упразднение иерархических отношений между людьми создавало на карнавальном пространстве особый тип общения невозможный в обычной жизни. На карнавале вырабатывались и свои формы площадной речи, и площадного жеста, откровенные и вольные, не признающие никаких дистанций между общающимися, формы, свободные от обычных, внекарнальных норм этикета и пристойности. Настоящий карнавал не укладывался в один вечер и не праздновался в помещении, главный его смысл — в многодневных и сложных уличных действиях и шествиях. Он был не художественной театрально-зрелищной формой, а как бы реальной (но временной) формой самой жизни, которую не просто разыгрывали, а которой жили почти на самом деле (на срок карнавала). Карнавальная культура стала своеобразным отображением верования о цикличности всего сущего, последовательности жизни и смерти. Она полностью основывается на противопоставлении и расщеплении на две категории — «верх» и «низ», которые имеют

Дьявол, пожирающий младенца, XVI в. Иллюстрация из рукописи. Практически обязательная фигура любого из карнавалов. Типичным для этой фигуры являлась карикатурная гротескность, безобразность, подчеркнутая чернотой маски, а нередко еще и другими рожицами, помещенными на локтях, коленях, животе и на заду

Слон, XVI в. Иллюстрация из рукописи. Бестиарий определял слона как аллегория грехопадения

строго топографическое значение: верх — это небо, низ — земля, которая считалась и поглощающим, и возрождающим началом. А в телесном аспекте, который не отделяется от космического, верх — это лицо, низ — гениталии, живот и зад. Карнавал был праздником телесного низа, и такой же образности, поскольку совокупление, зачатие, беременность, рождение, пожирание и испражнение являются главными темами всех его увеселений. Во время карнавала все переворачивалось с ног на голову, воссоздавался мир «наизнанку» [1, с. 16].

Одним из более-менее достоверно описанных считается традиционный карнавал, проводившийся в Нюрнберге (XIV–XV вв.). Во время карнавала главную часть шествия составляли так называемые адовы платформы, конструкции, на которых везли различные скульптурные композиции, высмеивавшие пороки и демонстрирующие разные запугивающие виды ада, чертей, корабли дураков и прочие сюжеты. К сожалению, изображения карнавалов платформ крайне скудны и понять по ним что там в действительности было очень сложно. Сохранились изображения платформ несколько более

Адская пасть, XVI в. Также один из обязательных образов: платформы с изображением ада, попадание в который почти всегда происходило через символическое пожирание дьявольской пастью и сопровождалось фантазией о последующем анальном рождении

позднего периода — XVI века. Они дают некоторое представление об этом зрелище.

Современный ежегодный карнавал политической сатиры проводится в нескольких городах Германии (Кельн, Майнц и Дюссельдорф). Основные его темы — высмеивание политических деятелей и злободневных проблем повседневной жизни. Трактовка изображений, представленных на платформах, в полной мере сохраняет средневековую традицию

Ангелина Меркель и грехопадение. Тема платформы связана с актуальным на тот момент парламентским скандалом: правительство купило у анонима информацию о гражданах — налоговых уклонистах. Меркель протягивает руки к диску с купленной информацией

Дональд Трамп в виде слона

Ангелина Меркель и Дядя Сэм. Визуализация фантазии об анальном рождении

юмора с темами «телесного низа» и отрицания авторитетов. Используется тот же площадный язык, а также прямые иллюстрации табуированных в обычной жизни сексуальных тем и физиологических процессов.

МУЗЫКА

Отношение к музыке в Средневековье было очень дуалистичным, возможно, это связано с влиянием античной традиции, где она активно использовалась в различных синтетических культах для приведения в измененные состояния сознания во время ритуалов и мистерий. Считалось, что благозвучная и сдержанная музыка, смягчая нравы, приобщает души к божественной гармонии, облегчает постижение тайн веры, а возбуждающие оргиастические мелодии, напротив, развращают и приводят к нарушению Христовых заповедей и конечному осуждению. В христианских храмах во время богослужений инструментальная музыка (в отличие от пения) долгое время была под запретом, как слишком сильный эмоциональный фактор, мешающий сосредоточенному состоянию. Исключение в западной традиции было сделано только для органа, в восточной — никаких исключений не допускалось.

Символами «плохой» музыки служили музыканты-химеры, которыми изобилуют поля готических рукописей — воплощение греховности ремесла гистрионов, бывших одновременно музыкантами, танцорами, певцами, дрессировщиками животных, рассказчиками и т.п. Клирики объявляли гистрионов «слугами Сатаны». Позднеготические картины изображают ад как пространство, в котором музыкальные инструменты символизируют различные грехи. В качестве примера можно вспомнить часть триптиха «Сад наслаждений» И. Босха и работы других художников. Главными чертами массовой средневековой музыки, насколько мы можем судить о её характере по историческим документам и фольклорным традициям, были ритмичность и громкость, «громко» в ту эпоху для большинства слушателей было синонимом «красиво».

В современной ситуации, ещё в «душеубийстве», а затем и в «душеотказе» появляется феномен совершенно новой музыки: с заданным жестким ритмом, похожим на ритм учащенного сердцебиения. Её появление совпало с началом нового витка психогенеза, с сексуальной революцией и другими явлениями, которые с точки зрения классической культуры расценивались как маргинальные. В культурологии это направление даже

Вверху: Музыканты-химеры. Миниатюры из Маастрихтского часослова, XIV в.

Справа: И. Босх. Сад земных наслаждений. Ад, нач. XVI в. У Босха в аду представлен целый набор различных музыкальных инструментов

Внизу: Ад. Миниатюра из Часослова Екатерины Клевской, XV в.

получило отдельное название — «контркультура». Характерно, что термин был придуман на рубеже стилей «душеубийства» и «душеотказа», то есть возможность назвать явление появилась отнюдь не сразу. Обширное распространение контркультуры стало следствием сепарационной неудачи поколений, воспитанных в рамках новых воспитательных стилей. Контркультурная музыка — это

Фестиваль электронной музыки и технологий Alfa future people, 2015 г. Фактический повтор в визуале декораций образа средневековой адской пасти, пожирающей грешников

такое своеобразное добровольное погружение в ад, которое поддерживается концертными декорациями, сценографией и внешним видом музыкантов, их одеждой, гримом и в целом образом жизни. Примером тому могут служить почти все крупные молодежные музыкальные фестивали самых различных направлений, начиная от легендарного Вудстока, до поп-музыки (типа «Евровидения») и более «продвинутых», таких как, например, Alfa Future People, который активно популяризирует в числе прочего и идеи трансгуманизма. Жесткий ритм, аналогичный ритму сердцебиения матери, который ощущает ребёнок, отчасти позволяет поддерживать психику человека с незавершенной сепарацией, снижая его бессознательную тревогу: это одновременно слияние с матерью и попытка отделения от неё (я — часть тебя, и в то же время я не слышу тебя, я сам тебя бросаю). С этим же связана традиция постоянного прослушивания музыки (ношения её с собой в современных электронных гаджетах). Наушники, которыми человек отгораживается от окружающего мира, превратились из утилитарной вещи в неотъемлемый аксессуар, практически часть тела. «Ритмично и громко» сейчас, как и в Средневековье, равно «красиво»: мощная усилительная аппаратура на концертах, мощные звуковые установки дома, громкий звук в наушниках.

ШУТЫ С ШУТОВСКИМИ ЖЕЗЛАМИ

Одним из наиболее содержательных (если не ключевых) атрибутов средневекового шута являлся деревянный жезл наподобие скипетра, верхушку которого украшала резная голова величиной с кулак с ослиными ушами, — как правило, портрет самого шута. Обычно шут нес жезл перед собой так, что взгляды его и двойника пересекались. Этот мотив трактуется по-разному: как абсурдный диалог шута с самим собой, как крайняя сосредоточенность на самом себе, граничащая с нарциссизмом. В средние века облик шута должен был аккумулировать все, что считалось признаком глупости и пренебрежения заповедями.

Современный вариант жезла шута — сэлфи-палка (тот же нарциссизм, та же сосредоточенность на самом себе и абсурдный диалог с самим собой, только с помощью такого виртуального протеза как соцсети). Внешний фокус сборки личности — постоянная необходимость быть замеченным и одобренным другими — «своими», получать поддержку и противопоставлять себя родительскому поглощению.

КОРАБЛЬ ДУРАКОВ

Появление образа корабля как метафоры перехода теряется в глубине истории. Если смотреть ближе к интересному нам времени, то такие корабли, заполненные сумасшедшими

Слева: Шут с шутовским жезлом. Миниатюра из рукописи, XV в.
Справа: Современный вариант

А. Дюрер. Иллюстрация к поэме «Корабль дураков». Гравюра, XV в.

П. Брейгель. Дураки и шуты. Гравюра, XVI в.

и перевозившие свой необычный груз из города в город, являются существенной частью европейской традиции. Изгнание заболевших смертельными болезнями из города или общины в Средневековье — социальная норма. Крестовосцы принесли из Малой Азии проказу, которая превратилась в Европе в пандемию, при этом единственным способом борьбы с распространением болезни была изоляция заболевших. Когда к концу эпохи готики пандемия постепенно сошла на нет, место проказы (ритуальной нечистоты тела) заняло безумие, которое иногда понималось как вольная или невольная одержимость (ритуальная нечистота духа). Поэтому безумие сопровождалось такими же многочисленными ритуальными очистительными и символическими действиями, какие в свое время сопровождали проказу. Помещение на корабль воплощало собой идею одновременной изоляции и ритуального очищения, поскольку изолированный корабль плыл по текущей воде. И хотя реальная чистота речной воды в то время была под большим вопросом, ритуальная её символика все же сохранялась. Значительную лепту в развитие образа внесла поэма Себастьяна Бранта «Корабль дураков», изданная в 1494 году, которая стала истоком целого направления литературы о дураках. Что примечательно, поэма написана на немецком языке, а не на латыни, с использованием образов местного фольклора. Успех «Кораблю дураков» обеспечили и иллюстрации

И. Босх. Корабль дураков, XV в.

(гравюры молодого А. Дюрера) и доступность языка. Можно сказать, что поэма стала наиболее популярным произведением своего времени. С. Брант описывает вереницу дураков разных сословий и профессий, собирающихся отплыть в дурацкий рай — Наррагонию. Кораблю угрожает гибель в бурном море, ибо люди верят не Богу, а Антихристу, а впереди всех ожидает Страшный суд [3]. Среди толпы отплывающих представлены дураки самых разных сортов: и шарлатаны-врачи, и азартные игроки, и модницы, и легкомысленные родители, и скряги, и взяточники, и пьяницы, и обжоры, и многие другие. С. Брант высмеивает невежество, алчность, распутство, грубость, расточительность, зависть, лесть,

неблагодарность и другие пороки, источником которых является человеческая глупость. Этот корабль запечатлел на одном из своих полотен Иероним Босх. Существуют разные трактовки образов Босха, но в нашем контексте может быть интересен вариант М. Фуко: «Корабль дураков плывет по стране наслаждений, где желанию человека доступно все, по какому-то новому раю, ибо человек здесь не ведаёт больше ни нужды, ни страданий; и все же прежней невинности ему не обрести. Мнимое это блаженство есть торжество дьявола, Антихриста, это подступающий вплотную Конец». Как полагал Фуко, в позднего-тической эпохи и период начала Ренессанса образ «Корабля дураков» претерпевает значительную трансформацию. Благодаря усложнению и переусложнению средневековый символ теряет реальное значение, пустота заполняется галлюцинациями и бредом. Происходит выворачивание значения образа наизнанку (переход в противоположность). «Мир образов претерпевает коренное изменение: стиснутый множественностью смыслов, он освобождается от упорядоченности форм. Поверхность изображения скрывает в себе столько различных значений, что предстает уже только загадочным ликом. Отныне власть его — не в поучении, но в неодолимой притягательности» [14, с. 38].

Столицу Нидерландов Амстердам называют одним из центров ЛГБТ-движения, гей-столицей планеты, поскольку именно там впервые было разрешено регистрировать однополые браки (с 2001 года). Первый парад в Амстердаме был организован в 1996 г. С тех пор он проходит каждый год и уже стал местной традицией. Открывает мероприятие мэр города. Фестиваль считается не только важным мировым событием, но и известной амстердамской достопримечательностью. Поскольку парад проходит на воде (участники парада плывут на специальных баржах-платформах), то совпадение его образа с символикой «Корабля дураков» напрашивается само собой. Помимо чисто внешнего сходства, у праздника есть и внутреннее соответствие теме: современное стремление к наслаждению и сибаритству, к ничем не ограниченному потреблению. Образы бесконечного веселья, сексуальных удовольствий, нарушения всевозможных запретов, культ молодости,

Гей-парад в Амстердаме

красивого тела и «райская» яркость — все работает на образ той самой «неодолимой притягательности», о которой писал М. Фуко. Как и на картине Босха, корабли несут на себе сексуальную символику (прямую и завуалированную), люди на них бездумно веселятся, поют, призывают к себе. Таким образом, «Корабль дураков» из образа изгнания, социальной изоляции и социальной смерти трансформирует проблематику однополых отношений в образ демонстративного самопредъявления и саморекламы, требующий от окружающих присоединения и восхищения, а также следования тем же курсом — в «дурацкий» рай, в который плывут эти корабли.

КЕФАЛОФОРЫ

Кефалофор (буквально с греческого: «главоносец») — изображение святого, держащего свою голову в руках. Это указывает на то, что святой был умерщвлен путем усекновения головы, сам термин впервые был использован в 1914 году Марселем Эбертом. Наиболее известным кефалофором является святой Дионисий, небесный покровитель Парижа [12]. Всего известно более сотни житий святых, которые были умерщвлены таким образом и удостоились подобных изображений. Традиция эта скорее западная, так как в восточной церкви особенного развития она не получила. Сцены казни (усекновения главы) в восточной традиции изображались в основном только в житийных клеймах. Исключение составляет изображения Иоанна Крестителя («Усекновение главы Иоанна Предтечи» или «Иоанн Предтеча — Ангел пустыни»), но это довольно редкий и специфический тип иконографии [11].

На открытии Недели моды в Милане в 2018 году Алессандро Микеле — креативный директор дома Гуччи, срежиссировал дефиле моделей, две из которых держали в руках муляжи своих собственных отрезанных голов. Зал для показа был стилизован под хирургическую операционную, а приглашение было оформлено как оранжевый таймер, который отсчитывал секунды до начала мероприятия. Этот же мотив повторил голливудский актер Джаред Лето, явившийся на Met Gala — бал Института моды Метрополитен-музея в 2019 г. с таким же муляжом своей головы.

Иоанн Креститель — Ангел пустыни. Икона, нач. XVI в.

Голова пользовалась бешеной популярностью и послужила основой множества совместных фото с другими гостями мероприятия.

Тема отдельной от тела «запасной» головы с психоаналитической точки зрения может быть метафорой расщепленной личности с невоплощенным Я, имеющей в теле ядро ложной самости. О таких формах психопатологии писал Р. Д. Лэнг. Они являются одним из следствий как гиперопекающего, так и бросающего типов воспитания («отказ» и «душеотказ»), когда вместо истинной самости развивается массивное «ложное Я». Отрезанная голова оказывается вместилищем истинного Я, а ложная самость «оккупирует» тело: «Тело ощущается скорее как объект среди других объектов в этом мире, а не как ядро собственного бытия индивидуума. Вместо того, чтобы быть ядром истинного Я, тело ощущается как ядро ложного Я, на которое отстраненное, развоплощенное, «внутреннее», истинное Я взирает с нежностью, изумлением или ненавистью в зависимости от случая <...> Невоплощенное «Я» становится гиперсознанием» [8, с. 64].

Св. Альбан Майнцский. Неизвестный художник, нач. XVI в.

Св. Дионисий Парижский. Неизвестный художник, нач. XVI в.

Джаред Лето на Met Gala бал, 2019 г.

Дефиле Gucci. Миланская неделя моды, 2018 г.

КОМИКСЫ

«Лоскутность» психики, характерная для «душеотказа», сопровождается своего рода «лоскутностью» сознания (так называемое «клиповое мышление»), которое проявляется в неспособности долго сосредотачиваться на одной теме и требует частой смены внешних впечатлений. Это порождает разрастание субкультуры комиксов до полноценного культурного феномена. То, что в Средневековье объяснялось обычной неграмотностью, сейчас объясняется неграмотностью функциональной, то есть психологической неспособностью усваивать тексты, даже если они короткие. С культурологической точки зрения комиксы — это очень значимое проявление поп-арта и массовой культуры в целом. Они печатаются большими тиражами, по ним снимаются фильмы, они оказывают влияние на моду, соцсети и дизайн. Человек наделенный клиповым мышлением, легко усваивает визуальный ряд, состоящий из простых иллюстраций, сопровождаемых простым текстом, изображающим речь персонажей или поясняющим ситуацию. Стиль современных комиксов синтетичен, он вобрал в себя разнообразные визуальные приемы от традиционной японской гравюры до модернистской фотографии. Сходство между современными и средневековыми комиксами не ограничивается только наличием подписей речи персонажей, но проявляется и в некоторых формально-графических приемах и иллюстративных подходах.

Книжная миниатюра играла в эпоху Средних веков значительную роль. Античность предпочитала свитки, а не кодексы. Поэтому у книжной иллюстрации практически не было аналогов в эпоху античности, а изобразительная манера и технические приемы разрабатывались весь раннесредневековый период. Один из вариантов оформления речи персонажей в различных сценах — это ленты с текстами. На миниатюре справа вверху изображен класс, в котором двое учителей, кажется, чрезвычайно оживленно дискутируют. Один из них держит свиток с текстом речи, другой указывает на свою ленту, что обеспечивает связь между персонажами и их высказываниями. В свете аналогии с комиксами интересно, что лента не всегда удерживается говорящим или даже находится рядом с его руками: она может напрямую вытекать

Миниатюра из Schoyen Collection, XIV в.

Миниатюра из рукописи, XV в.

из его рта или из тела. Хотя это встречается реже, такие персонажи выглядят поразительно современно из-за белого цвета ленты, создающего иллюзию настоящего филактера (пузыря с текстом речи) из комиксов.

Здесь речь путешественников персонажей располагается не на лентах, а на свободном поле над их головами, сопровождаемая чем-то вроде стрелки, ведущей к губам. В отличие

Миниатюра из рукописи. Британская библиотека, нач. XIV в.

Римляне против Аллеманов. Миниатюра из рукописи, XV в.

от предыдущих, эта сценка вполне бытовая и приземленная — путешествующие подростки жалуются на тяготы дороги и друг на друга мужчине, который несет на плечах плачущего ребенка. [17]

Не все ленты изображают прямую речь персонажа. Некоторые обозначают сцену, а иные призваны идентифицировать личность изображенного. Таким образом, мы видим средневековый эквивалент теггинга человека на фотографии, применяемый в соцсетях. Как, например, на иллюстрации XV века, где изображена Битва при Аргенторате римлян с германскими племенами аллеманов под предводительством Хнодомара. Слева подписано «Римляне», справа, соответственно, «Аллеманы». Причем, оба войска изображены в современных иллюстратору средневековых доспехах и вооружении.

Были иллюстрированные рукописи почти совсем не содержавшие текстов, только одни иллюстрации, совсем как современные комиксы. Например, «Библия Мациевского», она же «Библия Моргана», она же «Библия Людовика IX» или «Библия Крестоносца». Рукопись была создана в 1240–1250 гг. по заказу короля Франции Людовика IX Святого, вошедшего в историю как организатор и руководитель сразу двух крестовых походов — Седьмого и Восьмого. Кодекс содержит целых 283 иллюстрации к первым книгам Библии,

История Иосифа

Книга Судей. Среди почти 300 иллюстраций содержится 21 большая батальная сцена, выписанная во всех своих жестоких подробностях. Видимо, сказалась личность заказчика

Царь Давид-псалмопевец. Миниатюра из Годуновской Псалтири, XVI в. Над головами персонажей надписи, поясняющие кто перед нами: царь Давид, херувимы, люди, играющие на бубнах, трубах, цитрах, домрах и других инструментах

Миниатюра из Часослова Рене Анжуйского, XV в. Довольно сложное композиционное построение, не ограничивающееся простыми прямоугольниками. Изобразительная манера сильно отличается и от романики, и от ранней готики: объем моделируется цветом, тонкая черная обводка сохраняется, но играет уже вспомогательную роль, цвет становится важнее линии, помимо локальных красного, синего и зеленого, появляются и более сложные цвета (смешанный розовый, коричневый). Силуэты фигур мельчают и не занимают теперь почти всего пространства изображения, оставляя больше места для условного окружения

начиная от Бытия и до царствования Давида, то есть до Первой Книги Царств. Композиционно на странице обычно располагаются четыре прямоугольника с различными сценами из Библии.

Первоначально текста в книге не было вообще, но позднее, примерно через 100 лет (в середине XIV века), на полях добавили краткие описания происходящего на латыни. Иногда для большей выразительности изображение выходит за рамки обозначенного для него места. Такой прием используется и в современных комиксах. Динамичность композиций, черная обводка, контрастная и яркая цветовая гамма, выразительные силуэты, хорошо продуманная стилизация, вариативность размещения сцен в формате листов — все это те признаки, которые делают этот кодекс похожим на комиксы современных художников. «Библию Крестоносца» можно назвать одним из первых изданий комиксов, родом из середины XIII века.

Возвращаясь к теггингу, нужно упомянуть, что в традиции восточно-христианской иконописи на иконе всегда пишут какой именно праздник или событие изображено, кроме того Христос, все святые и ангелы обязательно подписаны возле головы или на уровне плеч. Безымянными остаются только второстепенные и незначительные персонажи и животные. В книжной миниатюре это правило соблюдается не всегда, но главных персонажей все же стараются обозначить. Надписи необходимы потому, что икона понимается в богословском смысле не как изображение события, а как своего рода окно в вечность, где происходит это самое событие, поэтому оно должно быть точно и правильно названо.

Ранний стиль американских комиксов, 60–70-е годы.

Более поздний стиль американских комиксов, 80–90-е годы. Моделирование объема цветом, больше внимания окружению

Как мыши kota погребали. Русский лубок, XVIII в.

Ранний стиль американских комиксов до 1970-х годов отчасти напоминает романские и раннеготические книжные миниатюры: отсутствие проработанной светотени, обозначение объема с помощью легкой чёрной

штриховки, четкая обводка всех фигур, плоскостность, локальные цвета, ограниченная контрастная цветовая гамма (никаких сложных переходов, сближенных цветов, моделирования объема цветом), умеренная стилизация. Линия и цвет работают на равных, являются одинаково важными. Более поздний стиль, сформировавшийся в 1980-е годы, обнаруживает некоторое сходство с позднеготической миниатюрой: появляются более сложные цветовые решения, объем выделяется цветом, черная обводка, сохраняясь, становится тонкой, менее выразительной и перестает играть ведущую роль в общей композиции. Цвет становится важнее, чем линия, схемы построения композиций усложняются, часто используются разные варианты резких ракурсов с экстремально низким или очень высоким горизонтом, либо кинематографические фрагментарные композиции. В целом стиль иллюстраций становится значительно более разнообразным и зависит от тематики.

В эту же традицию вписывается и народный русский лубок, где подписи тоже играли значительную роль, использовались локальные цвета, условное пространство и динамичная черная обводка фигур [13, с. 437].

ХИМЕРЫ

Химеры — ещё одно проявление неудачной и незавершенной сепарации, приведшее к опредмечиванию фантазии бедствия.

В истории искусств средневековый химеризм объясняется отчасти отголосками древнейшего, идущего ещё из бронзового века варварского «звериного стиля», а также переосмыслением античной традиции. Однако средневековые химеры, подпиравшие капители и скорчившиеся у основания колонн романских и готических соборов, очень сильно отличаются от своих античных предшественников. Они стали вмещать негативного содержания расщепленного надвое мира, воплощая собой хаотическое начало, не освещенное Божественным светом. «Показательна эволюция химеры — всем известной химеры, встречающейся повсеместно уже в Средние века, от английских псалтирей до Шартрского и Буржского соборов. В те времена химера давала наглядный урок того, как душа человека, терзаемого

Химеры средневековых соборов (готические и романские)

желаниями, становится пленницей звериного начала; все эти гротескные лица, расположенные на брюхе у чудовищ, принадлежали к миру великой платоновской метафоры и являли собой унижение духа, впавшего в безумие греха» [14, с. 38–39]. Тем не менее, они вызывали устойчивый интерес: издавались целые сборники-бестиарии, посвященные описанию этих фантазийных монстров [4], их повадок и мест обитания, они изображались на географических картах в малообитаемых и малоизученных местностях, а также на страницах манускриптов. Никакого массового интереса к подобным монстрам, составленным из частей разных реальных и фантастических животных, в классическую эпоху не наблюдается, за исключением краткосрочного всплеска в период романтизма, обусловленного модой на все «готическое». Интерес

к химерам после Средних веков закономерно возобновляется лишь на новом витке психогенеза, в «душеотказе».

Привлекательность такого «конструктора» из животных и людей в наше время вызвана, скорее, тем самым «лоскутным» восприятием, фрагментарностью интроецированных образов, которые психика ребенка, фактически брошенного родителями в «душеотказе», вобрала в себя, пытаясь обрести хоть какую-то опору. Стилем, в котором химерические создания являются главными персонажами, стал биопанк, родившийся в середине 1970-х годов, а особенно такое его ответвление, как body horror. Биопанк — ярко выраженная антиутопия, рассматривающая проблемы взаимоотношений трансгуманистов и традиционалистов, вмешательство в окружающую среду и человеческую природу биохакеров,

Вверху: Химеры. Неизвестные сетевые художники

Справа: П. Пиччинини. Большая мать-1, 2005 г. П. Пиччинини. Молодая семья, 2002 г.

последствия применения биологического оружия, человеческой селекции и генной инженерии. Жанр акцентирует внимание на неоднозначности такого рода исследований и применения биотехнологий в социуме. Главные герои жанра — зачастую жертвы биотехнологий, мстящие своим создателям или используемые ими в своих целях, а сцена, на которой разворачивается основное действие — какая-нибудь военно-медицинская биологическая лаборатория, где проводились крайне непривлекательные и даже преступные эксперименты.

МОДА

В готическую эпоху происходит окончательный разрыв с античной традицией в одежде и создаются почти все известные сейчас способы кроя. В отличие от предшествующей

свободной «рубашкообразной» романской моды, готике присущ сложный и облегающий покрой одежды [6, с. 113–114]. Вершины своего развития костюм достигает в конце XIV–XV вв., когда по всей Европе распространилась мода, созданная при Бургундском дворе. Никогда в истории европейцы не одевались так ярко, гротескно и причудливо, как в ту эпоху. В XIV веке укорачивается мужское платье: теперь длинные одежды носят только пожилые люди, врачи и судебское сословие. Люди более молодого возраста носят облегающие куртки, длиной выше бедер, подбитые плотным подкладом, у знатных особ они кроются из различных видов меха. При этом увеличивается объём плеч и груди, а верх рукавов делают преувеличенно широким. Большой объём фигуры в верхней части контрастирует с узкими шосссами

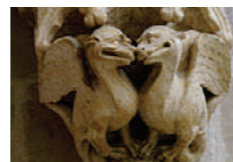
(штанами-чулками) и длинными узкими пуленами, концы которых пристегивают к колену, украшают зеркальцами, бубенчиками и различными фигурками. Длина пуленов была невообразимой (до 2,5 длины ступни), такая обувь требовала дополнительную пару защитных деревянных паттеннов на высокой платформе для ходьбы по улицам. Мужской костюм дополнялся коротким плащом, тщательно уложенными длинными кудрями и высокими шапками боннэ. Эта одежда воплощала эстетический идеал эпохи — образ стройного молодого человека, галантного кавалера, в противовес романской эпохе, с её грубыми бородатыми рыцарями, не имеющими никакого представления о куртуазности. Реальная маскулинность заменяется на показную и вычурную, пропорции тела становятся искусственными и почти карикатурно искажаются. В женской одежде лиф впервые отделяется от юбки. Ширина её увеличивается дополнительными вставками ткани. Появляется утягивающий талию корсет, пояс завывается почти под грудь, V-образное, квадратное или овальное декольте делают не только на груди, но и на спине. Верхняя часть костюма — узкий лиф с узкими длинными рукавами. В некоторых случаях рукава верхней

одежды резко расширялись к кисти и концы их свисали почти до земли. Корпус женщины отклоняется назад, образуя S-образный силуэт, получивший название «готической кривой». Ещё больше подчеркивает этот силуэт накладной «беременный» живот, сутулые плечи и длинный шлейф.

Подобно архитектуре того периода готическая одежда получила вертикальную направленность: отвесные концы верхних рукавов, достигающие пола, острые манжеты, сложные каркасные головные уборы, вытянутые вверх (атуры, геннины, боннэ) и остроносые пулены (которые носили и мужчины, и женщины, только женские были гораздо короче) подчеркивали эту тенденцию. Мода на женскую внешность была весьма специфичной: больше всего ценились хрупкие, худые, бледные, даже болезненно выглядящие женщины, маленького роста с тонкими руками, тонкими пальцами, выщипанными бровями и ресницами, узкими бедрами и маленькой грудью. Волосы выбривали на 3 см над естественной линией роста, создавая покатый лоб и вытянутый овал лица. Сбривали и часть волос на затылке для создания визуального впечатления более длинной шеи. Все выпуклости женской фигуры должны быть

Миниатюра из рукописи поэмы «Рено де Монтобан», XV в.

Драконы с капители Амьенского собора. Франция, XIV в.

Миниатюра из рукописи изображающая свадьбу Людовика де Блуа и Марии Французской, XV в.

Р. Ван дер Вейден, Портрет Изабеллы Португальской, XIV в. На королеве двурогий эннен с вьюлью и платье-роб с широкими рукавами и V-образным декольте

Платье-роб в бургундском стиле, XV в.

минимальными, чтобы фигура не казалась «вульгарной». Наиболее красивыми считались светло-рыжие или белокурые волосы. Общее впечатление от женского образа — хрупкий болезненный рахитичный подросток.

Сложно говорить о каком-то определенном направлении современной моды — она чрезвычайно разнообразна. Однако можно уловить некие общие тенденции. Примерно с начала стиля «душеубийства» современная мода требует от своих адептов крайней худобы: «Нельзя быть слишком худым или слишком богатым». Для «душеотказа» это требование стало и вовсе тотальным, что делает современную моду очень похожей на готическую, отличие только в том, что современная женская фигура в идеальном варианте должна быть не только плоской, но ещё и высокой. Худоба в этом контексте — попытка создания через тело не-матери, призванной обеспечить

поддержку, противоположна мягкой и пухлой материнской фигуре. Такую же роль играют и модные в массовой культуре искажения и повреждения тела: пирсинг, татуировки, импланты, хирургические модификации, социальная терпимость к которым в последнее время значительно увеличилась, маргинальными сейчас считаются только крайние и экстремальные случаи. Все это служит способом отделиться или сепарироваться от психологически бросающего, но заботящегося о теле родителя. Тело в таком случае используется как переходный объект и в то же время остаётся нарциссическим расширением матери/отца. Наиболее интересный переворот произошел в отношении татуировок: из принадлежности маргиналов (тюремная субкультура) они стали мейнстримом. Сейчас вопросы вызывает не наличие, а скорее отсутствие татуировок на теле. Хирургические манипуляции с лицом

А. Маккуин. Коллекция 2010 г. Платье почти полностью повторяющее готическое женское платье-роб, не хватает только конического эннена и вуали на голове

А. Микеле, Гуччи. Дефиле на Миланской неделе моды, 2018 г. Жакет на девушке очень похож на позднеготический мужской пурпур, и дракончик в руках поддерживает тему

А. Маккуин. Коллекция 2010 г. Прически моделей имитируют двурогие готические эннены, макияж — средневековые лица (без бровей и ресниц, с подчеркнута высоким лбом), а вся коллекция в целом создана в стиле био-панк — модели пропорциями и одеждой напоминают генномодифицированных мутантов. При этом все современные требования модной индустрии к женской фигуре соблюдены: высокий рост, худоба, плоская фигура

и телом из специфической актерской среды, где о них не принято было говорить публично, также перешли на уровень всеобщей обязательности, особенно для женщин, с достатком выше среднего. Существует совершенно сюрреалистичная мода на форму лица, губ, носа, глаз, размер груди, ягодиц и другие параметры фигуры. Причем, в отличие от прошлых веков, в наше время все это можно хирургически изменить (оставляя за скобками вред, причиненный психическому и физическому здоровью). Более того, требования распространяются не только на стандарты внешности, но и на возраст: в массовой культуре сейчас бытует мнение о том, что стареют только те, кто не имеет финансовых возможностей как-либо «исправить» эту ситуацию. ■

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. 2-е изд. — М.: «Худ. литература», 1990.
2. Бион У. Р. Элементы психоанализа / Пер. с англ. — М.: «Когито-Центр», 2009.
3. Брант С. Корабль дураков. Библиотека всемирной литературы. Ред. С. Шлапоберская / Пер. с нем. — М.: «Худ. литература», 1971.
4. Bestiary. Энциклопедия вымышленных существ // Bestiary.us [Электронный ресурс] URL: <http://www.bestiary.us/images/illjustracii-srednevekovyh-bestiariev>.
5. Видаль-Накэ П. Чёрный охотник. Формы мышления и формы общества в греческом мире / Пер. с фр.; под редакцией С. Карпюка. — М.: Ладомир, 2001.

6. Гербенова О., Кибалова Л., Ламарова М. Иллюстрированная энциклопедия моды / Пер. с чешского. — Прага: «Артия», 1988.
7. Демоз Л. Психоистория / Пер. с англ. — Ростов-на-Дону: «Феникс», 2000.
8. Добрицына И. А. От постмодернизма — к нелинейной архитектуре: архитектура в контексте современной философии и науки. М.: «Прогресс-Традиция», 2004.
9. Лэнг Р. Д. Расколотое «Я» / Пер. с англ. — СПб.: «Белый Кролик», 1995.
10. Пластические искусства. Краткий терминологический словарь.; под ред. Кантора А. М. — М.: «Пассим», 1995.
11. Православная энциклопедия. Иоанн Предтеча. — под ред. патриарха Кирилла (Гундяева). [Электронный ресурс] URL: <https://www.pravenc.ru/text/471450.html>.
12. Православная энциклопедия. Католические святые. — под ред. патриарха Кирилла (Гундяева). [Электронный ресурс] URL: <https://www.pravenc.ru/rubrics/122368.html>.
13. Тарасов О. Ю. Икона и благочестие. Очерки икононого дела в императорской России. М.: Издательская группа «Прогресс», «Традиция», 1995.
14. Фуко М. История безумия в классическую эпоху / Пер. с фр. — СПб.: «Университетская книга», 1997.
15. Языкова И. К. Богословие иконы (учебное пособие). М.: Издательство Общедоступного Православного университета, 1995.
16. Янсон Х. В., Янсон Э. Ф. Основы истории искусств / Пер. с англ. — СПб.: АОЗТ «Икар», 1996.
17. Kwakkel E. Medieval speech bubbles. [Электронный ресурс] URL: <https://medievalbooks.nl/2015/01/23/medieval-speech-bubbles>.
18. Winnicott D. W. Ego distortion in terms of True Self and False Self / The maturational Processes and the Facilitating Environment: Studies in the Theory of Emotional Development // The International Psycho-Analytical Library, 64:1–276. London: The Hogarth Press and the Institute of Psycho-Analysis, 1965. — p. 140–152.

ИСТОЧНИКИ ФОТО

Карнавалы

1. Трамп в виде слона. <https://www.thescottishsun.co.uk/news/648928/carnivals-around-the-world-prove-its-not-all-about-rio-from-vooodoo-ceremonies-in-haiti-to-orange-throwing-in-italy>.
2. Меркель в виде Евы.

3. Меркель и Дядя Сэм <https://www.dw.com/ru/kak-v-germanii-smejutsja-nad-angeloj-merkel/a-47729411>.

Музыка

4. Alfa future people 2015 фото № 1.
5. Alfa future people 2015 фото № 3 <https://www.drive2.ru/b/2167360>.
6. Alfa future people 2015 фото № 2 https://vk.com/wall329578248_288.

Корабль дураков

7. Фото с фаллическим символом <http://lirate.ru/post/11902/1433115>.
8. Фото со ртом https://wowtravel.me/11-most-gay-friendly-cities-in-the-world/?mod=article_inline.
9. Фото с мужчинами на барже <https://burabai.ru/svobodnyj-ot-tradicionnyh-cennostej-amsterdam.html>.
10. Фото с женщинами на барже <https://ru.deposit-photos.com/21372357/stock-photo-canal-parade.html>.

Кефалофоры

11. Модель-мужчина с головой <https://www.kleinburd.ru/news/poteryali-golovu-ot-mody-kak-gucci-udivili-publiku-pokazom-svoej-poslednej-kollekcii>.
12. Модель-женщина с головой https://www.affaritaliani.it/costume/milano-fashion-week-tendenze-dalla-camicia-foulard-all-uniforme-sexy-526319_mm_646999_mmc_1.html.
13. Джаред Лето с головой https://www.huffpost.com/entry/jared-leto-severed-head-met-gala_n_5cd17a9de4b0e4d7573851fa.

Комиксы

14. Все комиксы отсюда <https://webofcomics.ru/>.

Химеры

15. Химера № 1 <https://kartinkinaden.ru/1496-monstr-119-foto.html>.
16. Химера № 2 https://johannesholm.artstation.com/projects/XdkGR?album_id=151679.
17. П. Пиччинини <https://erovvheel.com/art-object/sculpture/piccinini>.

Мода

18. Александр МакКуин белое платье <http://elsethmac.blogspot.com/2010/03/alexander-mcqueen-fall-2010.html>.
19. Александр МакКуин модели-мутанты <http://yahoou.ru/interesting/print:page,1,15844-bezumstva-ot-aleksandra-makkuina.html>.
20. Гуччи <https://models.com/oftheminute/?p=104540>.

АНОНСЫ

Рубрика «Анонсы» включает в себя два раздела:

1. Навигатор событий — список предстоящих мероприятий в области психоанализа: конференции, семинары, обучающие программы, круглые столы, клинические субботы и др., планируемых как в ЕАРПП, так и в ряде других психоаналитических сообществ. Навигатор включает краткие сведения о дате, времени и месте их проведения, ссылки на электронную страницу, иногда адрес электронной почты организаторов мероприятия, обратившись по которому Вы сможете узнать более подробную информацию.

2. Обзоры вышедших в свет новых печатных изданий по психоанализу и психотерапии. Обзор содержит основные сведения о книге, превью и информацию о том, где и как Вы сможете приобрести анонсируемое издание.

Основная цель рубрики: распространение информации, способствующей повышению квалификации и профессиональному развитию членов сообщества; налаживание коммуникаций в сообществе, в том числе посредством активного участия членов сообщества в мероприятиях, организованных различными региональными отделениями ЕАРПП.

Теоретическая подготовка — константная часть психоаналитического тренинга практикующего специалиста. Пополнение своей библиотеки, освоение новой информации на семинарах, конференциях, обучающих программах, посвящённых классическим и современным подходам психоаналитического лечения — процесс длиною в жизнь. Обзоры книг и Навигатор событий помогут Вам в этом процессе.

Навигатор событий

Дата	Город	Тема	Формат, оплата	Подробная информация и запись
18 июня	Ставрополь	Онлайн-семинар «Некоторые соображения о психосоматических процессах: кляйнианский подход», под руководством Каталины Бронштейн	онлайн	https://www.facebook.com/profile.php?id=100009254362538 Для регистрации участия необходимо выслать заполненную анкету на эл.почту: yeninvik@mail.ru
18–19 июня	Москва	Международная научно-практическая конференция «Планета психоанализа 2021: Дети, Подростки, Общество, Будущее»	онлайн	https://inpsycho.ru/lecture_hall/108
26 июня	Москва	Дистанционный семинар Клода Смаджа «Работа соматизации»	онлайн	https://psychic.ru/seminars.htm , Для регистрации участия необходимо написать на эл.почту: postmaster@psychic.ru
Осень 2021 год	Москва	Программа повышения квалификации Международной Школы Группового Психоанализа (ЕСРР, EGATIN, COIRAG) «Онлайн-психотерапия: психоаналитический взгляд»	онлайн	https://www.group-analysis.ru/school/treningi/on-line-theory/onlayn-psikhoterapiya-psikhoanaliticheskiy-vzglyad/
2 сентября, далее каждый четверг	Санкт-Петербург	СПОЛ (Свободная Психотерапевтическая Образовательная Лаборатория) — еженедельный бесплатный проект для психосообщества. Каждый четверг 19:00 до 20:30 московского времени.	онлайн, бесплатно	https://spol.su/ или spol.pdf или https://www.facebook.com/groups/628838404619696
4–5 сентября	Санкт-Петербург	«ДИСК» Демовизиум — исследовательски-супервизионный курс	очно, платно	Организатор — Образовательный центр «Психотерапия», +7 (911) 277-77-69, https://psy.education/
3, 17 сентября	Екатеринбург	Программа доп образования, сертифицированная МОО ЕАРПП «Парная (супружеская) терапия» (ведущая Скониная О. Б., специалист, тренинговый аналитик и супервизор ЕСРР) Обучение продолжится в октябре, ноябре, декабре (по 2 встречи в месяц, даты будут уточняться)	онлайн, очно	Юлия Данилова, координатор программы +7 (922) 133-58-23 WhatsApptvoison77@mail.ru

12 сентября	Москва	Проект Молодежного Комитета. Группа интервизий.	онлайн, для членов ЕАРПП — бесплатно	https://groupanalysischool.timepad.ru/event/1529188/ (обязательно предварительное собеседование)
14 сентября	Москва	Проект Молодежного Комитета. Литературный клуб «Психоаналитические дискуссии»	онлайн, для членов ЕАРПП — бесплатно	https://groupanalysischool.timepad.ru/event/1539329/
18 сентября	Москва	Первая Клиническая суббота РО Москва; цикла: «Аналитическая ситуация как динамическое поле»	онлайн, для членов ЕАРПП — бесплатно	Главная Европейская Ассоциация Развития Психоаналитической Психотерапии ЕАРПП-Москва. Официальный сайт. (ecpp-moscow.ru)
18 сентября	Москва	Проект Молодежного Комитета. Личный бренд и продвижение психоаналитика в социальных сетях. «Этика психолога в виртуальном пространстве для начинающих»	онлайн, для членов ЕАРПП — бесплатно	https://groupanalysischool.timepad.ru/event/1539329/
18–19 сентября	Новосибирск	«ДИСК» Демовизиум — исследовательски-супервизионный курс. Подробнее о программе можно узнать здесь https://www.skafyan.com/relevant-news-and-courses	очно, плата	Институт Современной Психотерапии и Психологии (Новосибирск), запись на курс на сайте ИСПП.РФ и по телефону 8 (983) 123-20-60 (WhatsApp)
26 сентября	Москва	Проект Молодежного Комитета. Группа интервизий	онлайн, для членов ЕАРПП — бесплатно	https://groupanalysischool.timepad.ru/event/1529188/ (обязательно предварительное собеседование)
29 сентября	Москва	Проект Молодежного Комитета. Группа рефлексии для начинающих аналитиков. «Поиск клиентов: этические и неэтические способы продвижения»	онлайн, для членов ЕАРПП — бесплатно	https://groupanalysischool.timepad.ru/event/1529157/ (обязательно предварительное собеседование)
2–3 октября	Екатеринбург	Осенняя конференция, посвященная 125-летию Д. В. Винникотта	очно	Следите за новостями на сайте РО Екатеринбург www.ecpp-ekb.ru
2–3 октября	Ростов-на-Дону	От идей Фрейда к современным подходам психоаналитической психотерапии	очно	https://www.facebook.com/RostovEARPP/
10 октября	Москва	Проект Молодежного Комитета. Группа интервизий	онлайн, для членов ЕАРПП — бесплатно	https://groupanalysischool.timepad.ru/event/1529188/ (обязательно предварительное собеседование)
16 октября	Москва	Вторая Клиническая суббота РО Москва из цикла «Аналитическая ситуация как динамическое поле»	онлайн, для членов ЕАРПП — бесплатно	Главная Европейская Ассоциация Развития Психоаналитической Психотерапии ЕАРПП-Москва. Официальный сайт. (ecpp-moscow.ru)

23–24 октября	Екатеринбург	Юбилейная 10-я конференция «Психиатрия и психоанализ: клинические диалоги»	очно, частично плата	Страничка конференции в Facebook: https://www.facebook.com/groups/clinical.dialogues
24 октября	Москва	Проект Молодежного Комитета. Группа интервизий	онлайн, для членов ЕАРПП — бесплатно	https://groupanalysisschool.timepad.ru/event/1529188/ (обязательно предварительное собеседование)
27 октября	Москва	Проект Молодежного Комитета. Группа рефлексии для начинающих аналитиков. «Личная философия аналитика и ее влияние на практику»	онлайн, для членов ЕАРПП — бесплатно	https://groupanalysisschool.timepad.ru/event/1659202/ (обязательно предварительное собеседование)
30 октября	Москва	Проект Молодежного Комитета. Личный бренд и продвижение психоаналитика в социальных сетях. «Профессиональная идентичность психоаналитика и продвижение специалиста в социальных сетях»	онлайн, для членов ЕАРПП — бесплатно	https://groupanalysisschool.timepad.ru/event/1539338/
6 ноября	Екатеринбург	Аналитическая суббота	очно	Следите за новостями на сайте РО Екатеринбург www.ecpp-ekb.ru
14 ноября	Москва	Проект Молодежного Комитета. Группа интервизий	онлайн, для членов ЕАРПП — бесплатно	https://groupanalysisschool.timepad.ru/event/1529188/ (обязательно предварительное собеседование)
16 ноября	Москва	Проект Молодежного Комитета. Литературный клуб «психоаналитические дискуссии»	онлайн, для членов ЕАРПП — бесплатно	https://groupanalysisschool.timepad.ru/event/1539329/
20–21 ноября	Москва	Международная Конференция по Групповому анализу с участием почетного члена ЕАРПП доктора Роби Фридмана	платно	МШГА; Секция ГАРО Москва ЕАРПП
20–21 ноября	Тюмень	«РсДРП» Работа с деструктивными и регрессивными пациентами. Подробнее о программе можно узнать здесь https://www.skafyan.com/relevant-news-and-courses	очно, плата	Логутенко Роман Михайлович +7 (908) 874-75-70 (WhatsApp)
24 ноября	Москва	Проект Молодежного Комитета. Группа рефлексии для начинающих аналитиков. «Мульти-модальный подход: расширение инструментария или размывание метода?»	онлайн, для членов ЕАРПП — бесплатно	https://groupanalysisschool.timepad.ru/event/1659202/ (обязательно предварительное собеседование)
28 ноября	Москва	Проект Молодежного Комитета. Группа интервизий.	онлайн, для членов ЕАРПП — бесплатно	https://groupanalysisschool.timepad.ru/event/1529188/ (обязательно предварительное собеседование)

4 декабря	Москва	Проект Молодежного Комитета. Личный бренд и продвижение психоаналитика в соц.сетях. «Продвижение в социальных сетях: разбор профиля специалиста»	онлайн, для членов ЕАРПП — бесплатно	https://groupanalysisschool.timepad.ru/event/1539338/
4–5 декабря	Екатеринбург	Авторский семинар Федорова Я. О.	очно	Следите за новостями на сайте РО Екатеринбург www.ecpp-ekb.ru
4–6 февраля 2022 года	Екатеринбург	Международная научно-практическая конференция XIV Зимняя школа МОО ЕАРПП «Нарциссизм»	очно	Следите за новостями на сайте конференции: www.school-ecpp.ru и группах конференции в соцсетях: Вконтакте https://vk.com/wpsysch_ekb Фейсбук https://www.facebook.com/Зимняя_школа_НО_ЕЦРР_в_России_по_психоанализу_Екатеринбург-100269484701999/ https://instagram.com/w_psysch_ekb?igshid=dywy4maog3tx
Постоянный набор	Москва	Программа переподготовки Международной Школы Группового Психоанализа (ЕСРР, EGATIN, COIRAG) «Теория группового и индивидуального психоанализа»	онлайн/очно	https://www.group-analysis.ru/school/treningi/on-line-teory/teoriya-i-praktika-gruppovogo-i-individualnogo-psikhoanaliza99201313/
Постоянный набор	Москва	Программа переподготовки Международной Школы Группового Психоанализа (ЕСРР, EGATIN, COIRAG) «Теория группового психоанализа»	онлайн	https://www.group-analysis.ru/school/treningi/on-line-teory/teoriya-grupp-analiza-i-gruppovoy-psikhoterapii/
Постоянный набор	Москва	Программа переподготовки Международной Школы Группового Психоанализа (ЕСРР, EGATIN, COIRAG) «Семейное консультирование»	онлайн	https://www.group-analysis.ru/school/treningi/on-line-teory/semeynoe-konsultirovanie91322919/
Постоянный набор	Москва	Программа переподготовки Международной Школы Группового Психоанализа (ЕСРР, EGATIN, COIRAG) «Психоанализ в бизнесе»	онлайн	https://www.group-analysis.ru/school/treningi/on-line-teory/psikhodinamicheskij-kouching/
Постоянный набор	Москва	Программа переподготовки Международной Школы Группового Психоанализа (ЕСРР, EGATIN, COIRAG) «Групп-анализ практика, 1 уровень»	онлайн/очно (старт очной группы осенью)	https://www.group-analysis.ru/school/treningi/on-line/grupp-analiz-praktika-1-uroven-psikhoterapevticheskaya-i-obuchayushchaya-gruppa3536/
Постоянный набор	Москва	Программа повышения квалификации Международной Школы Группового Психоанализа (ЕСРР, EGATIN, COIRAG) «Сексология и сексопатология. Сексуальность, любовь и эротизм в современном мире»	онлайн	https://www.group-analysis.ru/school/treningi/on-line-teory/seksologiya-i-seksopatologiya-seksualnost-lyubov-i-erotizm-v-sovremennom-mire49245914/

Юдит Лё Сольда

Причины гомосексуальности Курс лекций о новой психоаналитической теории гомосексуальности

Юдит Лё Сольда / Причины гомосексуальности. Том 1 / Причины гомосексуальности. Лекции по новой психоаналитической теории гомосексуальности. Издано Фондом Юдит Лё Сольда. Перевод с немецкого Александра Хуснутдинова. — М.: ООО «Псиллабус», 2021. — 298 с. ISBN 978-5-6040138-5-4

О КНИГЕ

В книге «Причины гомосексуальности» рассматривается абсолютно новый подход к психологическим процессам, участвующим в формировании того, что мы называем сексуальной ориентацией. В ней поднимаются вопросы не только традиционных идей о гомо и гетеросексуальности, но читатель также получает иную основу для интерпретации того, что понимается под мужественностью и женственностью. Таким образом, Юдит Лё Сольда в своей книге разрабатывает теорию, намного обширнее, чем теория гомосексуальности. Ее точный анализ феномена гомосексуальности предоставляет новые, неизвестные до этого инсайты, проникающие в основу функционирования человеческой души.

В приведенных в этой книге одиннадцати лекциях Юдит Лё Сольда представила систематическое изложение разработанной ею те-

рии гомосексуальности. Систематический подход позволяет объединить основы психологии, предпосылки теории влечения и психологии развития, что дает возможность автору пояснить свою новаторскую точку зрения на различные возможные внутренние пути к гомосексуальности и к гетеросексуальности. Лекции представляют из себя нечто намного большее, чем просто раскрытие темы гомосексуальности: в них сжатое и дополненное важными аспектами изложение трансформированной ею в 1994 году психоаналитической концепции Эдипова комплекса. Лекции, по сути, являются продолжением основных постулатов теории влечения, сформулированных Лё Сольда в 1989 году в исследовании агрессии. Так, книга «Причины гомосексуальности» может рассматриваться как обзор всех научных трудов Лё Сольда и введение в созданную ею теорию.

Как заказать книгу

Приобрести можно в издательстве «Псиллабус»

Контакты издательства:

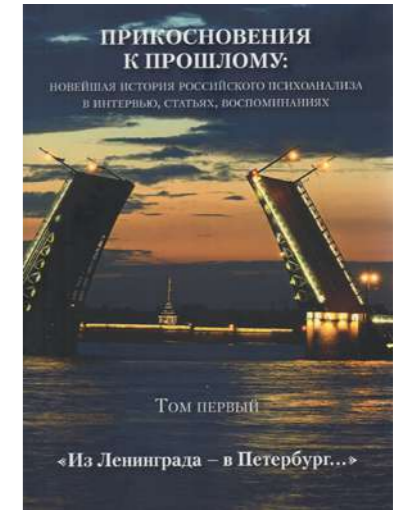
Телефон: +7-919-992-39-64

E-mail: psyllabuspublishing@gmail.com

www.psyllabus.biz

Прикосновения к прошлому: новейшая история российского психоанализа в интервью, статьях, воспоминаниях

Прикосновения к прошлому: новейшая история российского психоанализа в интервью, статьях, воспоминаниях. Том первый — «Из Ленинграда — в Петербург» / Сост., ред. В.А.Медведев. — М.: Изд-во «Перо», 2020. — 666 с. ISBN 978-5-00171-084-4

О КНИГЕ

В 2020 году сетевой историко-мемуарный проект «Психоаналитический Летописец» начал выпускать в свет книги из серии «Прикосновения к прошлому. Новейшая история российского психоанализа в интервью, статьях, воспоминаниях».

В первом томе серии — «Из Ленинграда — в Петербург» — устами их участников описаны события, заложившие основание нынешней питерской психоаналитической школы. Вместе с авторами вы пройдете по тайным местам тогда еще подпольного ленинградского психоанализа, узнаете из их рассказов о подлинной истории психоанализа и психоаналитической психотерапии в Ленинграде/Санкт-Петербурге: о питерских психоаналитических группах и их судьбе, об открытой борьбе и тайных интригах, сопровождавших появление в Питере «почвеннического» психоаналитического проекта, альтернативного восточно-европейской политике Международной психоаналитической организации, о рождении ВЕИПа как первого в истории «психоанали-

тического института нового типа», о причинах его взлета и его падения.

В книге показано, как психоаналитическая традиция, латентно сохранявшаяся в Ленинграде по модели «грибницы», пунктирно воспроизводившаяся и в академической психофизиологической школе, и в философском сообществе, и в сообществе психиатров и психотерапевтов (прежде всего, в Бехтеревском институте), и на кафедре клинической психологии университета («мясищевская школа»), а даже в Военно-медицинской академии, сумела на пороге 90-х годов консолидироваться в проекте Ленинградского психоаналитического общества, оба организатора которого — Валерий Зеленский и Евгений Гильбо — дали большие интервью для данного издания, где рассказали о его рождении и гибели. Вошли в это том и мемуарные очерки о ярчайших представителях питерской психоаналитической школы — Сергее Черкасове (1935–1997) и Никите Благовещенском (1964–2007), которых уже нет с нами, но память о которых жива.

Как заказать книгу

Книгу можно приобрести на торговой площадке OZON.RU — <https://www.ozon.ru/product/prikosnoveniya-k-proshlomu-noveyshaya-istoriya-rossiyskogo-psihoanaliza-v-intervyu-178705285> (стоимость — 1050 р.) и на сайте Санкт-Петербургского психолого-аналитического центра — <https://spbanalytic.ru/noveyshaya-istoriya-rossijskogo-psihoanaliza-chast-1/> (стоимость печатной версии — 938 руб., электронной — 380 руб.).

По электронному адресу russiamimago@mail.ru можно сделать предзаказ на второй, «московский», том данной историко-мемуарной серии.

НАУЧНО-ИНФОРМАЦИОННЫЙ ЖУРНАЛ ЕАРПП

ПРОСТРАНСТВО

психоанализа и психотерапии

ISBN 978-5-6040138-7-8

9 785604 013878